

Игорь Грант

Туки-та, моё сердце!

[Найду тебя во тьме]

ORIGINAL

Игорь Грант

**ТУКИ-ТА,
МОЕ СЕРДЦЕ!**
(НАЙДУ ТЕБЯ ВО ТЬМЕ)

СОО «Беспределье»
2014 г.

Рейтинг: NC-17

Жанры: романтика, юмор, флафф, повседневность

Предупреждения: нецензурная лексика

Содержание: 1-й: Вот привязался! Поймать бы его да... морду набить или поцеловать? Только плохо вот, что мир вокруг тёмный и холоден.

2-й: Скотина непрошибаемый! А вот хрен поймаешь! Сам сдамся... И ты согреешься.

Настоящая книга не может быть полностью или частично воспроизведена, тиражирована, распространена без разрешения автора.

© СОО “Беспределье” 2014 г.

1. НЛО, как Неопознанный Лающий Объект

Степан выпустил на лицо одну из своих проверенных самоуверенных улыбок и протянул руку за конвертом. Декан факультета, низенький пожилой Роберт Эммануилович Лорский, обладатель беспорядочной седой шевелюры, острого носа и роговых очков с голубоватыми стёклами, иронично хмыкнул:

- Вы, молодой человек, прекрасны в своей самоуверенности. Вам кто-нибудь это говорил?

- Вы сами и говорили, - ответил парень, с сомнением глядя на разложенные по столу профессора конверты. Снова старик взялся чудить. Вчера, на последней лекции по основам социальной медицины, Лорский благодушно известил их группу, что этим летом всех студентов второго курса ждёт практика. Степан, который готовился к этому с первого дня учёбы, чуть не закричал от радости.

Он и выбрал-то специальность «социального работника», можно сказать, по зову сердца. Никогда не мог спокойно пройти мимо старушки, глядящей с какой-то обречённостью на полуразвалившуюся лестницу, или не помочь инвалиду забраться в автобус. Когда ещё в одиннадцатом классе Мороз узнал, что в его городе появился филиал Государственного Института Социальных Технологий, он сразу же твёрдо решил, что подаст в него документы. Друзья долго кто пальцем у виска крутил, кто просто плечами пожимал. Одна только Ирка Верёвкина поддержала, одноклассница и соседка по лестничной площадке. Их семьи многие годы дружили домами, так сказать. И дети были неразлучны ещё с детского садика, в который тоже ходили вместе. Был, правда, ещё один понимающий – Славик Тюленев, тоже одноклассник. Он жил с мамой и совсем старой бабушкой. И не понаслышке знал, каково это – беспомощный человек в доме. Именно Славик, проведав о планах Мороза, сказал главные слова, окончательно убедившие Степана в выборе будущей профессии: «Ты бывал у нас и видел мою бабушку. Знаешь, как мы о ней заботимся...

А сколько таких одиноких? Молодец, Морзе». Так Степана звали все школьные годы. Ударение в его фамилии, Мороз, падало на первое «о». И не раз возникали недоразумения, особенно в первый год учёбы в школе. Семилетний Стёпка чуть не до слёз отстаивал свою фамилию перед учителями. В результате вся школа запомнила, как правильно надо её произносить. Но постепенно ребята в классе переделали сложное слово в прозвище. А вскоре и учителя начали между собой называть маленького упрямого шатена по фамилии изобретателя устаревшей, но знаменитой на весь мир азбуки Морзе.

К концу школы Степан превратился в крепкого парня среднего роста и атлетической комплекции. Физкультуру он любил и не пропускал. Правда, когда физрук заикнулась о карьере в спорте, раз и навсегда твёрдо расставил точки над «ё»: ему это не интересно. До конца последнего года в школе парень продолжал бегать, подтягиваться и всякое такое едва ли не лучше всех одногодок. А там и школа кончилась, ЕГЭ пролетел спокойно, сдача документов в институт тоже прошла без особых накладок. Степан сумел пройти по баллам на одно из пяти бюджетных мест, отданных филиалу головным вузом. Из-за этого преподаватели сразу принялись проверять парня на знания и остались довольны. Парень не мог похвастаться глубокими познаниями по школьным предметам, но провалы в знаниях перекрывал непробиваемым апломбом, помноженным на природное обаяние. Так и отучился два курса, мечтая о том дне, когда сможет, наконец, начать помогать людям, которые не в силах сами о себе позаботиться. И теперь этот день практически настал.

Степан уверенным движением взял со стола первый попавшийся конверт, не испорченный никакими надписями и картинками. Лорский ещё вчера предупредил:

- В социальных службах не принято назначать одиночное обслуживание. Это большая роскошь, молодые люди.

Профессор глянул на аудиторию поверх роговых очков, поджал губы и продолжил:

- Но нам они пошли навстречу. Городская служба социального обслуживания на дому согласилась направить вас на практику на тех условиях, которые необходимы нашему институту. Один студент – один обслуживаемый. Я видел список нуждающихся в вашей помощи. Они все разные люди, с разными характерами и судьбами. Но у них есть одно общее – они живут в одиночестве. С некоторыми будет трудно, я бы даже сказал – очень трудно. Надеюсь, вы понимаете, почему?

Ребята и девушки в аудитории глухо зашумели. Роберт Эммануилович покивал, слушая голоса, и сказал:

- Молодцы. Это будет первая ваша практика, от которой зависит очень многое. И я говорю не про оценки. За эти две недели решится главный вопрос – останетесь вы в профессии или нет. Не каждый выдержит то, с чем вам предстоит столкнуться. Будет и смешное, и страшное. И я, чтобы потом не говорили, что у меня есть любимчики, и что я кому-нибудь подsunул подопечного полегче и поприятнее, решил дать шанс судьбе.

Девушки и парни озадаченно притихли. Профессор же вдруг ехидно улыбнулся:

- Завтра в деканате вы будете сами выбирать себе кота в мешке. Никаких возражений и протестов быть не должно. Каждый из вас возьмёт с моего стола конверт, при мне вскроет и вслух зачитает имя. Я отмечу в журнале и выдам направление. Ну, а за личным делом вам самим придётся наведаться в ОСОНД*.

После окончания пар Степан помчался домой, чтобы рассказать маме о новой причуде декана и о своей радости. Они говорили половину ночи, прерываемые ворчанием сонного отца, выходявшего иногда на кухню воды попить. И вот теперь Степан Мороз, человек девятнадцати лет от роду, будущий социальный работник, держал в руке конверт и готовился шагнуть в омут. Он глянул на профессора, заметил в водянистых серо-голубых глазах смешинку и решительно надорвал плотную бумагу. Вытащив лист с отпечатанным текстом, студент с жадным интересом вперил взгляд в строчки и прочитал:

- Святослав Бехтерев, двадцать восемь лет, слепой, проживает один. Зрение потерял два года назад в результате автоаварии. До несчастного случая профессионально занимался фотографией...

Голос Степана дрогнул. Парень словно почувствовал ужас неведомого пока ему человека, привыкшего видеть мир во всём его многообразии, и утратившего этот дар в страшную долю секунды. Профессор задумчиво поставил галочку в своём листке, где был список фамилий тех, к кому ставили молодёжь на практику. Лорский с непонятым сочувствием посмотрел на одного из лучших своих студентов и сказал:

- Я даже рад, что этот случай достался вам, юноша.

- Почему? – озадачился Степан.

- Узнаете из личного дела. И мне кажется, вы справитесь, - покивал своим мыслям декан, залез в неприметную папочку с краю стола, достал

*ОСОНД – Отдел Социального Обслуживания Населения на Дому.

из неё официальную бумагу института с печатями и подписями, и вручил её парню:

- Вот направление в городской ОСОНД. Ваша практика начнётся восемнадцатого июня. Сдадите последний экзамен, отдохнёте недельку... И с богом, как говорится.

Так ничего и не понявший Степан вышел из деканата, попрощался с девушками своей группы, в которой парней было всего трое, считая Мороза, и отправился к лестнице, ведущей на первый этаж вуза.

Улица встретила его солнечной яркостью, запахами нагретого асфальта и пыли, а также воинственным чириканьем разбушевавшихся воробьёв, пытавшихся поделить между собой куст возле входа в институт. На дворе стоял второй день июня. Впереди были лето, экзамены и что-то совершенно новое в жизни парня. Степан посмотрел в опухшее аккуратным облачком синее небо, провёл ладонью по коротко стриженным волосам, перевёл взгляд на спешащих куда-то по тротуару людей и двинулся в сторону автобусной остановки.

Через привычные двадцать две минуты Степан вышел из жёлтого «буратиновоза» на родной остановке. До дома предстояло идти ещё одиннадцать минут, мимо своего бывшего детского сада, старой котельной и длинной череды пятиэтажек. Эта часть города строилась в брежневские времена и по ещё хрущёвским проектам. Так что район был настолько провинциальным и утопающим в зелени деревьев, высаженных вдоль дороги, что Степан до сих пор не верил, как вот эта милая простота может сочетаться со стайками недогопников. Впрочем, любители семечек и сборов денег «на озеленение луны» как-то и не трогали никогда крепкого парня. И думать о причинах этого Степан не собирался. Он двинулся по тротуару в сторону своего дома. Но минуты через две, пройдя уже садик и почти миновав котельную, он остановился и прислушался. Странный звук вновь прилетел откуда-то сверху. Будто где-то над студентом лаяла собака. Парень задрал голову в полном недоумении. В небе никаких «кабыздохов» не наблюдалось. Но лай продолжался. Словно невидимый пёс почуял, что его услышали и теперь старался дозваться. Степан внимательно осмотрел территорию котельной через забор из сетки-рабицы. А лай продолжался, наполняя Стёпу тревогой. Взгляд парня остановился на странной штуке, привязанной к лестнице, вытянутой вдоль высокой трубы. Именно в этот момент штука дёрнулась и новая порция лая долетела до студента.

- Вот же суки! – чуть ли с обидой выдохнул Степан. Он почти

подбежал к воротам котельной, проскочил мимо озадаченного слесаря, чистившего тряпкой какую-то деталь мазутного котла, и, не жалея одежды, вскарабкался по ржавым ступенькам, цепляя спиной защитный каркас лестницы, до загадочной штуки. Это оказалась квадратная корзина с плотно прикрученной к ней крышкой. С трудом отвязав добычу, Степан спустился вниз. Внутри корзины словно что-то взбесилось, отчего студент едва не оглох и не выронил ношу. Подбежавший слесарь озадаченно развёл руками:

- А я и не заметил, как они это сюда примастырили. Внутри был, наверное. Всё думал, где лает, да где.

- Кусачки есть? – спросил Стёпа. Он и не думал возмущаться. Главное, обитатель корзины всё-таки дозволялся спасителя. Слесарь порылся в карманах рубы-комбинезона, извлёк бокорезы и одним щелчком разделал три струны проволоки, удерживавшей крышку на корзине, из недр которой тут же высунулся знакомый Степану нос. Макс, уже много лет работавший на котельной и знавший всех обитателей улицы, досадливо проворчал:

- Ну, Старцев, уже псину бабы Моти чуть не уконтрапупил. Пусть только появится снова мопед чинить...

Валентин Старцев был звездой района. Главный гопник и затейник, так сказать. Степан выпустил из корзины Макарона, существо дворовой породы, обладавшее короткими лапами, коричневым окрасом и хвостом – вентилятором. Короткошерстный пёсик отряхнулся, ещё пару раз грозно высказал своё мнение о некоторых людях и помчался за ворота. Степан знал, что Макарон найдёт дорогу к хозяйке и на проезжую часть не сунется ни под каким предлогом, так что переживать не стал. Он спросил у Макса:

- Так это Валькина работа?

- Ну, так только он со своими сюда заходил, - кивнул слесарь.

Степан вздохнул, отряхнул от ржавчины синие джинсы, понимая, что это поможет мало, и проговорил, глядя с улыбкой на рыжего котёнка, выкатившегося из ворот котельной во двор:

- Ну, Валик, погоди... Быть тебе не просто «светлостью», а настоящим «сиятельством».

Макс заржал, спугнув любимца всей котельной – только рыжий хвостик мелькнул под створкой ворот одноэтажного здания. День вокруг грел пыльную улицу, растворяя всё плохое в синеве. Предчувствие чего-то замечательного в сердце парня и не подумало исчезать.

2. Удача? Главное, как ляжет Фишка

*Помню отпуск в Испании с тобой,
В небе яркое солнце, пальмы и песок.
На корриду билеты взяли с бою,
Наконец-то мы с тобой вместе смотрим бычий бой,
И восторг в груди! Но...*

*Это красное платье для чего ты надела?
Ведь быков, как известно, бесит красный цвет.
Тридцать три пикадора и отважный тореро
Под быком погибают в цвете юных лет.*

*Знают правило это все испанцы,
Что нельзя красным цветом раздражать быка.
Но приходят туристы-иностранцы
В красных платьях и штанах, с красным зонтиком в руках.
Будят злость в быках!*

*Это красное платье для чего ты надела?
Ведь быков, как известно, бесит красный цвет.
Тридцать три пикадора и отважный тореро
Под быком погибают в цвете юных лет.*

*Помню отпуск в Испании с тобой!
Я заплатил три цены за эти чёртовы билеты на корриду!
И кто ж тебя надомил одеть это красное платье?!
Ты же его не носила уже лет восемь!
Ну объясни мне – зачем, ну зачем?!
Какая же ты дура!*

(С) «Мурзилки Int»

Телефонный звонок раздался с последними звуками бесшабашной песенки, лившейся из динамиков музыкального центра. Сват вытащил из кармана пиджака сотовый, нащупал кнопку приёма и почти пропел в трубку:

- Какая же ты д-у-у-ура.

- Славочка, - раздался в ответ опешивший женский голос, - а ты не оборзел?

- Славочка? – удивился Святослав Бехтерев, бывший фотограф и настоящий дамочувитель. – Здесь таких нет. Вы по какому вопросу, милочка?

- Не хаами, дорогой, - ядовито ответила женщина. – Сегодня к тебе зайдёт мой адвокат...

- Тпррррру-у-у-у-у-у, - выдал Сват, - лошадь ты моя ненаглядная!

На том конце эфира собеседница аж поперхнулась. А парень продолжил:

- Значит, так, Любаша, свет мой в конце тоннеля как отблеск фар локомотива... Никакого адвоката. И ты это знаешь. Общаемся полтора года на тему моих денег, а ты до сих пор не поняла? Все вопросы к моему адвокату, а не ко мне. Усекла на этот раз?

- Ты пожалеешь, Сват, - выдавила бывшая жена фотографа. – Всё равно я добыю раздел имущества.

- Пробуй, алчная моя, пробуй, - Сват засмеялся. – Брачный контракт ты подписывала? Вот и пробуй.

Он отбил звонок. Вот же корм для птицы-стервятника! Нарисовалась, хрен кляпом выключишь. Сват вернул телефон в карман и уверенным шагом прошёл по комнате, залитой солнечным светом. Тепло от падающих через огромное панорамное окно лучей он ощущал кожей лица и рук. В груди слегка заныло, напоминая о мучительных истериках прошлого. Что стоило два года назад, в тот злополучный день, всё-таки свернуть в приглянувшийся переулок. Так нет же, спешить надо было, мчался в аэропорт, встречать душа-девицу, Любовь вся фотогафической жизни. Много надо для удара? Вода плюс чужой кретинизм. Мелко накрапывавший дождик сделал трассу скользкой, а на красный сигнал светофора некий субъект вылетел с криком в глаза: «Эх, пролечу!» Не пролетел... Сват горько усмехнулся, прислушиваясь к тишине собственного дома.

Хорошо, хоть он тогда успел довернуть руль и зацепился за машину лихача крылом. А то были бы в его закончившейся жизни только бетон и оградка. Но это сейчас Сват понимал, что ему повезло. Удар, карусельное серое небо и прессующая чернота. Последнее цветное воспоминание. А тогда произошедшее ясно обозначилось, как конец света, жизни, карьеры... Конец всего. Первые месяцы ослепший фотограф вытворял такое, что свидетели до сих пор с содроганием вспоминали. Друзья чуть ли не икать начинали, заслышав его протяжное «Ну-те-с-с-с, отведем фрулис*», предварявшее дикие выходы обозлившегося на

*«Ну-те-с-с-с, отведем фрулис» - сейчас это уже не реклама) Хотя да, это слоган такой был когда-то.

весь мир бывшего штатного фотографа известного глянцевого журнала и не менее бывшего главного гостя любого мероприятия в верхах. Если на банкете или корпоративе был Сват, все знали, что фоторепортаж выйдет шикарный. Платили ему не безбожно, но весьма щедро. И за десять лет профессиональной работы с объективом Бехтерев успел накопить достаточно средств не только на квартиру, но и на безбедное существование в его теперешнем состоянии.

Сват криво улыбнулся. Его рука выверенным движением коснулась портрета в рамке на стене. Хоть он теперь и не мог видеть, но память услужливо нарисовала поле подсолнухов под синим небом, а на переднем плане голый Митька, с огромным сельскохозяйственным цветком на причинном месте и улыбкой во все зубы на веснушастом лице. Они тогда всё лето куролесили по Кубани, выполняя заказ какой-то фирмы по производству подсолнечного масла и прочей чепухи. Кадр получился очень насыщенный, солнечный, весёлый и добрый. Когда же это было-то? Бехтерев сунул руки в карманы костюмных брюк. Лет пять назад? Нет, четыре. Точно, наступившей потом осенью Макаров укатил на ПМЖ в США. Сват фыркнул и тряхнул давно не стриженными волосами. Благозвучие-то какое: на ПМЖ в США... А к Новому Году Святослав расписался с Любочкой Лелеевой. Она даже фамилию менять не стала – амбиций воз и маленькая тележка. До сих пор Бехтерев не мог понять – на хрена он это сделал?! Гей, твою мать, практически стопроцентный, открытый, можно сказать, ломанулся искать утешения в объятиях подвернувшейся охотницы до чужого добра. Фотограф засмеялся ещё раз, лоя лицом ласковое тепло солнца. В одном из любимых костюмов было, конечно, жарковато, но Сват привычкам никогда не изменял. С его точки зрения, костюм всегда был самой стильной и уместной одеждой. В нём хоть на бал в администрацию, хоть в кабак на приезжую старлетку, хоть в осенний лес за настроением можно было тащиться. И после аварии ничего не изменилось. Теперь, когда приходилось шариться по улице с белой тростью, как её обозвала одна из бывших приходящих соцработниц, и с Фишкой на поводке, костюм тем более был к месту.

Сват задумчиво повернул голову в сторону кухни, прислушиваясь. Так и есть – бодрое чавканье и бряцанье миски донесли до него истину момента – их лохматое высочество изволят поправлять здоровье. Бехтерев скомандовал:

- Фишка, ко мне!

Дробный топот когтей по ламинату, счастливый скулёж, и мощные лапы ткнулись в грудь фотографа. Он обхватил ладонями лохматую

голову лабрадорши и ткнулся носом в мокрое сосредоточие собачьей нюхалки. Псину готовили для него целый год, прежде чем вручили поводок и начали тренировать уже вместе. Вот уже два месяца, как они жили в квартире Свата вместе. Бехтерев прошептал:

- Ты ж моя радость лохматая... Ты ведь не Любовь, правда? Ты-то меня не предашь. И не Митька, чтобы свалить на «поможите» в Штаты...

Фишка радостно облизала хозяйские щёки, ещё раз взвизгнула от избытка чувств и умчалась обратно на кухню, доедать дорогуший сухой корм. Забирая псину из питомника, Сват обстоятельно выяснил, чем надо кормить такое сокровище, бесконечно доброе и слюнявое, и теперь строго держал новую подругу на привычной диете. Благо, финансы позволяли. При мысли о деньгах Сват поморщился. Всё-таки звонок бывшей жены, выгнанной им из дома через полгода после аварии, испортил настроение, и без того не очень-то ровное с утра. Тогда Сват окончательно понял, что творит глупость. Любовью к нему со стороны этой беспринципной карьеристки и не пахло. Да и он всё-таки предпочитал парней. Правда, попав в этот тёмный мир, Бехтерев замкнулся в себе и не позволил никому больше войти в его жизнь достаточно близко. Не хрен, ещё жалеть начнут. А ему это соплячество ни к чему. Он даже Митьку послал на хуй, когда тот позвонил однажды, намекая на возвращение под крылышко... Типа «мы с тобой весь мир перевернём, ты да я да мы стобой!»

После развода с Любашей бывшая жена начала планомерную атаку на состояние Свата, но не тут-то было. Брачный договор, составленный как-то раз под влиянием коньяка и шампанского, а потом заверенный у сватовского нотариуса, не оставил ей шансов. Что не помешало ей затеять уже третий судебный процесс. Но Бехтерев предпочитал заплатить адвокату – дешевле получалось. Намного дешевле и проще.

Сват подошёл к окну, привычно проверяя пространство вокруг руками, потянул за ручку и распахнул одну из створок рамы. В квартиру ворвался ветерок. С детской площадки под домом донеслись вопли детворы. Судя по активности, глухим шлёпающим ударам и сбитому дыханию орущих – гоняли полусдутый футбольный мяч. Правой рукой Сват нащупал фотоаппарат, висевший на специальном крюке возле окна, прицелился объективом на звуки и нажал затвор. Серия сухих щелчков отозвалась в сердце упоительной музыкой. Бехтерев улыбнулся этим ощущениям. После чего прикинул, сколько ещё на матрице осталось места под фотографии... Судя по всему, маловато, вот-вот кончится. Бехтерев поджал губы. Опять придётся просить Славку или Бекета слить фотки в комп на вечное хранение. А потом слушать охи и ахи, вплоть до

придушенных восхищений. Будто он не знает, что слепой не может взять не то, что хороший, даже нормальный кадр. Сват повесил фотоаппарат на место и замер у окна, впитывая летнее тепло.

Вновь зазвонил телефон, теперь стационарный. Бехтерев раздражённо поморщился и нехотя двинулся по привычному маршруту. Переносная трубка валялась на журнальном столике посреди зала. Там он её и нашёл.

- Алло, это городской морг. Доктор Иванов не может подойти, он делает вскрытие и завтракает...

- Вы опять не в духе, Святослав Львович? – раздался в трубке голос заведующей городским ОСОНД. – У меня для вас новость.

- Неужели, Ирина Валерьевна, вы решили, что больше не будете присылать мне ваших офицеров? – с наигранной надеждой спросил Сват, ощутив, что начинает заводиться. Все эти соработники его просто бесили. И не задерживались надолго – максимум на месяц. Сколько их уже было?

- Вы сможете завтра в десять утра быть дома? Я привезу к вам вашего нового социального работника.

- Надеюсь, это не очередная милая заслуженная пенсионерка? – процедил Сват. Минувшей зимой к нему таскалась старуха, когда-то работавшая в милиции. Ох, как она хлопнула дверью, уходя в его прошлое. Бехтерев её понимал, такого как он – поди поищи. И не стал звонить её начальнице на предмет «недопустимости причинения материального ущерба». А последняя нимфетка на выданье вообще его достала своим сюсюканьем. В первый же день развезла соплю про «такой молодой, да как же вы...» Вылетела чуть ли не головой вперёд, едва до Свата дошло, что она там наговаривает за мойкой кухонной раковины.

- Вы невозможны, господин Бехтерев, - сухо ответила заведующая. – Будь моя воля, давно сняла бы вас с обслуживания.

Бехтерев подумал, потом ещё раз подумал и со вздохом ответил:

- Ладно, я буду вас ждать. Сколько лет-то хоть вашей работнице?

- Завтра всё узнаете, - Ирина Валерьевна почему-то рассмеялась. – И не вздумайте обидеть это милое существо. Сама приеду, уши надеру.

- Ну, это уже зависит от того, как Фишка ляжет. У порога или в зале.

- Как там лохматая прелесть поживает? – темнота вокруг Свата потеплела. Зиганшина души не чаяла в его лохматой собачатине. Фотограф довольно ответил:

- Обедают-с.

- Ну, ладно. В общем, я на вас рассчитываю, господин Бехтерев, - заведующая положила трубку.

Сват улыбнулся уже мягче. За год общения с этой женщиной он успел привыкнуть к некоторой фривольности, возникшей между ними. Она знала, что он действительно нуждается в некоторой помощи – постирать там, отмыть кухню, поесть приготовить, да мало ли чего. А он уже не верил, что она когда-нибудь действительно избавит свою службу от его присутствия в списках обслуживаемых. Ладно, как-нибудь пережить можно эти два визита в неделю. Посмотрим, что за птица такая милая и обидчивая. Губы Бехтерева растянулись в предвкушающей ухмылке. Он свистнул Фишку, в прихожей застегнул на ней специальную сбрую, нащупал трость, вбил ноги в туфли и распахнул дверь. Даже в темноте надо гулять самому и выгуливать собаку. Фишка степенно провела хозяина через порог и подождала, пока он закроет входную дверь. Стоило развернуться, как Бехтерев ощутил незыблемую уверенность, что сегодня Фишка в особенно добродушном настроении. Значит, придётся отбиваться от её ласк, когда они привычно расположатся на лавочке в соседнем сквере. Вот интересно, кто кого выгуливает на самом деле? С этим вопросом в голове Сват заученно стукнул концом трости по бетону площадки, давая собаке-поводырю сигнал – путешествие началось.

3. Циник - это по жизни

Осондовский микроавтобус въехал во двор многоэтажки новой планировки, о чём говорили огромные окна квартир и невообразимого размера лоджии. Степан тут же засунул в свой старенький «бэг» копию личного дела слепого фотографа и уставился на Ирину Валерьевну Зиганшину, заведующую социальными работниками не только его родного города, но и всего муниципального района целиком. Жизнерадостная пышка с копной ухоженных волос каштанового цвета сверкнула в ответ карими глазами и сказала:

- Приехали, молодой человек!

Машина остановилась, и они с Зиганшиной выбрались в знойное утро. Женщина снова сразила парня своим ростом. Ещё при первой встрече Стёпа только и успел подумать: «Хоббит!», после чего его сразу взяли в оборот. Ирина Валерьевна, облачённая в строгий деловой костюм цвета «бордо» напоила его чаем до бульканья в пузе и за разговором умудрилась не только вывалить на его бедную голову состав разной информации, но и выведать у парня всю подноготную. И вот сейчас с почти материнской заботой посочувствовала:

- Ох, наплачетесь вы с вашим подопечным, Степан.

- Ну, он же не маньяк... - улыбнулся студент. – А вы предупредили его о том, что я буду жить в его доме?

- Не нравится мне такая идея вашего института, - покачала головой заведующая. – Вот сейчас узнаем, согласится ли на это Святослав Львович. Он человек некоторых принципов, так сказать. Замкнулся в себе, и практически ни с кем не общается. Ну, да ничего. Он человек строгий, но порядочный.

- Аж камень с сердца упал, - засмеялся Стёпа. – Приставать не будет!

- Он сторонник добровольных отношений, - серьёзно ответила Зиганшина, странным взглядом глянув на студента. Степан растерянно спросил:

- То есть он...?

- И не скрывает этого, - кивнула женщина. – Потому-то я и была так удивлена, что вы согласились взять на себя труд общения с таким сложным человеком.

Степан пожал плечами:

- Ну, я-то не из таких, во-первых. А во-вторых, вы просто не в курсе, как у нас в институте распределяли студентов по вашим подопечным.

- Это как же? – заинтересовалась Ирина Валерьевна.

- Наугад тянули конверты с именами, - пояснил студент и снова посмотрел на высотку из красного кирпича. На спортивной площадке рядом с парковкой, за оградительной сеткой, носились три пацана и девчонка, гоняя с утра мяч. Школьники предавались каникулам с полным самозабвением. Степан услышал протяжное «хм» и, вздрогнув, обернулся к заведующей, стремительно розовея:

- Ой, простите. Я отвлёкся.

- Ничего страшного, - Зиганшина глянула на циферблат изящных дамских часов на левой руке и деловито сказала:

- Итак, уже десять. Он нас ждёт. Идёмте, Степан... Как вас по батюшке?

- Аркадьевич, - подсказал студент. – Но, может, не надо? Как-то неловко...

- Неловко, простите за каламбур, когда соседские дети на мужа похожи, - как-то светло и задорно улыбнулась женщина. – А нам надо сразу установить субординацию. И вы, и Святослав Львович друг другу люди совершенно чужие. И я буду обращаться к вам, как и ко всем моим работникам. Ну что, вдохнули и пошли?

Они миновали жаркий двор, расчерченный лоскутными тенями

древесных крон, и вошли в подъезд. Лифт, местами уже основательно изрисованный умельцами наскальной живописью, доставил их на пятый этаж, где Ирина Валерьевна без особых раздумий нажала на звонок возле чёрной железной двери, на которой белели цифры, небрежно намазанные белой краской «21». Степан отметил про себя эту странность, а затем из квартиры раздалось жизнерадостное гавканье. Судя по звуку, там была вовсе не мелкая болонка. Стёпино лицо само собой растянулось в радостной улыбке. Похоже, это та самая Фишка, поводырь Бехтерева. Уж с ней-то парень рассчитывал найти общий язык сразу. Всю свою недолгую жизнь он знал, что одного его появления на горизонте хватало, чтобы у собаки начался приступ безудержной заботы о нём, любимом и единственном. Это был какой-то неведомый магнетизм, заставлявший здоровенных дрессированных зверюг прыгать вокруг студента, а то и начать охранять. Однажды даже рассерженный поведением питомца хозяин одного такого спятившего волкодава с руганью набросился на Степана, так псина просто стала курсировать между хозяином и гостем, сознательно препятствуя первому добраться до второго. Уже потом обалдевший владелец медалиста позвонил и растерянно рассказал, что после ухода Степана всё сразу встало на место, словно и не было этого приступа щенячьего благодушия. На что Морзе лишь пожал плечами и попытался хоть как-то успокоить человека.

В двери лязгнул замок, и на площадку тут же высунулся чёрный нос крупной собаки. Ирина Валерьевна ласково поприветствовала напарницу фотографа:

- Наше высочество завтракала? Ты ж моя красавица.

Она, не особо наклоняясь, потрепала уши чёрной Фишки, а та с огромным любопытством уставилась на студента. Степан уже хотел присесть и поздороваться с собакой, когда та вздёрнула верхнюю губу, показывая мощные клыки, и издала горловой рык. Любопытство из чёрных глаз пропало напрочь. Зиганшина даже отдёрнула руку от головы лабрадорши, чуть ли не со страхом глядя на собаку. Из квартиры раздался хрипловатый баритон:

- Фишка, что ещё за фокусы? Носками накормлю! Фу!

Лохматый поводырь тут же послушно спрятал клыки и нехотя убрался с дороги. Дверь квартиры распахнулась во всю ширь, направленная мужской рукой. Степан посмотрел на хозяина квартиры. Перед студентом стоял мужчина лет под тридцать, выше его на голову, с растрёпанными светлыми волосами и лёгким недоумением на узком аристократическом лице. Серые с зелёными прожилками глаза смотрели

, казалось, прямо на Степана. Не знай студент, что Бехтерев слеп, никогда не подумал бы, что эти глаза, пронзительные и чистые, могут не видеть окружающего мира. Худошавый блондин был одет в строгий серый костюм, под пиджаком – голубая рубашка с незастёгнутым воротником. Завершающий аккордом облика Святослава стали домашние тапочки, мягкие, с бобровыми мордами – жёлтые махровые зубы почти касались пола. Степан уставился на лицо своего будущего подопечного, выхватывая мелочи его внешности: высокий лоб, тонкие светлые брови, узкий нос с подрагивающими крыльями, чуть припухлые бледные губы, аккуратный подбородок... Ощущение тонкости лица не проходило. На миг Степану показалось, что Бехтерев его всё-таки видит. Святослав Львович моргнул в повисшей тишине и спросил:

- Ирина Валерьевна, я так полагаю?

- Правильно полагаете, господин Бехтерев, - отмерла Зиганшина. – Мы можем пройти?

- Разумеется, - бывший фотограф шагнул в сторону, освобождая проход. Заведующая вошла в квартиру, поманив за собой студента. Степан проскользнул мимо хозяина апартаментов и остановился в большой тёмной прихожей. Пребывавшая здесь же Фишка снова рыкнула и степенно удалилась, поглядывая на гостей. Входная дверь снова лязгнула, отрезая внешний мир. Ирина Валерьевна хозяйским жестом включила в коридоре свет. На щелчок тут же отреагировал владелец квартиры:

- Вы думаете, поможет?

Степан вновь посмотрел на Бехтерева. Лицо Святослава показалось ему одухотворённым высокой идеей. Что мужчина и продемонстрировал, продолжив фразу:

- Во тьме невежества и прожектор не поможет. А вдруг лампочка перегорит?

- Ничего, - ответила Зиганшина, - мы попросим вас её поменять.

Станный разговор озадачил Степана. Заметив это, женщина спохватилась и сказала:

- Кстати, Святослав Львович! Позвольте представить вам вашего нового социального работника...

- Весьма кстати, - не дал ей договорить Бехтерев, - что решили нас познакомить, наконец. А то скользнула мышка в норку и притаилась. Да вы дышите, дышите! Не стесняйтесь.

Степан, к которому относились последние слова, понял, что действительно затаил дыхание. Он медленно выдохнул и сказал:

- Очень приятно, Святослав Львович. Я Степан Мороз.

Слегка прищуренные глаза бывшего фотографа распахнулись при звуках голоса студента. Бехтерев криво улыбнулся и спросил:

- Приятная неожиданность, надо сказать. Вам сколько лет, юноша?

- Ему девятнадцать, - вклинилась Зиганшина. – Пойдёмте в зал, и я вам всё расскажу. Вчера опустила, так сказать, некоторые подробности.

- Чёрт, - протянул Бехтерев. – И тут всё законно. Обидно...

Степан непонимающе глянул на заведующую, а та слегка развела руками. Хозяин квартиры прошёл мимо студента уверенной походкой. Лишь перед проходом в зал он на миг остановился, коснулся правой рукой стены и пропал из поля зрения Степана. Студент поспешно разулся и прошёл следом. Ирина Валерьевна вошла в огромный зал последней. Студент ошарашено замер на пороге. Их хрущёвка не шла ни в какое сравнения с этой роскошью. Светлый ламинат на полу, кожаные кресла, стеклянный журнальный столик, набор полок и этажерок ручной работы – всё кричало о недостатке хозяина. Студент тихо выдохнул:

- Вот это да...

- Слышу, вам понравилась моя избушка, - раздался голос Бехтерева со стороны кухни. – Располагайтесь, молодой человек. Я сейчас.

Заведующая с видом хозяйки расположилась в одном из роскошных кресел и помахала Степану, призывая последовать её примеру. Свет из огромного панорамного окна заливал помещение белой солнечной теплотой. Степан пробежался взглядом по стенам зала и словно споткнулся. Первая же фотография довольно большого размера, расположившаяся почти напротив него, заставила парня покраснеть и отвести глаза. Чёрно-белое изображение обнажённого парня, снятого со спины на фоне туманного утреннего города, отпечаталось в сознании. Только сейчас студент по-настоящему понял, кого ему предстоит опекать. Он почувствовал некую раздвоенность. Никогда не одобрял однополых отношений. И то, что Бехтерев оказался геем, поначалу даже заставило задуматься о том, чтобы отказаться от такого подопечного. Но тут... Судя по всему, парень (не мужчина, решил про себя довольный студент, у которого это слово ассоциировалось с возрастом за сорок) очень не прост. Тем интереснее будет общаться. Степан посмотрел на вторую фотографию, а точнее – отпечатанный скрин с титульной обложки журнала. Под знакомым названием красовалась фотография девочки-балерины, отражённой в луже на асфальте.

Стёпа озадаченно поморгалинахмурился. Это же работа Свата, главного фотографа в любимом журнале матери. Как раз, где-то два года назад, фотограф покинул редколлегию журнала по семейным обстоятельствам,

о чём вскользь упомянула редактор во вступлении к какому-то номеру. В доме студента половина зала была увешана отрезанными обложками «глянца». В своё время отец даже с облегчением воспринял новость об уходе из журнала этого Свата. Мама действительно с той поры не купила больше ни одного номера. Степан услышал за спиной звяканье посуды, усмехнулся, разворачиваясь, и буквально выхватил из рук Святослава разнос с чашками чая. Бехтерев на миг замер. На его лице тут же проступили красные пятна. А Степан безапелляционно проворчал:

- Давайте, лучше я споткнусь и грациозно рухну под звон бокалов?

Сват фыркнул и, заметно успокаиваясь, спросил, повернув голову в сторону Зиганшиной, наблюдавшей за происходящим в некоторой прострации:

- Какое очаровательное хамство, вам не кажется, Ирина Валерьевна?

- Давайте, всё-таки обсудим некоторые детали, - сказала заведующая городским ОСОНД. Фотограф усмехнулся и прошёл к ближайшему креслу. Степан тут же обратил внимание, что ножки этого предмета интерьера были прочно приделаны к полу. Наверное, крепления остались с той поры, когда Бехтерев учился передвигаться на ощупь. Святослав закинул ногу на ногу, грозно качнув бобром на тапке, и сказал:

- И какие такие подробности вы, так сказать, изволили опустить в нашем последнем разговоре? Надеюсь, они не повесились от огорчения? Или вешаться придётся уже мне, причём сегодня?

- Ваш чёрный юмор почему-то белеет, господин Бехтерев, - невозмутимо ответила женщина. – Так вот, уважаемый Святослав Львович, Степан Аркадьевич у нас практикант, учится на специалиста по социальной работе...

- Да ему уже не надо учиться, - благожелательно перебил Сват. – Из мальчика так и прёт навязчивая забота. И почему я не слышу обещанного звона бокалов?

- Не спешите ёрничать, - недовольно сказала Зиганшина. – У них в институте своя методика практики. И я хочу, чтобы вы согласились помочь юноше. Но сначала три момента.

- Давайте, спускайте уже вашего Змея Горыныча откровений, - милостиво кивнул бывший фотограф. Ирина Валерьевна молча погрозила в его сторону кулачком и виновато глянула на студента, едва не уронившего челюсть. Она улыбнулась и продолжила:

- Первое, оплату социальных услуг на время практики берёт на себя Государственный Институт Социальных Технологий.

На этой фразе к Степану подкралась Фишка, шумно обнюхала ногу и

вежливо ухватила пастью за ногу. Студент похолодел. Лабрадор – это вам не пекинес. Если грызает, мало не покажется. Но псытина лишь уверенно потащила студента за ногу до кресла, стоявшего рядом с тем, в котором угнездился Сват. Степан облегчённо бухнулся в кожаные объятия мебели и рискнул протянуть собаке руку. Фишка недовольно отвернула голову, снова рождая в груди недовольный клёкот. Парень тут же убрал ладонь от греха подальше. С его точки зрения, собака вела себя очень странно. Судя по выражениям недоумения, появившихся на лицах Бехтерева и Зиганшиной, они думали о том же самом. Когда Фишка бодро уцокала в сторону кухни, Сват вернул всех в реальность:

- Первая голова не вопрос. Мне как-то до лунного зайца такие тонкости, Ирина Валерьевна. Вы же знаете, финансы для меня не проблема.

Он хохотнул и добавил:

- Даже если Любочка всё-таки сотворит чудо чудное и оттяпает часть моих кошачьих чашликов.

Зиганшина неодобрительно сверкнула глазами. Стёпа же стал припоминать, кто такая эта Любочка, и с чем её едят в этом доме. Точно, это же бывшая жена фотографа, которая бросила инвалида, поняв, что тот больше не сможет работать. Похоже, ей нужны были от парня только деньги и его растущая слава... Интересно, а как это гей вообще умудрился жениться? Ирина Валерьевна продолжила:

- Второй момент сложнее. По контракту, Степан будет обслуживать вас две недели. И при этом жить он будет у вас.

Бехтерев чуть не подскочил, а потом его лицо словно оплыло, настолько оно стало усталым и злым. Сват резко проговорил:

- Вы так уверены, что я соглашусь с этим условием?

- А что не так? – буркнул Степан, совершенно не ожидавший такой реакции на слова заведующей.

- Всё не так, - отрезал Святослав. – Здесь живу только я. Разве не положено, чтобы соцработник посещал клиента не больше двух раз в неделю?

- Вы правы, Святослав Львович, - ответила заведующая. – Но этот пункт обязателен. Давайте договоримся так... Степан проведёт у вас ровно сутки. И только после этого вы примете решение.

Морзэ с уважением глянул на женщину. Похоже, та действительно знала, к кому из своих подопечных как подойти. Потому что Сват задумался. На его лице появилась ехидная ухмылка, и он сказал:

- А вы не боитесь, что я не сдержу своих, так сказать, интересов?

- Степан у нас мальчик крепкий, отобьётся, думаю, - улыбнулась

Зиганшина. – И это третий вопрос. Если вы, Святослав Львович, попробуете учинить что-то в таком духе, я за себя не отвечаю.

- Серьёзный аргумент, - протянул Сват и снова расслабился в кресле. Степан поморщился. Он никогда особо не любил таких вот, афиширующих свою «инаковость» направо и налево. Словно почувствовав перемену в настроении студента, Сват проговорил:

- А знаете, мой генерал, я передумал.

Зиганшина и Стёпа переглянулись. Бехтерев же продолжил:

- Пусть живёт. Первая практика очень важна в выбранной профессии. И я помогу парню понять, что он принял неправильное решение.

В залитой солнечным светом квартире его голос прозвучал так, словно изморозь на зимнем окне ожила и дохнула своей стылой сутью на Степана. Студент поджал губы, глядя на невозмутимое лицо своего первого клиента. До него вдруг дошло, что человек, сидевший в соседнем кресле, давно и безнадежно зарос скорлупой цинизма. Это был вызов. Степан улыбнулся, встал с кресла, подошёл к Бехтереву и едва слышно прошептал:

- Спасибо, что согласились. Думаю, мы поладим.

Сват обернулся на голос. На его лице словно отпечаталась злая усмешка. Похоже, фотограф понял, что вызов принят.

4. Воспоминания о Древней Японии

Темнота бывает разная. Холодная и мёртвая, когда вокруг нет ни звука, ни прикосновения. Злая и дерущаяся, когда ты к ней только привыкаешь. Грызущая душу и вбивающая страх в самую глубину сердца, когда ты вдруг понимаешь, что она теперь с тобой навсегда. Но бывает и другая тьма, та, в которой могут зашуршать тапочки по ламинату, та, в которой ожидаемо зашелестит в кронах невидимых деревьев ветер, зашуршит опавшей листвой под ногами, ткнётся мокрым собачьим носом в ладонь или внезапно пройдёт шершавым щекочущим языком по щекам. Это ведь тоже чернота, в которой пребывает слепой человек. Тьма многогранна и всеобъемлюща. Познавать её Сват начал не так уж давно, с того дня, как однажды на прогулке, с полгода назад, почувствовал на лице мокрый ветер предновогодней непогоды. Мир за пеленой непроницаемой мглы продолжал быть всё тем же странным, красивым и притягательным. Именно тогда Святослав извлёк из кофра свою фотокамеру и нащёлкал первую серию случайных кадров. Он не знал, для чего сделал это, как не видел и результата. Но ощущение того,

что всё должно быть именно так, а не иначе, настигло его и больше не отпускало. Иногда в темноте звучали знакомые голоса, в которых не было ни грамма тоскливой жалости. К ним Сват относил и Зиганшину, с которой познакомился год назад, когда оформлялся на обслуживание. Всё-таки приготовить поесть иногда надо было. Обходиться всё время готовыми обедами, разогретыми в микроволновке, он не собирался. Хотелось то банального борща поесть, то тушёной жидкой картошки с мясом. Да и шторы те же заменить на чистые – нужна всё-таки сноровка зрячего. Хотя бы, чтоб понять – пора менять или нет. Со стиралкой-автоматом Бехтерев справлялся одной левой. А вот с той же помывкой полов корявой правой. Но Свату не хотелось зарастать пылью и прочими престестями холостяцкого инвалидного быта.

Почему он вдруг согласился на присутствие в его квартире постороннего парня, молодого и чрезмерно заботливого, Сват не смог ответить даже самому нетребовательному внутреннему собеседнику – самому себе. Но из песни слова не выкинешь. Уже проведив заведующую ОСОНД и этого Степана Аркадьевича, студента девятнадцати лет от роду, Святослав понял, что с нетерпением ждёт возвращения парня, который отправился за кое-какими вещами. Следующие два часа прошли в нервном хождении по ламинату – от прохода в прихожую к окну и обратно, огибая кресло и журнальный столик. Поймав себя на этом, Сват нервно улыбнулся. Всё-таки перемена в его устоявшейся жизни была существенная. Да и мальчишку надо хорошо потренировать. Губы Святослава растянулись в предвкушающей ухмылке.

Когда раздался звонок в дверь, Сват вслед за протоптавшей в коридор Фишкой прошёл до входной двери и приоткрыл её, не снимая контрольной цепи-стопора. Собака теранулась о ногу и снова зарычала, уже не в первый раз за сегодня. Что происходило с лабрадоршей, Сват понять не смог. Добрее собак просто не бывает, а тут – такая реакция на какого-то пацана. Словно приревновала... Улыбнувшись забавной мысли, Сват спросил, слушая темноту:

- Кто к нам тут с толстой?

- Фишка не толстая, - удивлённо ответил уже знакомый голос. – Вы отлично за ней ухаживаете, Святослав Львович.

- А, Степан Аркадьевич! – протянул Сват, вдыхая носом воздух. Точно, за дверью стоял студент. Мальчик не пользовался никаким парфюмом. И естественный запах мытой кожи, шампуня для волос и глаженной одежды понравился фотографу ещё в первый визит Мороза в его квартиру два часа назад. Цепь покинула свой пост, дверь распахнулась от толчка рукой, и Сват шагнул в сторону, освобождая проход:

- Проходите, многоуважаемый практикант. Будьте как дома, но не забывайте, что в гостях.

Тьма рядом с Бехтеревым живым ветром шевельнулась, пропуская гостя. Фишка, торчавшая в ногах слепого, тоскливо вздохнула, поняв, что странный гость тут надолго, и степенно удалилась в квартиру, судя по цокающим звукам. Даже хвостом не вильнула. Святослав нахмурился, всё-таки псина вела себя нелогично. Но он тут же отмахнулся от неясных подозрений. Если ревнует, то скоро успокоится. День, может два, и перестанет замечать практиканта. Стукнули ботинки, на пол что-то приземлилось тяжёлым тряпичным кулем, и голос Аркадьевича немного потерянно спросил:

- Давайте, что ли, нормально познакомимся.

- То есть – на брудершафт и в койку? – поинтересовался Сват у легко дышащей темноты. Студент вздохнул и ответил:

- Вам противопоказан алкоголь, вы разве не знаете?

- То есть против койки вы не возражаете, молодой и интересный человек? – вопрос напрашивался неизбежно, и Бехтерев не стал себя останавливать. Ему действительно начинало нравиться происходящее.

- Да, койка на Багамах в это время года очень бы пригодилась, - согласился Аркадьевич с неприкрытым сарказмом. Бехтерев аж «поплыл» - мальчик с характером! Прелесть-то какая... Ему захотелось прикоснуться к парню, почувствовать его, чтобы совсем загнать в подкорку практически сложившийся образ. И Бехтерев закрыл, наконец, входную дверь, после чего скомандовал:

- Дайте руку.

- Простите, соску не захватил, - ответил новый сосед по личному пространству. Сват озадаченно замер на секунду, а потом сообразил, что имел в виду парень, успевший перекочевать в зал. Похоже, студент решил, что ему предлагают водить слепого за руку, как маленького. И он ответил вполне в духе самого Свата. Бехтерев широко улыбнулся, прошёл в зал и сказал:

- Мне надо вас почувствовать, молодой человек, чтобы утром не испугаться. Устроит такое пояснение? Не бойтесь, лапата не буду.

Степан тут же подошёл к нему и коснулся ладонью запястья. Сват перехватил конечность и принялся изучать своими пальцами. До нормальной чувствительности слепого со стажем Бехтереву было ещё далеко, но месяцы тренировок сделали своё дело. Он смог составить мнение о парне. Ладонь крепкая, привыкшая к железным перекладинам – значит, как минимум, подтягивается на турнике. Пальцы длинные,

почти музыкальные, совсем молодые. Запястье широкое, массивное. Да, парнишка не из хлипких, действительно может отбиться... Сват хохотнул, на что Аркадьевич тут же спросил:

- А вы ожидали что-то другое?

- Разумеется, на правах старого извращенца хотел тонкую невинную жертву для своих притязаний, - покивал фотограф. – А вы действительно можете заехать в глаз.

- Нет, - серьёзно ответил практикант, - такое лицо грех портить. Скорее, проедусь коленом...

Он не стал заканчивать фразу. Но Сват его прекрасно понял и с наглой напористостью вдруг притянул парня к себе, поддавшись странному порыву. Студент даже не дёрнулся, когда его обняли рукой за талию. Только дыхание стало резким. Но вовсе не от страсти, на что тайно понадеялся Сват. Это было дыхание ровной расчётливой злости. Пальцы Бехтерева легли на лицо парня. Тот немного растерянно спросил:

- Что вы делаете?

- Портрет составляю, знаете ли, - ответил Сват, пробегая подушечками пальцев по самым характерным чертам его лица. Спустя пару секунд Сват понял, что, будь он зрячим, даже тогда не прошёл бы мимо такого парнишки. Тонкие узкие брови под красивым гладким лбом, сходились к переносице вполне породистого носа. Широкие скулы тоже не вызвали нареканий. Они были почти утончёнными. Мельком коснувшись чуть полноватых губ, Сват тронул пальцами подбородок парня и убрал руку. Было с чего потерять спокойствие. Эти юные губы словно ждали чувствительной ласки, а малоприметная, но вполне ощущаемая, ямочка на подбородке так и тянула прикоснуться к ней ещё раз. Бехтерев втянул воздух сквозь зубы, и тут Степан Аркадьевич, худощавый, но спортивный на ощупь молодой человек, спросил:

- Вы можете меня отпустить? Или вам плохо?

Вголос парня появились сдавленные нотки сдержанного негодования и явной оторопи. Святослав мгновенно ощутил горячее давление в паху и ещё кое-что, чего никак не ожидал. То, от чего паренёк действительно мог так офигеть. Напряжённая плоть фотографа эдак буднично прижималась к животу практиканта. Бехтерев тут же оттолкнул от себя парня и холодно сказал:

- Это всего лишь салют изголодавшегося организма на новое тело в пределах досягаемости, не более того.

Сват раздражённо отвернулся и двинулся в ванную комнату. Но слух опять его подвёл, Бехтерев услышал злой шёпот студента:

- Чёрт, этот озабоченный совсем охренел... И вот кого он тут убеждал в «не более того»? Придурок.

- Я вас слышу, Степан Аркадьевич, - тут же отозвался Сват. – Потрудитесь думать молча. И оставьте своё мнение при себе, самурай от социалки.

- Блядь... - ещё тише отозвался парень.

- А вы знаете, что в древней Японии сожителство между старшим и младшим мужчиной было нормальным явлением? Так сказать, элементом взросления и воспитания?

- Мы не в древнеяпонской армии, - хмуро отозвался студент.

- Вы правы, молодой человек, - сказал Сват, взявшись за ручку двери в ванную. – Так же правы, как и то, что самолёты всё-таки летают. Но знаете, они иногда и падают.

Он заперся в ванной, привалился спиной к двери и выдохнул, анализируя произошедшее. Похоже, зубоскалить с парнем чревато. Это провоцировать себя на всякие глупости. Бехтерев закусил губу, впервые пожалев о том, что устранился от своей личной жизни. Были бы хотя бы разовые партнёры, сейчас он не испытывал такой стыд. Тем более, никакой ответной реакции в теле парнишки не было и следа. Лишь некие следы проснувшегося омерзения, судя по всему. Сват понял, что у него в штанах по-прежнему тесно. А мимо двери процокала Фишка и улеглась где-то на пороге квартиры. Это был добрый знак – собака признала гостя. Но в то же время и плохой – выставить Аркадьевича вон теперь не было никакого повода. Даже на агрессию поводыря не сошлётся. Бехтерев резко приспустил штаны вместе с трусами. Ощущения были давно позабытые. Словно у школьника, застигнутого на уроке со стояком. Пальцы сомкнулись на каменном стволе, вызвав тем самым дрожь во всём теле. Сват прошептал сквозь зубы:

- Чёрт...

Рука сама начала процесс жалкого эрзац-секса. А он всё шептал сам себе:

- Чёрт, чёрт, чёрт, чёрт...

В голове родилось понимание того, что ещё неизвестно, кому из них двоих будет хуже в эти грядущие две недели. Ему, подхватившему вирус озабоченности за время затворничества, или парню, который прекрасно видит и более чем способен постоять за себя, если к нему потянутся непрошенные руки.

5.Тысяча и один способ приготовления лапши

Проснувшись следующим утром на новом месте, Степан, естественно, не сразу сообразил, где находится. Но два взгляда спустя, на панорамное окно и фотографию парня с подсолнухами, студент опомнился и воровато прикрылся простыней, любезно выделенной вчера циничным троллем по имени Святослав Львович Бехтерев. После конфуза с ощупыванием морды лица и последующим эффектным приветствием, Свата в который раз подменили. Из умеренно-злобного гада тот превратился в фурию сарказма... Или фурия? Степан озадаченно задумался, глядя на раскинувшегося по дивану мужчину. Фотограф спал сном праведника, выполнившего паломничество к самой далёкой святыне. Его почти полностью покрывала цветастая простынь. Кожаный диван, безжалостно эксплуатировавшийся как лежбище, находился от Степановой раскладушки, также выданной Сватом, едва ли не через весь зал.

И вот теперь студент, по привычке вчера раздевшийся до плавок, а утром испугавшийся, что его увидят в таком образе, расслабился. Как же, насмотрятся до умопомрачения. Больше всего Степана порадовало то, что солнце вставало за домом. И в здоровенное окно не падали лучи утреннего светила. А то пробуждение второго дня практики было бы намного более суматошным. Стёпа потихонечку сполз с раскладушки, стараясь не скрипеть предметом складной мебели. Затем быстро натянул на себя прихваченные вчера из дома короткие шорты защитной расцветки и сунул ноги в тапки, так же предусмотрительно привезённые из дома. Сумка с остальными вещами так и валялась в прихожей. Порывшись в ней, парень вооружился «мыльно-рыльным» комплектом в составе полотенца, зубной щётки и мятной пасты, и оккупировал ванную комнату. Здесь было на что посмотреть. Прошлым вечером Стёпа не удосужился толком оценить убранство едва ли не важнейшего помещения в большой квартире Бехтерева. Зато теперь он оценил и огромное зеркало на стене над угловой ванной, и суперпушистый коврик под ногами, и прочие прелести для гигиены. Оперативно сделав дела, студент отправился на кухню, сопровождаемый заметно нервничавшей Фишкой, выползшей из недр прихожей, где она явно предпочитала ночевать.

Набрав в электрочайник воды и включив его, Степан услышал в зале возню и выглянул под аккомпанемент собачьего скулежа. Сват бесцеремонно потягивался, пытаясь в то же время отпихнуть от себя

лабрадоршу, норовившую умыть хозяина по своему разумению. Собака игриво цапнула край простыни и отбежала на середину зала, оставив Святослава без прикрытия. Степана тут же бросило в краску. Похоже, у Свата тоже были свои устоявшиеся привычки. И одной из них оказался банальный «голодных», как называл про себя такое явление Морзе. То есть, бывший фотограф предпочитал спать нагишом, что сейчас и постиг студент. Стёпа метнулся на кухню, словно что-то забыл. Минут через десять голос Свата оповестил откуда-то из прихожей:

- Мы гулять, хозяйка посудной горы.

Парень лишь улыбнулся, когда хлопнула дверь. Первостепенной задачей на кухне действительно была гора грязной посуды. Хоть и стояла тут же спасительница домохозяек посудомойка, но хозяин квартиры, похоже, полировку фаянса в нужные привычки не зачислил. Загромоздив внутренности такого полезного агрегата, Степан всё-таки не стал ждать, пока она будет полчаса вылизывать струями воды тарелки и прочую радость. Он переместил остаток посуды в раковину и принялся драить её банальной мочалкой с моющим средством. По мере того, как уменьшалась груда грязных чашек, вилок и ложек, в голове студента начал вырисовываться план сосуществования с таким сложным человеком, как Бехтерев. Ещё с момента пробуждения, в перерывах между натягиванием простыни, глазением в окно и на Свата, он решил, что ни в коем случае нельзя нарушать устоявшийся ритм жизни слепого. Раз он привык всё делать сам, то не стоит лезть в святая святых. Всё равно остаётся много моментов быта, когда помощь постороннего остро необходима. Вот как с посудой. Разглядывая мойку перед тем, как загрузить её работой, Стёпа обратил внимание на осколки какой-то чашки, небрежно запинанные под аппарат. Похоже, посудомойка стояла в доме Свата недавно, и он ещё не привык с ней обращаться.

К возвращению гулён Стёпа успел управиться не только с посудой, но и с заваркой чая. Ещё он обследовал кухню на предмет продуктов и запасов всякого хлама. Придя к выводу, что похода в магазин не миновать, Степан уселся за кухонный стол, налил себе заварки в большую кружку, разбавил кипятком и принялся ждать, пока ароматный напиток остынет. В прихожей хлопнула дверь, щёлкнули карабины Фишкиной сбруи, и собака галопом примчалась на кухню, пылая жаждой разузнать, что происходит. Она сразу учуяла исходившие паром на блюде допотопные оладьи, найденные студентом в холодильнике. Рядом с шедевром древней кулинарии Стёпа поставил остатки сметаны в пластиковой баночке и пиалу с засахаренным мёдом. Было не густо, но Свату должно хватить

– решил студент и хлебнул чая. В кухню медленно вошёл Бехтерев в неизменном костюме, что вызвало у студента удивлённое фырканье. Сват невозмутимо нащупал ногой табурет, уселся к столу и спросил:

- Вы сегодня милостивый государь, или так, постоять вышли?

- Смотря что вы подразумеваете, - ответил Степан, глядя на своего подопечного исподлобья – чай ему всё-таки сейчас был более интересен. Бехтерев удручённо развёл руками, чуть не заставив парня подавиться – правая рука слепого пролетела в сантиметре от чайника. Студент тут же отодвинул ёмкость с кипятком подальше, отметив про себя, что отныне будет ставить его сразу подальше от края и от рук Свата. А Бехтерев продолжил:

- Я понимаю, что не хозяину спрашивать гостя, но у меня тут нет чего-нибудь посущественнее того помёта мамонтов, что сейчас стоит на столе?

Степан опять фыркнул в чай, припомнил свои поиски и ответил:

- Есть «доширак», три пачки красного и две зелёного. Вы действительно думаете, что корейская сублимированная лапша существеннее оладьев, пух и ровесников предков слоновьего рода?

- Вы просто не умеете его готовить, - самоуверенно констатировал бывший фотограф. – Побывав во множестве командировок, ещё зрячим, так сказать, я набрался колоссального опыта в области тончайшего искусства запаривания «дорширака», знаете ли, Степан Аркадьевич. Если подойти с должным чутьём и опытом, то чайная церемония отдыхает. Вы пробовали лапшу со свежим беконом, дольками лимона и ложечкой чайной коньяку-с? Последний чисто для вкуса добавляется. Некоторые предпочитают вливать его в себя, но это, миль пардон, та-а-акой моветон...

Степан слушал эту тираду с растущими в диаметре глазами. С его точки зрения, лапша – она и в Африке лапша, как ты её не запаривай. А ещё от Свата повеяло таким доморощенным снобизмом присталичного бомонда, что студент чуть не засмеялся, но вовремя остановил себя и предложил:

- Бекона нет, лимона то же нет, коньяк... Не видел. И предлагаю всё-таки пока обойтись подарком мамонтов со сметаной и мёдом. Сейчас я вам налью чая...

- Сидеть, - чуть не рывкнул Сват и поднялся с табурета, - я сам сделаю. А то избалуюсь и сяду вам на шею.

Бехтерев жестом волшебника провёл руками над столом, ощупал пальцами чайник, потом пустую кружку и заварник. Сноровисто намешав

себе напиток, Сват вернулся на место и потянулся привычным жестом к середине стола. Степан испуганно сообразил, что именно там стояла сахарница, и поспешно пододвинул на место искомое, которое он успел определить на другое место. Сват к тому моменту успел наклониться вперёд уже основательно. И в итоге его пальцы упёрлись в обнажённую грудь Степана. Студент ойкнул и тут же отодвинулся со словами:

- Я поставил сахар куда надо...

- Я в раю? – на лице Свата проступило нарочитое блаженство. – За моим столом сидит голый парень, мы пьём чай, на дворе утро... Почему я не помню бурной ночи?

Степан мучительно покраснел, не найдя слов в ответ. Бехтерев же продолжил:

- Клянусь тысячью и одним способом запарки корейской лапши, амнезия – штука препоганая. А вы как думаете, молодой человек?

- А молодой человек думает, что мы сейчас допьём чай, соберёмся и пойдём в магазин за продуктами. А то у вас тут просто холокост голодных мышей в холодильнике и прочих шкафах. Куда не сунься, везде укоризненные трупики висят, - зачистил Степан, всё ещё ощущая на груди место, куда ткнулись пальцы Свата. Он ожесточённо потёр его ладонью, повёл плечами и сделал большой глоток чая. Вот только не учёл, что напиток всё ещё излишне горячий. Морзе застыл, ощущая в горле раскалённое нечто, а затем героически проглотил жидкость. Недолго думая, парень соскочил с табурета, кинулся к раковине, открыл воду и припал к крану, глотая холодную влагу. В горле всё тут же успокоилось, разве что саднить начало. Бехтерев с интересом слушал возню, наклоня голову то в одну сторону, то в другую.

Когда Степан шагнул назад и ощутил ногой мохнатый бок Фишки, спастись печень было уже поздно, как говорится. Он полетел на спину, зацепив попутно кухонный стол. Собака обиженно взвизгнула, стол подпрыгнул, а то, что стояло на нём, дружно повалилось, превращая кухню в бедлам. Только чайник и устоял. Когда спустя несколько секунд студент рискнул открыть глаза, зажмуренные во время падения, над ним висела жизнерадостная морда лабрадорши, с которой укоризненно смотрели карие глаза. При этом часть чёрной шерсти на морде определённо были вымазаны в сметане. Напряжённый голос Свата сбил повисшую тишину:

- Эй, вы там целы?

- Если вам от этой новости станет хуже, то да, я цел... Вроде бы, - ответил Степан. Фишка тут же испарилась с траектории его

взгляда. Практикант с кряхтением поднялся, ощущая на спине следы соприкосновения с полом. Лопатки были отбиты основательно, а левая рука, натворившая дел со столом, саднила в запястье. Усевшись на табурет, Степан уже довольно философски воспринял следующую фразу Свата, сказанную с некоторым облегчением:

- Ну и кто из нас слепой в этом доме? Нет, я всё понимаю, молодой человек, но превращать мою кухню во взлётно-посадочную полосу для порхающих недорослей... Это как-то чересчур, вам не кажется?

- Мне не кажется, - ответил Степан, выдохнул с облегчением и добавил:

- Я точно это знаю.

Бехтерев хмыкнул, но тут же не удержался и негромко засмеялся. Стёпа увидел, как изменилось его вечно сосредоточенное лицо, и обомлел. Это был другой человек, спокойный, радостный, не знавший никаких бед. Черты лица Свата разгладились, куда-то убралась морщинка у глаз и носа. Глаза инвалида засветились, как будто увидели что-то редкое, достойное фотокадра. В кухню заинтересованно заглянула Фишка, уставившись на хозяина. Похоже, даже она не привыкла видеть его таким.

Звонок в дверь словно обрезал ту невидимую нить, которая на мгновение связала двух человек, сидевших на разгромленной кухне большой квартиры. Степан почти с ужасом увидел, как вернулись на красивое лицо его подопечного следы прожитых бед. Слово маска вернулась на место, склеив себя из кусочков, разлетевшихся было по миру. Фишка с лаем помчалась в прихожую, недвусмысленно показывая, что она на страже, и враг не пройдёт. «Враг уже здесь», - подумал практикант, глядя на застывшее лицо, под которым вновь оказался погребён живой человек.

6. Визит ма... дамы?

Этот парнишка был несносен в своей открытости. Похоже, скучать с Аркадьевичем будет некогда. Сват невольно рассмеялся, когда после грохота, визгливого возмущения Фишки и комментария студент отозвался, как ни в чём не бывало. Рассмеялся больше от облегчения потому, что успел испугаться за Степана. Он знал, что свернуть себе шею можно даже дома, упав со стула. Но этот требовательный звонок в дверь словно вернул его в привычную ровную тьму, где нет падающих мальчишек. Бехтерев поднялся с табурета и двинулся в прихожую, иногда проверяя маршрут, касаясь стены правой рукой. Добравшись до двери, он громко спросил:

- Кто там?

- Свои, - ответил до боли знакомый голос. Сват поморщился чуть не до зубовного скрежета и с большой неохотой открыл дверь:

- Проходите... мама.

От женщины буквально несло сбивающей с ног волной запаха дешёвых духов. Опять, наверное, вырядилась в свои аляповатые шмотки, содрогнулся Сват и с некоторым облегчением, пусть и горьким, понял, что в чём-то рад быть слепым. Темнота наполнилась всё тем же раздражением. Не сильным, но откровенно навязчивым. И вообще, что-то мать зачастила в последнее время. То «нет у меня сына», то «я буду тебе помогать». И ладно бы, искренне, так ничего подобного. Сват уже успел научиться различать фальшивые нотки в словах тех, с кем говорил. Эти оттенки построения фраз, заминки не в тех местах, нарочитое веселье в нужный момент... Много теперь слышал фотограф.

Мать тем временем скинула босоножки и хозяйским шагом прошла в квартиру из прихожей. Почти сразу раздался её удивлённый голос:

- А вы кто такой, молодой человек? Ну-ка соберитесь и покиньте помещение...

- Я нахожусь здесь с разрешения хозяина квартиры, - ответил напряжённый голос студента. - Позвоните в ОСОНД, и вам там всё расскажут.

Сват вдруг понял, что совсем не хочет идти туда, где вот-вот разразится гроза по имени Светлана Васильевна Бехтерева. Но ещё он понимал, что отдавать ей на растерзание Аркадьевича нельзя. Он медленно закрыл входную дверь, возле которой всё ещё стоял истуканом, овеваемый сквозняком, и пошёл на голоса. А там уже клубились тучи негодования одной отдельно взятой женщины. Мать в довольно грубой форме принялась выпытывать у парня, что да почему. А Степан отчего-то лишь вяло огрызался. Похоже, сегодня мама нарядилась не только в свой кричащий наряд, но и самые яркие побрякушки надела. Цыганка на выезде... Сват громко прервал словоизлияния матери:

- Так каким ветром занесло вашу парусину в мои пенаты, мама? За пиастрами, небось?

- То же мне, Стивенсон нашёлся, - фыркнула женщина. - Что я, уже не могу проведать своего сына-инвалида?

В её голосе скользнули плаксивые нотки а-ля «ути, мой бедненький», что моментально выморозило Бехтерева до калёного бешенства. И где же она была, такая добрая, когда сын уходил в ливень из дома после «камин-аута»? Не она ли кричала в окно пьяным голосом: «Съёбывай на хуй,

сучка пидарская! Чтоб глаза тебя не видели! Понял?!» В сердце Свата что-то заныло старой болью. Где она была, когда семнадцатилетний сын валялся с жестокой пневмонией в больнице после такого изгнания? Почему ни разу не пришла, хотя врачи и сообщили ей обо всём? Где она была все эти годы?! От злости свело скулы, но Бехтерев невозмутимо ответил:

- Мама, ваши визиты всегда словно бальзам для моего раненого сердца... Тот, который сделан из змеиного яда. Я до сих пор не могу понять, это у вас ремиссия материнских чувств, или отсутствие личной жизни? Боюсь, я не смогу заменить вам ваших мужчин...

- Сынок, как ты можешь?! – мать с явным усилием расплакалась. – Я к тебе со всей душой...

- А я чудовище неблагодарное, мама, - согласился Сват, снова плавая в своей темноте тем самым мальчишкой, который ушёл в слезах под рыдающее стылое небо сентября, прижимая к себе самое дорогое – фотокамеру, завёрнутую в непромокаемую куртку. Где-то за стеной давнего ливня мать уже вполне бодро снова набросилась на студента:

- Какой ещё ОСОНД, мальчишка?! Выметайтесь из нашего дома!

- Стоп на трассе! – рявкнул Сват. – Мама, вы бы помолчали. Никакого «нашего» дома нет. Запомните. У меня до вас вопрос имеется.

- Что такое, сынок? – в голосе женщины сочувствия не было ни на грош. – Заболел? Так я сейчас...

- Мама, чего тебе надо? – уже с откровенной злостью спросил Бехтерев, забыв про языковые изыски. – Ты ко мне всю весну ходила со своими намёками. Я тебе уже говорил, что вместе мы жить не будем!

- Ну, конечно, - ехидно отозвалась женщина. – Так что, этот молодой человек... Твой новый хахаль?

- Это, мама, социальный работник.

- Вот значит, как теперь это называется, - протянула Светлана Васильевна. – То-то я смотрю, в одних мини-шортах по дому нарекает... Работничек... Социальный весь такой.

Сват услышал судорожный вдох студента. Пацан, похоже, может и уйти... Чтобы вот так, из-за глупости одной женщины, Бехтерев этого не хотел, а потому с ленцой ответил матери:

- А ты губу не раскатывай, мама. Ищи себе хахалю сама.

- Скотина! – лицо обожгла пощёчина, отчего голова Свата мотанулась в сторону и ударилась о стену. Бехтерев оцепенел, давя в себе проснувшуюся ярость. Его лба тут же коснулась прохладная ладонь, и встревоженный голос Степана спросил:

- С вами всё в порядке? Может, скорую вызвать?

- Славик... - сдавленно прошептала Светлана Васильевна. – Прости, Славочка... Я не хотела.

Вот теперь в её голосе фальши не было, что даже удивило фотографа. За пять визитов, состоявшихся этой весной, впервые в голосе мамы была искренность. Бехтерев аккуратно, почти нежно, убрал от лица ладонь студента, и сказал:

- Всё нормально, мама. До свадьбы заживёт.

- Да какая тут свадьба, - в голос матери, родной и чужой одновременно, вернулась взлелеянная обида.

- Ну, не моя, так твоя. Ты так и не ответила, зачем пришла, - напомнил Сват.

- Я не могу при посторонних, - надменный голос женщины вызвал у слепого секундный смех. Бехтерев проворчал:

- Ты же сама сказала, что он мой новый парень. А какие секреты могут быть между любящими людьми?

На кухне, куда удалился студент, что-то с грохотом упало в раковину. Сват улыбнулся, сознавая, что немного перегнул палку, но ситуация его начала откровенно забавлять. Мальчику полезно понервничать. Пусть знает, куда попал. И он продолжил:

- Так что говори, мама, только быстрее, нам скоро уходить.

- Мне негде жить, - сказано было так, словно следом за этим заявлением должно было последовать падение блудного сына в ноги с причитаниями и заверениями на тему «живите, мама, сколько душе угодно». Сват лишь усмехнулся:

- Найди мужика с квартирой. А что с твоим домом?

- Приставы описали, за долги по коммуналке, - выдавила из себя мать.

- Ну, ты даёшь, - обалдел Сват. – Я же тебе каждый месяц кучу денег отсылаю... Там хватит за пять квартир платить, да ещё на жизнь останется.

- Я нормальная красивая женщина, - в голосе матери скользнула истерика, - и у меня есть свои потребности!

- Спустила на банкеты для капитанов дальнего прыгания... Понятно, - вынес вердикт Сват. Похоже, мать решила, что ей у него действительно может что-то обломиться помимо регулярных переводов.

- И чего ты хочешь от меня? – настойчиво спросил Бехтерев, которому всё резко наскучило. Хотя чего он ждал, мать не переделаешь. Какого чёрта всем вокруг нужны его деньги? Словно мёдом намазано... Мысль

о том, что намазано на самом деле его инвалидностью, была горькой, и он её тут же прогнал. Мать же ответила из глубин темноты:

- Как только получится, я тут же от тебя съеду, Слава. Это же на время.

- Мама, я тебя знаю. Нет ничего более постоянного, чем временное – вот твой девиз, - ответил Сват. – Так что найди себе нового мужчину, с деньгами и всем прочим, да и живи припеваючи.

- Прости меня, сынок, - мать ударилась в слёзы, отчего Свата передёрнуло. Но такие приёмы на него давно не действовали. Хватило Рэма с его истериками и биением головой о стену. Бехтерев вздохнул. Все его парни в итоге оказывались не теми, кого из себя строили вначале отношений. Это даже нормально, Бехтерев понимал, что все люди носят маски. Другое дело, что почему-то под гримом ярких лицедеев и увлечённых жизнью людей оказывались пустышки, норвящие сесть на шею и погонять, наваливая комплексы вины и клаустрофобии... Бехтерев улыбнулся. Его мать, похоже, восприняла это на свой счёт и кинулась в другую крайность:

- Сволочь неблагодарная! Я тебя родила! Растила, кормила, а ты теперь для родной матери два миллиона на новую квартиру жалеешь!

- Если они такие жалкие, чего ж ты так убиваешься, мама? Ты так никогда не убьёшься, - ответил Сват. – Сейчас я, конечно, тебе денег подкину немного, но дальше всё только переводом. И сумма увеличена не будет. Разбирайся, как знаешь, большая уже девочка.

Он прислушался к полной тишине на кухне. Чего-то студент там совсем притих. Он позвал:

- Степан Аркадьевич!

- Что-то случилось? – сдавленно ответил парень.

- Достаньте моё портмоне из кармана чёрного пиджака в шкафу. Там возьмите пятитысячную бумажку и вручите прелестной Светлане Васильевне. Так понимаю, что представлять уже не надо? Всем всё предельно ясно.

Лёгкие шаги студента обозначили маршрут до платяного шкафа в одной из комнат гигантской трёшки. Следом за студентом туда же направилась и мать. Сват слегка растерялся, поняв, что она может забрать всё. Что ей какой-то студент? Значит, придётся сегодня зайти в банк, а так неохота... Голос Степана подтвердил опасения Бехтерева:

- Эй, вы чего?! Он же сказал...

- Заткнись, шлюха бледная, - прошипела в ответ женщина. – Дай сюда кошелёк!

Раздался звук пощёчины, а потом вкрадчивый утробный рык. Бехтерев почти с ужасом узнал в этом звуке голос своей милой, добродушной неуклюжищи по прозвищу Фишка. Собака-поводырь, призванная помогать и служить верой и правдой, словно переродилась. Она всегда старалась спрятаться подальше от странной женщины, приходившей в гости к хозяину, но не в этот раз. Насмерть перепуганный голос матери запричитал:

- Ай, собачка, не надо... О, господи... Слава, она же у тебя добрая... Фу, собачка... Уберите её кто-нибудь... Ой, мамочки...

Фишка даже не думала кидаться, что безмерно обрадовало Свата. Но сам факт заставил его оторваться, наконец, от стены и сказать:

- Мама, кошелёк верни Степану, пожалуйста.

- Подавись, - сдавленно отозвалась Светлана Васильевна, после чего на пол шлёпнулось портмоне. Сват ухмыльнулся:

- С деньгами, будь добра.

Женщина зашипела, медленно пятясь где-то в темноте. Следом так же медленно кралась лабрадорша, в которой теперь чувствовался скорее азарт, а не злость. По ламинату прошелестели бумажки:

- Урод... Я заявление напишу, что ты на меня собаку натравил!

- И останешься без моих денег, - бесстрастно ответил Сват, прислушиваясь к звукам в квартире. Мать проскочила мимо него в прихожую. Уже оттуда она почти крикнула:

- И вообще, я на тебя в суд подам! На алименты! Чтобы ты мать родную содержал!

Через пару секунд хлопнула входная дверь. Бехтерев расслабленно покивал и громко сказал:

- Это будет процесс века! Мать-алкоголичка против сына-инвалида... Я тащусь!

- С вами всё в порядке? – раздался голос Степана. Сват развернулся в его сторону и спросил:

- Она вас не сильно ударила?

- Терпимо, - ответил студент, но по его голосу было件ятно, что парень обижен до дрожи в губах. Святослав смущённо пробормотал:

- Вы её извините, пожалуйста. Она не всегда такая... была.

Студент всё с той же горечью в голосе сказал:

- Ага, как же... Судя по тому, как на неё рычала Фишка, собака побоялась подхватить от вашей матери бешенство.

Сват почувствовал укол ревности и не замедлил с ответом:

- Вообще-то, она моя мать, если вы забыли, так что будьте добры оставить свои комментарии при себе, молодой человек.

Аркадьевич чуть слышно зашипел, потом чертыхнулся и отправился к раскладушке, выделенной вчера Сватом. Зашуршала одежда, на что Бехтерев съязвил:

- Как, вы уже уходите? А кто-то так хотел со мной поладить.

- В магазин надо сходить, - буркнул Степан. – Вам новые зубы принести?

- Чего? – опешил Бехтерев.

- Вы бы сcejивали яд, господин Бехтерев, - в голосе студента почувствовалась улыбка, - Он опасен для зубной эмали. Так я спрашиваю, вам новые принести? Старые, наверное, уже попортились...

Сват сдержанно хмыкнул, но тут же почувствовал, как на лицо напoлзает облегчeнная улыбка. Пацан оказался крепче, чем он предполагал. Пережил встречу с его мамой, да ещё и огрызается. Бехтерев тут же процитировал фразу из любимого старого фильма:

- А не выпить ли нам по рюмашечке, так сказать, сока?

- Заметьте, - парировал студент, - не я это предложил... А почему сока?

Вопрос не застал Свата врасплох. Он ответил:

- Детей спаивать нельзя.

- Ну, давайте, мы не будем их спаивать, - снисходительно согласился парнишка. – Хотя вы не поверите, как мне этого хотелось, спoить детей соком.

- Тогда я покажу вам дорогу в хорошее кафе, - деловито покивал Сват. – Заодно и Фишку выгуляем.

Маршрут прогулки был определён. И минут через двадцать все трое окунулись в тёплый сухой зной июньского дня. Бехтерев на миг остановился и подставил лицо солнечному теплу. И тут его подхватили под руку, и бодрый молодой голос сказал практически в ухо:

- Ведите, сусанин, я дороги не знаю.

С другой стороны к его ноге на секунду прижалась Фишка, бодрая и сосредоточенная. Она была готова к любым неожиданностям. Громкое клацанье зубов возвестило, что к мухам у морды собака тоже была подготовлена.

7. Синдром крокодила Гены

Первый полноценный день практики, и второй – знакомства с Бехтеревым, тянулся для Степана как разогретая резина. Пузырьков в это варево, сдобренное мойкой посуды, визитом родственницы, походом в

магазин, кое-какой стиркой и вытиранием пыли со всех горизонтальных поверхностей в квартире, добавлял Сват. Приподнятое настроение Бехтерева наполнило происходящее забавным то ли бешенством, то ли умилением. Морзе уже под самый вечер понял, что всё-таки справится с ситуацией. Бывший фотограф определённо дал понять, что свободная манера общения устраивает его намного больше, чем расшаркивания работника соцслужбы и её клиента. Протерев подоконник огромного окна в зале, уже в лучах закатного солнца, Стёпа с сомнением глянул на стёкла и решил, что пока не рискнёт приступить к их оттиранию от многомесячного слоя пыли. Он вообще всегда любил порядок, с детского сада сам прибирался в своей комнате. Мама от такого проявления самостоятельности буквально млела, а вот отец поначалу ворчал, что не пацанское это дело – тряпкой по пыли елозить. Зато Степан всегда был доволен, жил в чистоте и не позволял друзьям свинячить больше положенного. Как ни странно, это послужило одной из причин их уважения. Правда, иногда ему то ли в шутку, то ли всерьёз говорили, что он зануда и педант, но достаточно было пары скабрезностей без единого мата, чтобы серую тучу непонимания угонял с горизонта порыв смеха.

Степан выдохнул, потянулся и окинул взглядом зал бехтеревской квартиры, которая своими габаритами всё ещё вызывала в нём оцепенение курёнка перед огромным корытом с запаренным пшеном. Трёшка была большая. Нет, Степан знал, что есть на свете хаты новой планировки, где одна комната по площади равна всей их с родителями квартиры, но увидеть такое самому довелось впервые. И не просто увидеть, а уже даже и переночевать, чуть не потерявшись в её просторах... Сват сидел на своём неизменном диване, подтянув к себе журнальный столик, на котором давящим монументом лежала книга, изданная по методике Брайля. Это было творение под стать жилью – безумно толстое и неформатное. Бехтерев читал. Его голова была запрокинута на спинку дивана, полуприкрытые глаза смотрели в потолок, а пальцы шустро бегали по строкам из микроскопических дырочек, пробитых в картонных страницах издания. Смотреть на это было жутковато, отчего Степан тут же переместил взгляд с хозяина квартиры на чёрную собаку, приткнувшуюся к ноге инвалида. Фишка вопросительно приподняла голову с лап, грустно глянула на студента и зевнула, показав желтоватые клыки. Лабрадорша больше не рычала на Степана. После стычки с матерью Бехтерева собака словно подменили. Студент задумчиво коснулся пальцами щеки, вспомнив пощёчину. Словно клеймо ему поставили в ту секунду, метку, позволившую собаке сделать какие-то свои выводы, а затем безоговорочно принять парня в сферу своего интереса.

Переносная трубка стационарного телефона запиликала вызовом, но Сват не обратил на это внимание. Пискнул включившийся автоответчик, и хриловатый голос Бехтерева нарушил уже уставшую от невнимания тишину:

- Программа «Поле чудес» приветствует вас! Для ваших денег наше всё! Посадим, вырастим, соберём и заберём! Если вы готовы к ночным бдениям в моих лапах, говорите после гудка.

Протяжный стон вонзился в комнату, на секунду наполнив её липким облаком саднящей томной похоти. Голос был мужской и такой проникновенный, что Степан мгновенно взмок.

- Аллэ, гамбург жареный! – раздался в аппарате густой бас, наполненный перекатами рокочущего смеха. – Вызывает Бекет! Приём, падла слепешарая!

У Степана аж перехватило дыхание. С огромным трудом удержавшись от странного порыва взять трубку и наорать на далёкого урода, студент до боли сжал пальцы в кулаки. А вот Бехтерев вдруг отдёргнул руку от книги и рассмеялся, после чего схватил телефон и нажал на нём кнопку громкой связи. Трубка вернулась на законное место, а Сват с радостью, поразившей Степана, ответил:

- Здорово, синепупый злоборжун!

Студент понял, что теряет связь с реальностью. Впервые в жизни он понял, что быть рядом с сумасшедшим действительно «чревато боком». А из трубки донеслось:

- Слушай, Сват! Меня радует твой оптимизм! Другой на твоём месте сто раз подумал бы говорить мне такое.

- Усохни, медведь проспиритованный. Я на своём месте. И могу вообще не думать.

- Это точно, - хохотнуло чудовище в телефоне. – Когда рядом такое монстрище, как я, можно и не думать. Нужно драпать. Ты как сегодня? Гостей принимаешь?

Бехтерев отлепился от спинки дивана, зачем-то одёрнул полы пиджака, в котором так и прошарахался целый день, и сказал:

- Неужели Славик оторвался от своей любимой соски и решил проветрить свои хилые косточки?

- Как тебе сказать, - таинственный бас на миг зафыркал. – Пришлось отрывать от себя... Это было непередаваемо, друг мой! Я его отталкиваю, а он прижимается, я его отталкиваю, а он прижимается... Мин либер херц обкончался раза три, пока собрался с силами и таки выпустил из плена то, что ты обозвал банальной соской... Ты обидел мои габариты, русшиш швайн!

Степан почувствовал, как запылало его лицо. Он прекрасно понял, о чём говорил собеседник Свата. Бехтерев же ухмыльнулся во все тридцать два и сказал:

- Ты бы не так ретиво тут расписывал свою личную жизнь, Бекет. Я не один в квартире.

- Епиздрипалас!!! – заорал некий Бекет. – Свершилось чудо! Некий друг таки спас нашего друга! И кто сие сильномогучее создание, что сумело вломить в твою тупую голову мысль, что одиночество опасно для здорового молодого организма?!

- Вообще-то у меня тут социальный работник, - ехидно пояснил Сват.

- Упс... - голос в трубке как-то сразу сник и явственно покраснел. – Надеюсь, милая старушка в обморок не упала?

- Ну-у-у, - протянул Бехтерев. – Во-первых, не старушка, во-вторых, звуков шмякающегося тела я не слышал, а в-третьих, придёте и познакомитесь... И будет вам культурный шок.

- Заинтриговал, падла, - оживился обладатель баса. – Уже летим на крыльях обострённого любопытства. И кстати, с нами Тонька будет.

- Бекет, твою ж мать! – ещё больше оживился Сват. – Она вернулась?

- Три часа назад поскреблась в нашу пещерку, шас сидит рядом и давится протухшим окороком, вырванным с боем из дрожащих лап Славика.

- Хорошо, жду всех троих, - лицо Свата стало каким-то одухотворённым, а Степан внезапно вспомнил, как надо дышать. Бехтерев прервал вызов и потянулся, зажмурившись с таким довольным видом, что студент окончательно растерялся. Диалог, свидетелем которого он стал, не укладывался в голове. Как между людьми могут быть такие отношения? Стёпа пробормотал себе под нос:

- Когнитивный диссонанс* мне обеспечен.

- Думаю, их тоже ждёт выпадение в астрал, Степан Аркадьевич, - Бехтерев бодро поднялся с дивана. – И таки надо подумать о трёх

* Когнитивный диссонанс — дискомфорт, вызываемый противоречием между имеющимся устоявшимся представлением и свежей поступающей информацией, фактами. Авторство теории когнитивного диссонанса принадлежит психологу Леону Фестингеру. Также: Осознание таких понятий, под которые человеческий разум изначально не приспособлен, приводит к тому, что пациент с высокой степенью вероятности улетает в астрал и, с ещё большей вероятностью, оттуда уже не возвращается. Однако сохраняются базовые моторные навыки (ходить, есть, защищать докторские диссертации), что зачастую не даёт возможности сразу выявить пострадавших и отправить их на лечение. (Луркмор)

корочках хлеба, которыми нам придётся набить бездонную яму желудка, поселившуюся в телах моих друзей.

Степан тут же отозвался:

- Лапша по особому рецепту?

- Нет, они люди грубые, и такие высоты им подсовывать ни к чему. Обойдутся чем попроще... Чего мы там сегодня накупили?

Студент прошёл на кухню, а следом за ним подтянулись Святослав с Фишкой, которая всем своим видом выражала желание принять непосредственное участие в неожиданном оживлении...

... Пузо псины лоснилось от перепавших кусков ветчины, заеденных сухим кормом. Степан почти с мистическим ужасом глянул на Фишку, ожидая, что собаку вот-вот раздует. Такое питание животине не могло пойти впрок. Но Сват с невозмутимым видом пошарил рукой по разделочной доске, нащупал ещё один пластик лакомства и бросил на пол. Офигевшая от счастья собака тут же смела подношение и с заметным усилием сбежала с кухни, из чего студент сделал вывод, что она тоже понимала всю опасность несварения. Бехтерев, услышав цоканье когтей по ламинату, покивал и сказал:

- Следующие два дня, милочка моя, посидишь на строгой диете... А сегодня у тебя праздник живота.

Он почему-то счёл необходимым объяснить Степану, что да почему:

- Эти трое всё равно сегодня будут её кормить со стола. В прошлый раз им не помешало даже то, что я им руки поотбивал до синевы. Причём, тростью. Так-с, а всё ли у нас готово?

Студент выглянул из кухни в зал, где на журнальном столике громоздились несколько блюд с салатами, нарезкой и морскими деликатесами из консервных банок. Окинув всё это великолепие взглядом, Степан обернулся к Свату, безмятежно сидевшему на табурете возле кухонного стола, и сказал:

- Пирамида Хеопса к обрушению готова.

Сват упрямо сам сервировал стол к приезду друзей, не позволив Морзе и шагу сделать с кухни. И теперь Стёпа реально опасался, что конструкция «в тесноте, да не в обиде» расплзётся на пол с откровенно маленькой столешницы. Но, как говорится, хозяин – барин. Бехтерев серьёзно ответил:

- Значит, египтяне на подходе... Не поверите, Степан Аркадьевич, они всегда появляются точно к завершению сервировки.

- Тогда усталый раб отправляется на покой, - сказал Степан, чувствуя, что действительно вымотался за этот долгий день. У него и в мыслях не

было присутствовать на вечеринке, и он твёрдо вознамерился свалить в одну из комнат, где и завалиться банально спать. Но Сват обломил Стёпу в лучших чувствах и поползновениях. Бехтерев резко поскучевшим голосом обронил:

- Останьтесь...

Степан усталился на подопечного с неподдельным удивлением. А Сват вдруг добавил:

- Я вас очень прошу. Поможете, если что. Да и не прятать же вас теперь, когда они едут практически с вами познакомиться. Обожаю, когда друзья начинают меня опекать.

Студент пожал плечами и ответил:

- Хорошо, но я тогда лучше всё-таки посижу на кухне, почитаю.

- На всё согласен! – улыбнулся Сват. – Честное слово, они вас не съедят.

В ту же секунду раздался звонок в дверь. Степан чуть ли не в панике ринулся в зал, схватил свою сумку и ретировался обратно в кухню, а Бехтерев пошёл встречать гостей. Уже лихорадочно застёгивая пуговицы своей единственной рубашки, чудом попавшей в багаж при сборах дома, студент услышал, как из коридора рыкнул знакомый бас:

- Ты только погляди! Цветёт и пахнет! Привет, Сват, дай-ка я тебя полапаю!

- Отпусти, чудовище! – почти прохрипел сдавленный голос Бехтерева. – Лучше помоги своему красавцу, чего-то Славик у нас сегодня копошится дольше обычного... Тоня, солнце моё, обнимай давай!

- Сватище! – звонко ответила невидимая Тоня. Возня в коридоре подсказала Степану, что надо поспешить. Стягивать шорты и натягивать джинсы взамен было поздно, и он решил надеть их просто сверху. Но только рука вцепилась в свёрнутые штаны, в кухню ввалился сказочный черноволосый тролль. Степан усталился на патлатое явление снизу вверх, раскрыв рот от изумления. Роста гость был больше двух метров, мощные плечи чуть не рвали клетчатую рубаху, на которой кто-то старательно нарисовал чёрным фломастером ухмыляющийся череп. Узкая талия мужика была затянута в чёрные джинсы. Существо с огромным интересом уставилось на студента тёмными глазами, широко улыбнулось и сказало:

- Кажись, не вовремя...

Степан мучительно покраснел, сообразив, что предстал перед здоровяком не в лучшем виде. Стоит себе такой парнишка в застёгнутой рубашке, из-под подола которой коротких шорт и не видать... Стёпа чуть не застонал, но мужественно упёр руки в бока и ответил:

- Ваше не вовремя критически оппозиционируется с моим не успел.

- Не хило, - кивнул обладатель баса и протянул правую руку. – Бекет, приятно, литр в холодильник пока.

- Ась? – оторопел студент.

- Кличут меня Бекетом, приятно познакомиться, водку пока в холодильник, чтобы остыла, - заботливо расшифровал монстр.

- Яволь, - непроизвольно вырвалось у Степана.

- Ух ты не ферштейн себе фанташиш! – восхищённо выдохнул неформал-переросток и всучил парню пакет с одиноким штофом сорокаградусной дряни. Степан поморщился, отследил исчезновение амбала и нервно засунул бутылку в морозильную камеру прямо с пакетом. А из зала донеслось жизнерадостное:

- Сват! Что за прелесть у тебя там живёт в кухне? Где таких домовых выписывают?

- Говорил же, соцработник, - спокойно ответил Бехтерев.

- А почему без штанов? Да ещё и так поздно? – ликование в голосе гостя было неподдельным.

- Как это, без штанов?! – раздался в зале ещё один голос, мелодичный и хриловатый. – Я тоже хочу посмотреть! Пусти меня, чудовище!

- Славик, сие не айс, - в голосе Бекета скользнули рычащие нотки. – Приревную! Там такое...

- Ну, всё, теперь точно пойду смотреть!

Степан лихорадочно натянул на себя джинсы, вкривь и вкось заправил рубашку и выдохнул с облегчением. Практически в тот же миг на него выскочил молодой мужчина чуть старше Свата. Он был русоволос, голубоглаз и предельно гламурен. Только в левом ухе студент успел насчитать шесть серёжек-колечек. Блеснув стразами на голубой модельной рубашке, Славик обернулся в зал и чуть не крикнул:

- Сват, знакомь! Такой сюрприз бесследно не проходит.

Цепкие пальцы ухватили парня за правое запястье и буквально выдернули в зал. Степан осмотрелся и его взгляд остановился на невысокой брюнетке лет тридцати, длинноволосой и прибраной в строгий тёмно-синий костюм а-ля бизнес-леди. Карие глаза гостьи искрились весельем. Она подмигнула Степану и обернулась к Свату, развалившемуся на диване:

- Я восхищена!

- И правильно! Неча по всяким Испаниям ползать, когда на родине такие мальчики обитают, - прогудел Бекет, почти раздавивший раскладушку, на которой устроился в обнимку с повизгивавшей Фишкой. Хорошо, хоть

постель свернул, отметил про себя студент. Степан почувствовал себя на древневосточном базаре. На миг ему показалось, что происходят какие-то торги, а заодно и быстрая оценка будущей подвижности. И это его разозлило. Парень прищурился и сказал:

- И почему я чувствую себя дрозофилой?

На лице Бехтерева тут же проступила лёгкая улыбка, и это словно подстегнуло студента:

- Вы таки будете нас знакомить, или так, в сторонке поваляться изволите, господин Бехтерев? Я же говорил вам, не стоит устраивать сингл-выставку моей тушки для столь выдающихся индивидуумов российского социума. И я вот что вспомнил... Вашу собаку надо выгулять на ночь. Вы позволите?

Тишина провисела в зале лишь мгновение. И ретировалась под ревуший аккомпанемент Бекета:

- Ёшкина металломама... Каким чудом я на Амазонке оказался?

- Будьте знакомы, - Бехтерев встал с дивана и жестом всесвятителя протянул руку в сторону Степана. – Степан Аркадьевич Мороз, ударение именно на первое «о». Практикант, учится на специалиста по социальной работе. По-совместительству – пиранья. Приставлен ко мне на две недели.

Сказано это было таким тоном, что в груди Стёпы мгновенно вскипело негодование, неожиданно горячее, словно ему только что нанесли обиду. Наверное, это отразилось на его лице, потому что Тоня тут же вежливо подхватила студента под руку и прошептала на ухо:

- Не берите в голову, Степан. Просто он почему-то не в духе. Хотя пару минут назад всё было хорошо... Сейчас я всё улажу.

Девушка отпустила руку студента и обратилась к Свату:

- А не пошёл бы ты, весь такой язвительный и правильный, прогулять нашу любимую псытину до кустов? А мы пока познакомимся со Степаном Аркадьевичем поближе. И не бойся, ревнивец, не съедим.

Степан уставился на гостью в полной прострации, после чего перевёл взгляд на Свата. Тот почему-то порозовел, пробурчал что-то себе под нос и рыкнул:

- Фишка, гулять, зараза.

Законные владельцы квартиры технично покинули высшее общество, минут пять провозились в коридоре, а затем хлопнула дверь. Славик тут же заулыбался ещё шире и сказал:

- Очень жаль, что вы тут всего на две недели. Нашему затворнику нужна встряска. Как давно вы тут?

- Сутки, - буркнул в ответ Степан.

- Фигассе шляхтен революшен, - выдал Бекет и с грацией сонного медведя встал с раскладушки. – Всего день, а Сват уже на себя похож становится.

- Так, мальчики, марш на кухню, водку остужать - распорядилась Тоня, - а вам, Стёпа, я кое-что покажу, пока они там будут арбайтен...

Девушка протащила студента через весь зал до компьютерного стола Бехтерева и запустила компьютер. И уже через две минуты открыла какую-то папку на жёстком диске. Степан увидел тысячи графических файлов, один из которых гостя тут же запустила к просмотру. На мониторе развернулась зима. Бехтеревский двор студент узнал сразу. Посреди белоснежного поля, высвеченного в ночи светом диодных уличных фонарей, стояла автомашина, на заснеженной крыше которой возвышался аккуратно слепленный снеговик. И ни одного следа не вело к этому творению рук человеческих. Рядом со снеговиком сидел чёрный кот и смотрел на фотографа, прямо в объектив. Простая фотография, без изысков, но что-то словно кольнуло в сердце Степана. Изображение цепляло какие-то струны в глубине души. Студент промолчал, зато тихо сказала гостя:

- Это фото сделал Сват, этой зимой.

- Понятно, - ответил Стёпа и осёкся. – Как зимой? Он же...

- Понимаешь? Он продолжает снимать, вслепую. И у него получается, пусть не всегда. Только не говори ему, что я тебе это показала.

То, что Тоня перешла с ним на «ты», ускользнуло от внимания парня напрочь. Он задумчиво кивнул, а гостя тут же дала компьютеру команду на выключение, после чего добавила:

- Делай выводы. Если ты нам поможешь вытащить Свата из раковины, я буду тебя на руках носить... И Славка, и Бекет тоже.

Представив себя в лапах чудовища с черепом на рубашке, Степан с ужасом оглянулся в сторону кухни и нарочито замахал руками:

- Только не это! Я жить хочу!

Следующие полчаса, пока гуляли Фишка и её Святослав, пролетели незаметно. Троица, появившаяся в квартире Бехтерева, впитала парня в свои ряды моментально. И, когда парочка вернулась с прогулки, фотографа только и осталось, что констатировать, войдя в зал вслед за собакой:

- Спелись.

- Погоди, мы ещё и сопьемся, - ответил Славик и тонко улыбнулся. – А потом заберём это сокровище себе. Правда, зверюга?

- А то, - ответил Бекет. – Третий никогда не лишний.

Степан снова покраснел, а Тоня стукнула громилу по голове диванной подушкой:

- Я тебе покажу «тройной одеколон», извращенец!

Импровизированный праздник вошёл в свою колею. Не столько пили, сколько разговаривали. И Степан, не принимавший алкоголь ни в каком виде, вскоре почувствовал себя практически дома. Святослав больше не язвил, открывшись с другой стороны. И студента почему-то весь вечер тянуло смотреть на его лицо, живое и непосредственное. Они проводили гостей около полуночи. Выпивший Сват тут же совершил привычный предночный моцион в ванную комнату, потом без стеснения разделся, заставив Стёпу таращиться в своё отражение в стекле. А потом завалился спать. Студент выключил хайтековую люстру под потолком, впустив в зал невесомый белый свет с улицы. Он тоже разделся, застелил раскладушку, погладил по голове подкравшуюся собаку и вдруг заметил, что Сват практически не укрылся. Степан тихонько подошёл к дивану и поправил простыню. В этот момент его и сгребли сильные руки, повалили на диван и прижали к горячему сильному телу. Стёпа ойкнул и попытался вырваться, но его сжали ещё крепче, а потом явно сквозь сон Сват пробормотал ему в шею:

- О, грелка... Здорово... Ты такой тёплый...

Студент обмер на минуту, но больше ничего не произошло, и он с облегчением выдохнул. Полежав ещё с пару минут в наглых объятиях, студент всё-таки выбрался на свободу и повалился на раскладушку. Откуда и уставился на сопящего фотографа. То, что он сегодня узнал, было поразительно. И не укладывалось в голове. Степан понял, что обязательно просмотрит все фотографии. Главное, найти благовидный предлог, чтобы легально воспользоваться сватовским компом.

Этот человек, спавший на диване, почему-то стал Степану очень интересен. Уже не просто, как клиент социальной службы и его подопечный. Ему вдруг захотелось узнать о Свате как можно больше. Что ему дорого на самом деле, что интересно... Степан понял, что хочет подружиться с язвительным слепым фотографом. Ну и что, что гей? Тоже человек... Да ещё какой.

Уже проваливаясь в сон, Стёпа чуть не засмеялся в полный голос. Он поймал себя на мысли, что подхватил синдром крокодила Гены. Начал искать себе новых друзей. И ему понравилась эта болезнь.

8. Да здравствует Амазонка!

Второе пробуждение в одной квартире со студентом началось для Свата с дыхания, сильного, напряжённого, чуть хриплого и стонущего на грани слуха. Словно в зале кое-кто кое-чем занимался... Бехтерев зевнул, низвергнутый из мечтаний суровой правдой реальности. Степан делал зарядку, что здесь такого? Вчерашний вечер остался в памяти Свата чем-то сумбурным, тёмным и пахнущим Тонькиными духами. Казалось бы, что такое литр на три здоровые морды? Тыфу, растереть и забыть. Но похмелье всё-таки присутствовало – немного побаливала голова, и тело оказалось покрыто лёгкой испариной. Фотограф потянулся, сполз с дивана прямо на довольную Фишку, а уже потом собрался с силами и встал на ноги. Со стороны окна тянуло прохладой. Солнце ещё только-только начало вставать и пока не могло прогнать утреннюю свежесть с улицы. Похоже, вчера оставили приоткрытым окно. Бехтерев довольно покачал головой и похвалил себя за забывчивость. Если бы не приток свежего воздуха, то похмелье могло быть сильнее.

- Вы встали, граф? Но великие дела могут и подождать, - сказал запыхавшийся студент.

- Уверенный в себе мужчина зануда в своих привычках, - с ленцой проворчал Сват. – Что может быть лучше с утра холодного пола, чесучей собаки и прогулки в ванную по причине беспорядка в теле.

- Пойдѐте гулять Фишку, прихватите мусор. Чай на столе, как и тарелка с остатками вчерашней нарезки, - голос Степана был слегка недоволен, но больше забавен в своей хозяйственности. Мальчишка почему-то показался Свату неотъемлемой частью этого утра, вообще всего наступающего дня. Бехтерев уверенно передислоцировался в ванную, где дела пошли совсем хорошо. Правда, до него только тут дошло, что дефилировать перед пацаном-натуралом со стояком в трусах как-то не комильфо... Сват фыркнул, ничего, переживѐт парень. Почему-то, пока чистил зубы, буквально почувствовал странный налѐт сна. Будто прижимал к себе тёплое ладное тело, которое сопело и немного дрыгалось первую пару секунд. Надо же... Сват криво усмехнулся, нашарил кран и набрал в сложенные лодочкой ладони тёплой воды. Окотив несколько раз лицо, он вытерся и на миг замер в раздумьях. Надо же, студент начал сниться. Настроение боком-боком слиняло в неведомую даль, оставив после себя налѐт глухого раздражение. Не сильного, но гнетущего от того, что Свату на самом деле не за что было обвинять девятнадцатилетнего

пацана.

Вернувшись в зал, Бехтерев остановился, ловя звуки. Степан проскользнул мимо, пробормотав:

- Я в душ, а то пропотел.

Запах действительно шёл от парня, но был лёгким и немного притягательным. Так мог бы пахнуть модель, прошедший по подиуму. На подобных показах Сват в своё время тоже бывал... Бехтерев снова выдохнул. Да что же с ним такое? Опять прошлое рвётся наружу! Фотограф с горечью сказал сам себе, что тех времён не вернуть, но всё равно напрягся, пытаюсь выловить в темноте хоть самую кроху даже не света, а отблеск отблеска... Бехтерев резко развёл руки в стороны, выдохнул и присел, вгоня остаточную дурь в пол. Иногда зарядка была весьма полезной. Вяло потрепыхавшись в потугах изобразить упражнение, Сват постиг истину дня – лениво. Пора было одеться и выгулять псытину, бодро сновашую на грани слышимости с намёком на «в кусты». Естественные желания поводыря надо было уважить. Пока Бехтерев копался в платяном шкафу, выбирая костюм, Степан успел покинуть ванную и теперь ожесточённо вытирал волосы шершавым полотенцем. Только такие махровые китайские полотенца издавали царапающий уютный звук шкуродёрки, снимавшей с тела остаточное напряжение после душа. Сват замер, дав волю воображению. Он представил себе парня, стоявшего посреди зала в чуть намокших плавках. Тот суматошно тёр голову клетчатым полотенцем, улыбаясь чему-то своему, неведомому и спокойному... Сват тряхнул головой. Тоже мне, мечтатель! Он ведь даже не знает, какой масти его сосед по двухнедельной жизни... А действительно, подумал Бехтерев. Кто таков Степан Мороз по расцветке? Блондин, брюнет, шатен, русак? Сват решил, что обязательно выяснит.

Его пальцы скользнули по ткани одного из костюмов и на миг замерли. Бехтерев снял с поперечной палки плечики и пошёл из комнаты в зал, где бросил выбранный на сегодня камуфляж собственной замкнутости. Образ, родившийся в голове, немного развеселил фотографа. Надо же, поумнел за эти два года. Куда бы деться с примадонны? Сват потянул с плечиков брюки, и в этот момент недовольный голос Степана раздался практически за ухом:

- Да это полное маньячество, летом ходить в костюме! У вас, Святослав Львович, что, нормальной одежды нет, что ли?

- Ну почему же, есть. Мои костюмы, например, - Сват скривился, повернув голову на голос. - Вы что-то имеете против моего имиджа?

- Да я вообще не понимаю вас, - Степан был раздосадован тем, что

Бехтерев не соответствовал каким-то его представлениям о нормальной жизни. – У меня бы в таком костюме уже давно все будущие дети стали крутыми и мёртвыми!

- Не прошло и полгода, - пробормотал Сват, закипая, - как вы уже начали диктовать мне, в чём ходить... По-моему, мы с вами на брудершафт не пили и в ЗАГС заявление не подавали. Или я ошибаюсь?

Бехтерев знал, что сейчас его лицо стало холодным, хоть воду замораживай, но его действительно задело то, скакой безапелляционностью Степан полез не в свои привычки. Да этот щенок вообще должен делать только то, что нужно подопечному, а не лезть, куда не просят. Студент ответил поскучневшим голосом:

- Молчу, молчу, ваше сиятельство. Куда уж нам, студентам из хрущёвок, да в ваши каменные палаты со своим уставом...

- Молодой человек, - откровенная злость уже плотно завладела настроением Свата. – Знаете, как говорят? Кто на что учился.

- Ну, я ещё учёбу не закончил, - голос Степана опустел, словно сквозняк порывисто унёс с собой газетные лоскуты любых чувств. – Что касается отца, то он инженер на нашем заводе. И со своим образованием, позволяющим строить ракеты, зарабатывает в два раза меньше последней бухгалтерши из головного офиса. А мама так вообще учитель. О таких, как она, сам бог велел всяким...

Студент запнулся, словно ему перехватило горло, но закончил фразу:

- ... сам бог велел вытереть ноги.

Сват замер, словно пришибленный. А парень спокойно уселся на раскладушку и затаих. Лишь чуть нервное дыхание показало Бехтереву, что студент пытается прийти в себя. Блин, сейчас ещё извиняться будет... И точно, Степан вновь подал голос:

- Да вы одевайтесь, бедная собака скоро на стену полезет. И я прошу прощения, что так с вами заговорил. Постараюсь в дальнейшем себе такого не позволять.

Уже в тишине Бехтерев на автомате натянул на себя рубашку, брюки и пиджак. Фишка начала повизгивать от нетерпенья. Фотограф уже хотел двинуться в прихожую, но почему-то шагнул в сторону парня и сказал:

- Это вы меня простите. Сейчас все норвят поучать других, что да как. Я понимаю, что вы не со зла.

Он говорил, а сам понимал, что несёт полную чушь. Так не извиняются. Через секунду Фишка уже возмущённо загавкала из коридора. Сват спохватился и пошёл к ней. Снова стандартный ритуал: обуться, надеть

на собаку сбрую, пристегнуть карабины поводковой шлеи, взять в руку трость... Открыть дверь, выпустить животину, истосковавшуюся за ночь по ближайшей клумбе, проверить тростью пространство снаружи возле двери и стукнуть набалдашником трости по бетону.

Ступени подставлялись под ноги, собака бережно придерживала тёплым боком, Сват спускался по этажам и думал. То, что случилось в квартире, было противно и неприятно. Мальчишка ведь действительно не хотел ему зла, не собирался устанавливать какие-то правила, просто высказал своё мнение. Тем более, что вчера Сват сам допустил его близко к своей жизни, познакомил с друзьями, пытался напоить... Последнее не вышло, и это Бехтерева радовало. Но стоило парню почувствовать себя хоть немного своим, ему тут же напомнили о месте «на коврике». Чёрт! Сват выругался, спугнув с лестничной площадки кого-то с шаркающей походкой. Похоже, Аделаида Ивановна выползала за почтой. Жившая на втором этаже бабушка вечно норовила позаботиться о фотографе, но сейчас смутилась ругани и ретировалась домой. Сват был этому рад, не хотелось устраивать ритуальные танцы в духе «как дела», «чем помочь», «люди и не с такими диагнозами живут до ста лет». На душе стало тошно.

Следующие полчаса прошли не очень быстро, но плотно. Потому, что Фишка обнаружила на детской площадке Соседа. Так прозвал про себя Бехтерев восьмилетнего мальчишку из соседнего дома. Звали мальчика Димкой, и они с Фишкой души не чаяли друг в друге. Так что Сват позволил себе присесть на лавочку и дать закадычным друзьям отвести душу минут десять. Под визги и вопли Бехтерев задумался о природе такой вот мгновенной закадычности. Его поводырь появилась во дворе в первый раз всего два месяца назад. Но собака и мальчишка мгновенно нашли общий язык, словно знали друг друга до этого не один год и излазили не один километр окрестностей. Правда, ответственная Фишка никогда не удалялась от хозяина дальше, чем на сто метров. Она ревниво стерегла каждое движение Свата. А Димка её прекрасно понимал. Мысли Бехтерева метнулись к Стёпе. Со студентом было что-то похожее. Временами Свату казалось, что парень не один год рядом, настолько органично он вошёл в быт фотографа. Не выговаривал, не спорил, не «вилял хвостом», просто делал своё дело так, как считал нужным и правильным. Сват вздохнул огорчённо и одновременно с каким-то чувством теплоты. А ведь прошло то всего двое суток. Третий день пошёл, как студент появился в квартире. И уже такие мысли. Бехтерев расслабленно откинулся на спинку лавочки. До возвращения собаки было ещё минут пять, и можно просто посидеть,

отдаваясь тёплым лапам невидимого солнца.

Когда собака и её хозяин вернулись домой, там ничего не изменилось. Разве что на кухне шумела вода и гремела посуда. Соцработник ликвидировал следы вчерашних посиделок. Освобождённая от шлеек Фишка тут же умчалась к Степану – проверить насчёт еды. Но вчерашний праздник живота для её здоровья не мог пройти даром. И заранее проинструментированный студент явно насыпал в чашку особый корм. Сват это понял по тому, как она чашка один раз брякнула, а затем в зал процокали унылые лапы псины. Фишка в отместку заскочила на раскладушку, где и успокоилась в полном блаженстве отмщенной героини. Разувшись, Сват прошёл на кухню и замер в проходе, слушая, как хозяйничал Степан. Дождавшись, когда стихла вода, Бехтерев сказал:

- Я бы хотел перед вами извиниться за свой срыв, Степан Аркадьевич. Я действительно не хотел как-то вас задеть или обидеть.

- И теперь вы решили отдать себя в жадные руки Гринписа? – с наигранным удивлением спросил Степан из мудрой темноты.

- То есть? – Сват даже оторвался от дверного косяка.

- Они никогда не простят вам геноцида таёжных мишек, - туманно ответил студент, поставив в сушилку какую-то тарелку.

- Вы хотите сказать, что факт моих извинений равноценен внезапной смерти медведя в лесу? – Бехтерев язвительно улыбнулся. – То, что я понял, что вёл себя немного по-хамски, ещё не означает, что в лесу сдох топтыгин.

- С равным успехом это может означать, что у Фишки выросла пятая нога, а некий заяц обзавёлся стоп-сигналом, - Стёпа всё ещё был не в духе. И Сват пошёл в атаку:

- Но в одном вы были правы. Похоже, мне действительно пора сменить гардероб. И в качестве извинения, настоящего, так сказать, согласен пройтись с вами по магазинам одежды. Как вы на это смотрите?

Тишина, повисшая в кухне, стала самым красноречивым ответом. А потом прозвучала фраза, вогнавшая Свата в некий вариант ступора:

- Ну, ты и нахал, фотограф...

Бехтерев отмер через пару секунд и довольно сказал:

- А что ты думал, парень? Говоришь, у меня нет нормальной одежды? Ну, так теперь отдувайся. Будешь выбирать мне обновки.

Он шагнул вперёд, нутром ощущая правильность направления, упёр руки в кухонный стол по сторонам от притихшего Степана и продолжил:

- И только попробуй сделать из меня чучело. Если потом мне

расскажут, какой я был забавный, гуляя по улице голым и в ластах, Хеллоуин начнётся намного раньше для некоего отдельно взятого социального работника.

- Я подумаю над таким заманчивым предложением, - невозмутимо ответил студент. Но Сват вдруг уловил в его голосе что-то такое, отчего внутри шевельнулась горячая истома и стала стягиваться в дурмящий узел внизу живота. Губы Бехтерева мгновенно пересохла от одной мысли, что парень вот он, в сантиметрах, только наклонись чуть вперёд... Сват отшатнулся и сказал, чувствуя кривую усмешку на своём лице:

- Будем делать из меня современного человека, пиранья.

Степан явно сглотнул, а потом ответил:

- От пираньи слышу.

- Ну, так да здравствует река Амазонка, - сказал Бехтерев, - где живут такие дружные и взаимопонимающие добрые рыбки.

Стёпа хмыкнул, а фотограф с довольным ощущением в сердце пошёл в зал, где бесцеремонно пристроился на раскладушку рядом с Фишкой. Лабрадорша тут же положила голову ему на колени. Сват почесал её за ухом и улыбнулся. Он только сейчас сообразил, что они со студентом перешли на «ты».

9.Раздеваемся, господин фотограф, раздевайтесь!

Степан решил не таскать состоятельного клиента по мелким бутикам в торговых центрах. Он, хоть и не имел сам возможности покупать стильные вещи, прекрасно понимал, где надо искать «бренды». Так что парень благополучно притащил Свата в Центральный Универмаг, второй этаж которого занимали всего три магазина. Но зато каких магазина! Здесь можно было найти последние модели с миланской недели моды этого года... Конечно, Стёпа никогда и никому не признался бы, что следит за такими вещами в интернете. Но он не мог побороть себя. Фотографии, описания и прочие радости богемной жизни манили студента, как пьяная вишня манит бабочек. Раз уж выдалась такая возможность, Степан решил оторваться хотя бы на Бехтерева. Вот уж кого действительно надо было переодеть и в буквальном смысле, и в переносном. Все эти строгие костюмы, похожие один на другой, даже за такой короткий срок успели вызвать у Степана оскмину. И уже через час после утренней размолвки они со Сватом с эдаким ленивым видом праздного шотландского лэрда вошли в первый из самых навороченных магазинов города.

Какая-то девушка в кричащем платьице и с причёской «из-под утюга»

мимоходом смерила их взглядом обожравшегося першерона, а потом с ленцой спросила:

- Вам ремень или галстук?

Степан рассеянно пожал плечами и сказал:

- Да мы так, посмотреть.

Девушка глянула на трость в руке Свата и на приветливо мотавшую ушами Фишку, и с нарочитой заботой поинтересовалась:

- Вы уверены, что вам сюда?

В это время среди передвижных вешалок с одеждой появилась ещё одна молодая женщина. Она была одета в стильный серый костюм с ажурными кружевными вставками. Степан уважительно глянул на неё. Он уже видел эту модель в интернете. Весенняя коллекция Lo Gunn, не иначе. Блондинка вдруг крутанулась среди стеллажей, буквально выскочила к посетителям и, ухватив оторопевшую работницу за руку, оттащила её в сторону, где быстро зашептала что-то на ухо. Шатенка круглыми глазами уставилась на Бехтерева, после чего исчезла с горизонта. А блондинка в костюме спокойно подошла к посетителям и сказала:

- Я могу вам чем-нибудь помочь, Святослав Львович?

- Разумеется, Марина Викторовна, разумеется, - покивал Сват, и его лицо расплзлось в улыбке. Он повернул голову в Степану:

- Так вот куда ты меня затащил, парень. А у тебя есть понимание вкуса...

Бехтерев снова обратился к блондинке:

- Надо помочь моему спутнику.

- Какой образ будем из него создавать? – деловито спросила Ирина. Степан слегка обалдел от такого подхода, а вот Сват тут же поправил собеседницу:

- Вы немного не в курсе, Мариночка. Надо помочь ему сделать из меня современное чудовище в ярком гламуре, так сказать...

- Сват, ты ли это? – удивилась блондинка. – Тебя же никто и никогда не мог заставить одеться прилично...

- Как видишь, нашёлся один товарищ, - пожал плечами Бехтерев. – Он так и сказал. Или менять гардероб, или меня вообще заставят пройти по улице голым и в ластах.

Степан возмущённо подал голос:

- Не было такого! Ты сам говорил, чтобы я тебя не наряжал так!

- От своих слов отказываться нельзя, парень, - ухмыльнулся Сват. – Сказано, надо попасть в Штаты, значит, попадём... Вот сейчас найдём КП ракетных войск, а там и до пусковой кнопки рукой подать.

Марина Викторовна искренне засмеялась, вызвав парочку недоумённых взглядов у других посетителей магазина, и сказала:

- Твой юмор, как всегда, плоский, Сват! Чего же ты к нам в шоу-рум носа не показывал эти два года? Думал, жалеть будем? Нам как раз ломовой лошади не хватает. Идёмте-ка, молодые люди.

Степан видел, что разговор дался Свату нелегко. Фотограф слегка побледнел и то и дело поджимал губы, но сдерживал свою язвительность, как мог. И это было очень здорово. Студент последовал за парочкой и собакой. Фишку тут же посадили на привязь возле какого-то голого манекена. И началась примерка... Примерно через полчаса Стёпа вдруг понял, что блондинка почему-то предлагает фотографу всё те же костюмы, разве что модные и брендовые. Ему это категорически не понравилось, и Степан в какой-то момент устроил восстание:

- Да чего вы его маскируете в эти пиджаки? Здесь же много нормальной одежды... Костюмов у него и без того хватает!

- А вы бы, молодой человек, просто посмотрели, - Марина поджала губы. - Мода не терпит дилетантизма, знаете ли.

- Да уж Versace от McQueen отличу, - упрямо посмотрел Степан ей в глаза. Блондинка озадаченно моргнула, смерила его настороженным взглядом и спросила:

- Если вы так разбираетесь в домах моды, то почему сами не пользуетесь такими знаниями?

- Как вам сказать, - протянул студент. - На моей улице ещё не переворачивался грузовик халявных денег. Увы и ах. Наши тропы пролегают в Китай.

Марина усмехнулась и сказала:

- Хорошо, действуйте сами. А я посмотрю.

В глазах Морзе зажёгся сумасбродный огонёк. Он коварно улыбнулся, глянул на Бехтерева, слушавшего перепалку, и сказал:

- Насчёт ласт не знаю, а вот новую кепку товарищу Жеглову мы точно подберём такую, что все местные жабы посинеют от попыток задавить человечество.

Следующие три часа Стёпа не раз потом называл своим звёздным часом. Перемерили половину ассортимента магазина прежде, чем студент решил, что пора, наконец, сводить образы во что-то существенное. Бехтерев весь процесс комментировал так, что и персонал, и покупатели «FS-Garden» запаслись годами жизни от смеха. Первым делом Морзе заставил фотографа влезть в белые брюки из тонкой замши с питоновыми вставками. Добавив к этому мокасины с кисточками на босу ногу, красную

майку и красную же куртку из замши с теми же вставками, Степан даже сам обалдел от результата. Аристократичный блондин смотрелся в одежде от Roberto Cavalli настолько вызывающе и сногшибательно, что у студента даже дыхание спёрло на пару секунд. Стоявшая рядом со студентом Марина тонко улыбнулась, церемонно склонила голову и показала большой палец. Степан довольно вскинул левую бровь:

- То ли ещё будет, мадам. Чебурашка накроется своим же ухом и взвоят от зависти.

- Эй, вы, там! – подал голос Сват. – Чего притихли?

- Просто, увидев такую красоту, слоны рухнули с черепахи в океан, а Земля вот-вот последует за ними, - высказала своё мнение блондинка. – Сват, дружище, ты где откопал такого знатока? Я же его отсюда не выпущу.

- Но-но! – парировал фотограф. – Руки прочь от бутерброда. Это мой парень!

Степан тут же покраснел и сердито прищурился. Бехтерев же нагло улыбнулся и сунул руки в карманы брюк. Студент затрепетал крыльями носа, сделав несколько быстрых вдохов. Вот же морда блондинистая, аж бесит! Морзе прошипел себе под нос:

- Ну, ладно... Сейчас я тебе устрою.

Сват немного удивлённо повёл головой, словно расслышал угрозу. Но он всё-таки был слишком далеко от студента, так что Стёпа махнул рукой на паранойю. Следующим брендом, глянувшемся студенту, стали жакет Неру цвета «хаки» от Bottega Veneta и бежевые льняные брюки в большую клетку под лайбой Etro. Марина, уже понявшая суть происходящего, молча посмеялась, а потом сказала:

- А ты знаешь, парень, это... мило. Дерзай дальше.

Когда фотограф и его соцработник вышли из магазина, нагруженные пакетами с купленной одеждой, Фишка сосредоточенно поволокла хозяина на улицу. Ей было абсолютно плевать на всё, главное – присесть и поймать кайф. Но Степан не собирался заканчивать на модной одежде. Надо было Бехтереву приобрести заодно и просто практичной уличной экипировки. Так что, когда собака сделала свои дела в укромном местечке среди кустов на краю территории ЦУМа, они вернулись вовнутрь. Теперь целью студента стал спортивный отдел, где он выбрал фотографу несколько ярких рубашек и шорт, а заодно и две пары кроссовок. Примерив обновку, Бехтерев прошёлся, аккуратно постукивая возле себя тростью, после чего выдал:

- Только не говори мне, что собрался устраивать утренние пробежки.

Я не Фишка, меня придётся тащить волоком и перетаскивать через бордюры.

- Ничего, мы тебя воздушными шариками обвешаем, полетишь, как миленький, - ответил Степан, разглядывая стильную красную футболку с аршинной надписью «СССР – навсегда!» Эта роскошь уже с полгода была его идеей «фикс». Студент уже в который раз прикинул свои возможности, вздохнул и приказным тоном сказал:

- Раздеваемся, господин фотограф, раздеваемся, нам ещё ласты примерять на образ городского нудиста.

- Нельзя забывать о тыкве с горящими глазами... - с надеждой сказал Сват. – Или ты любишь тыквенную кашу, и ради неё готов на всё? Так ты только скажи, и я стану волшебником. Все тыквы в городе твои.

- Правильная тыква, это та, на которой можно ездить, - парировал Степан. Бехтерев же скинул с ног кроссовки и принялся растёгивать рубашку под распахнутым пиджаком. Студент озадаченно выдавил:

- Ты чего?

- Ласты мерить будем? – брови Свата вопросительно взлетели и застыли. Его тонкие пальцы коснулись очередной пуговицы, а за спиной Стёпы тихонько засмеялась молоденькая продавщица спортивного отдела. Студент сглотнул и поспешно пробормотал, чувствуя, как пылает лицо:

- Дома в ванне примеришь.

И едва слышным шёпотом добавил:

- Придунок охреневший...

- Как ты самокритичен, Аркадьевич, - усмехнулся Сват, но пуговицы растёгивать перестал. – Как тут не стать при... дурком рядом с тобой.

- Чего? – обалдел студент. – Ты мастер передёргивать...

В магазине почему-то стало жарко. Морзе облизал пересохшие губы и подавился комом в горле. А Сват улыбнулся и с отеческим добродушием сказал:

- Парень, я могу не только слова передёргивать. Хочешь, дома покажу, с чем ещё можно это делать?

- Иди ты... знаешь куда, - буркнул Степан, скатываясь в дурное расположение духа. Пикировка с фотографом перестала быть интересной. Захотелось просто придушить это слепое чудовище. Как он там недавно думал? Геи – тоже люди? Чёрта с два они люди... Они просто озабоченные извращенцы. Студент посмурнел, быстро собрал покупки в пакет, бесцеремонно отобрал у Бехтерева портмоне, расплатился, и вскоре они вышли из торгового центра на свежий воздух, если так можно назвать

сухую жару, висевшую под бледно-голубым небом июня. Обида на Свата тут же испарилась, и студент сказал, наблюдая за сосредоточенной Фишкой, руководившей передвижением Свата по тротуару:

- Я так и не могу понять, кто из вас у кого в кильватере?

- Думаю, мы органично смотримся параллельно, - ответил Сват.

В кармане джинсов Стёпы завибрировал мобильник. Он извлёк телефон и ответил на звонок:

- Да, мам...

- Стёпа, ты можешь приехать? – в голосе матери сквозила усталая горечь. Сердце Морзе глухо стукнуло в рёбра: «Опять... Сколько же можно!» Он настроженно ответил:

- Ты же знаешь, что не могу. Он снова начал?

- Как же я устала, - вздохнула мама в их доме.

- Что на этот раз?

- Не тем тоном я с ним заговорила, оказывается... А каким тоном мне говорить, когда он снова выпил на гаражах со своими мужиками?!

- Короче, вы снова поругались? - уточнил Степан. – Он хоть не буянит?

- Да так... Стукнул разок по столу. Правда, тарелка на пол улетела.

Степан поморщился. Давно уже отец не устраивал сцен, а тут на тебе! Впрочем, он знал и маму. Она могла довести до белого каления кого угодно. Даже папа, прожив с ней двадцать с лишним лет, иногда взрывался. Степан сказал:

- Не могу я приехать. Впрочем, ты знаешь. Если что, звони. Забью на всё, мама.

- Не дури, - вздохнула мать, - это был порыв. Так что работай спокойно. Как там твой подопечный?

- Всё нормально.

- Ну и ладно. Пока, сынок, не болей, - разговор оборвался гудками. Степан хмуро вернул мобильник в карман. Настроение снова приказало долго жить. Сват, размеренно шагавший рядом, постукивая тростью по брусчатке тротуара, спросил:

- Всё в порядке?

- Как обычно, - Степан с кривой ухмылкой вздохнул. – Родители поругались... Взятие Зимнего дворца и штурм телеграфа до кучи. Не обращай внимание.

- Да как-то не получается, вон как ты сдулся сразу, - ровным голосом ответил Сват и остановился. Фишка тут же уселась возле его ног. А Бехтерев продолжил:

- Родители всегда доставляют массу проблем, правда? А ты думал о том, сколько сил они потратили на те проблемы, которые создавал им ты, например?

Степан поморщился. Уж чего-чего, а нотаций он не ожидал. Тем более, от человека, который сам ещё недавно в школу ходил. Фотограф словно почувствовал этот внутренний протест:

- Слава Богу, ты пока не просыпался посреди ночи, слушая тишину и вздрагивая от мысли, пришёл или нет дорогой тебе человек... А если не пришёл, то где он, что с ним...

Сват вдруг улыбнулся:

- Ну да ничего, парень! Какие твои годы... Родители всего мира знают простую истину. Их детям за них отомстят их внуки.

На такой странной ноте парни и двинулись дальше, решив не вызывать такси, а прогуляться пешком. Степан шёл рядом с инвалидом, болтал о каких-то глупостях и чувствовал непрошибаемое уютное спокойствие. Чем-то всё-таки слова Свата о родителях смогли пригладить встопорщившееся было отношение к миру. Студент вдруг понял, что мог бы идти вот так, со странным раздражающим фотографом, очень долго. А может быть, и всю жизнь. А вокруг шелестел машинами, травой и древесными кронами город, нагретый солнцем по максимальное деление батареек в одном месте...

10. Maximum Orum

Звонок от Бекета прозвучал в субботу, 23 июня, во второй половине дня. После разговора со здоровяком-неформалом Бехтерев впал в откровенную меланхолию. Как раз то самое состояние, о котором его друзья и знакомые предпочитали не вспоминать. Сват вообще в жизни обладал странной чертой. Чем хреннее становилось на душе или в материальном плане, тем злее и веселее становился сам фотограф.

Электронные часы, замаскированные под «кукушатник», отбили недавно четыре часа дня, и Сват понял, что вот уже полчаса сидит истуканом на диване, пережаривая разговор по телефону. На кухне привычно чего-то хозяйничал Стёпа, Фишка дрыхла у ног хозяина, а в голове Бехтерева крутились мысли, одна другой гаже. То, что поведал Бекет, пока не укладывалось в голове. Словно в старом детском анекдоте: летят два крокодила, один на север, другой – зелёный... Оказывается, Любаша сподвиглась нанять детектива. И не безрезультатно. Судя по всему, какую-то пакость она устроит. Бекету по большому секрету

рассказали, что кто-то где-то скинул ей какое-то видео не лучшего содержания. Причём времён ещё вполне брачных. Сват вздохнул и позвал:

- Степан Аркадьевич! Ты сильно занят спасением мира?

- Серединка на половинку, - донеслось с кухни. – Что такое?

В голосе студента проскользнуло откровенное удивление. Бехтерев улыбнулся своей темноте. Шёл уже шестой день, как парень появился в его жизни. И словно врос в неё. Бехтерев вспомнил тот поход в магазин за одеждой. Словно что-то тонкое и крепкое протянулось между ними тогда. И в тот же вечер привычная мысль о том, что практика у студента рано или поздно кончится, и он уйдёт, отозвалась в Свате мимолётным ощущением неправильности. Девятнадцатилетний мальчишка успел так быстро свить гнездо посреди прохладного одиночества фотографа, что Сват даже растерялся, сообразив, что ему будет не хватать Степана. И это чувство было таким древним и забытым, что Бехтерев ощутил тем вечером даже нотку неприкаянности. Сват ответил студенту:

- Поработай пультом, а?

- В смысле? – шаги студента раздались уже в зале.

- Включи медиа-центр. Чего-то музыки захотелось. Сейчас вот думаю, какого стиля песни хочу услышать... Как думаешь? Кирдык-соседям выбрать или вошепилилку?

- Расшифруй, Штирлиц, - отозвался студент, прошлёпав босыми ногами по ламинату до музыкального центра. – Пастор Шлаг в недоумении.

- Металл завернуть, чтобы соседи саккомпанировали на трубах отопления? Или шкуродёрную техно-кислоту, по сравнению с которой пенопластом по стеклу – детский лепет, а соседи даже не доползут до батарей? – задумчиво протянул фотограф.

- То есть громкость подразумевается самая солнечная? – уточнил Стёпа.

- Разумеется, maximum ofum, - Сват неопределённо помахал рукой в сторону студента, надеясь, что жест понятен. – Выбери сам.

- А не боишься, что социум метафизирует происходящее в неожиданный визит участкового? – спросил студент.

- Иваныч дядька с понятиями, - кивнул Сват. – Зайдёт в гости, чаем напоим, поболтаем...

- Ну, смотри, - щёлкнул верньер мощности и в квартире ударил звук. Бехтерев расслабился, узнав первые аккорды композиции «Prowler» с первого альбома «Iron Maiden». Такую музыку и можно было слушать

только так, чтобы стёкла содрогались в попытке сохранить целостность, а нечаянные слушатели накрывались медным тазом и уползали в ближайшее укрытие. Еле слышными в грохоте шагами Стёпа вернулся на кухню, а Сват подорвался с дивана и замер, окунувшись в гитарно-ударную экспрессию. Темнота вокруг стала дерзкой и пружинистой, позволив Бехтереву на миг поверить в то, что он просто стоит у себя дома с закрытыми глазами. Ему нужна была разрядка, а музыка всегда давала это ощущение безграничной свободы от всего. Цокот фишкиных когтей дал понять, что собака предпочла убраться из-под ног. Значит, можно... И Сват начал двигаться, словно наяву увидев сцену, где в ярких огнях и клубах дыма терзал гитару Стив Харрис. Ноги помнили каждый квадратный сантиметр пола в зале, так что свалить что-нибудь Свату не грозило. Бехтерев всегда раньше поражался, как можно танцевать под такую музыку, но однажды в качестве фотографа от журнала попал на концерт какой-то кавер-группы, где и услышал живой металл, а заодно увидел фанатов этого дела. И его словно затянуло в этот драйв, где каждый движется, как может, но вместе – единый организм. И плевать было, кто что подумает об этих плясках Святого Витта.

Когда тема подошла к концу, Сват почувствовал, как его буквально отпускает острое напряжение. Даже дышать стало легче. Он плавно добрался до аппарата, убавил звук до приемлемо негромкого уровня и передислоцировался на кухню, где уловил запах свежеччищенной картошки. Бехтерев спросил у своего «опекуна»:

- Много начистил?

- Ёпт... - вырвалось у Степана, и он зашипел. – Взял, подкрался!

Парень с шорохом встал с табурета, на котором сидел, прошёл до мойки и открыл воду. Сват обеспокоенно спросил:

- Порезался, что ли?

- Да уж не кончил, блин, - огрызнулся студент и замолчал. Бехтерев ухмыльнулся, почувствовав в себе зачатки бодрого настроения, и сказал:

- Жалко-то как...

- Что жалко? – в голосе студента появились нотки растерянности и какого-то смущения. Похоже, он понял, что и кому ляпнул, и теперь не знал, как быть дальше. Сват шагнул к нему:

- Нацеди в стаканчик, будь человеком. Так хочется твоей крови попить, аж переночевать не с кем.

- Отвянь, извращенец, - буркнул студент, а фотограф сделал ещё один шаг на голос. Судя по звукам, парень уже совсем вжался в кухонный

гарнитур. И это Свата заводило. Ему захотелось прикоснуться к студенту, проверить – не призрак ли поселился в доме. Он помнил, как изучал пальцами лицо Стёпы. А сейчас хотелось скользнуть подушечками по шее, плечам, груди... Бехтерев поспешно отвернулся, успокаивая разогнавшееся сердце. Лицо загорелось, а дыхание участилось, словно предупреждая: ещё немного и он накинется на парня прямо здесь. Это желание оказалось настолько поглощающим, что фотограф только титаническим усилием воли заставил себя отбросить жажду прижаться к парнишке, схватить его и целовать, читать каждую клеточку тела, как книгу, о которой давно мечтал и вдруг почувял, что вот она, рядом...

Сват едва ли не до хруста сжал зубы, выдохнул и сказал:

- У нас сегодня гости будут. Надо подумать, чем кормить будем.

- Ваши друзья? – отстранённо спросил парень, и Бехтерев понял, что студент просёк его порыв. Святослав с горечью констатировал про себя: Стёпа самый натуральный натурал. Стоит сейчас, наверное, сжав кулаки. Да что же это за мучения такие... Чем он так провинился и перед кем? Сват не стал оборачиваться обратно к Степану, чтобы не выдать своё состояние до конца. Он опёрся рукой на дверной косяк и сказал:

- В том же составе. Надеюсь, вас не смутит этот «на бис»? В прошлый раз они не позволили себе ничего лишнего, надеюсь?

- Ну что вы, - равнодушный голос парня отозвался в груди у фотографа холодным уколом. – Это ваше право, звать кого хотите и когда вам заблагорассудится.

- Тогда подумайте, что можно приготовить из продуктов, которые есть в доме, - ответил Сват и зажмурился, надеясь, что темнота станет ещё непрогляднее, хотя куда уж более. И тут Степан сказал то, отчего у Свата едва не перехватило дыхание:

- Если я снова буду готовить на гостей, то у меня условие.

Это было уже интересно и заставило фотографа встать в полоборота.

А студент продолжил:

- Точнее, даже два. Первое – никаких костюмов. Это не обсуждается.

- Значит, обойдутся чаем, - бодро ответил Сват.

- Но, но, я могу и чайник спрятать так, что не найдёте, Святослав Львович, - пригрозил Степан. По его голосу Бехтерев понял, что парня немного отпустило происшествие, и сказал:

- Если мы вернёмся к общению на «ты», то так и быть, я пойду навстречу по вопросу упрощенного подхода к выбору чехлов для моего брэнного тела.

- И второе, - словно не заметил слов Свата, сказал Стёпа. – Руки не

распускать. А то смотаю скотчем, усажу в кресло и скажу, что так и было. Устраивает?

- Так мы всё-таки на «ты» или как? – настырно спросил Сват. – Я просто не переживу возврата к ритуальным танцам папуасов от воспитания.

- Посмотрим на ваше поведение, - в интонациях студента мелькнула смешинка. Фотограф облегчённо выдохнул и тут же предложил:

- Чур ты готовишь, а я, так и быть, повишусь над душой и потаскаю колбасу со стола. Как самый примерный кот в истории человечества.

И даже сам от себя не ожидал, что закончит фразу протяжным «муррррком», от которого у него самого затеплилось в животе. Стёпа фыркнул и сдавленно спросил:

- Пластырь есть в этом доме?

- Ой, блин! – спохватился Сват. – Сейчас всё будет...

Аптечку он нашёл, где привык – в одном из шкафчиков на кухне. Пошарив в ней, Сват нащупал упаковку бактерицидных липучек и протянул парню. Тёплые пальцы Степана коснулись его ладони, отчего Бехтерева пробил настоящий электрический разряд. Он сглотнул и почти выскочил из кухни, чудом не ударившись о косяк.

Вечером, уже перед приходом гостей, Сват послушно нарядился в тонкие бежевые джинсы и белую водолазку из тех вещей, что они купили три дня назад. Это всё ещё было непривычно – словно оставаться наедине с миром без привычной скорлупы. Так что Сват даже занервничал, когда заверещал дверной звонок. Стёпа как раз успел укомплектовать всё тот же журнальный столик в зале. Идя открывать, Сват с растерянностью услышал, как студент двинулся в сторону одной из комнат, где и скрылся, довольно громко прикрыв дверь. Бехтерев раздражённо пожал плечами. Звонок снова наполнил темноту требовательными нотками. И Бехтерев, чувствуя какую-то опустошённость, распахнул входную дверь. Фишка, прижимавшаяся к ноге, радостно заскулила, прыгая на задних лапах. Бекетовский бас чуть ли зло проревел над ухом:

- Ты чего творишь, Сват? Хоть бы спросил, кто!

- Антресолям слова не давали, - ответил Сват. – Фишка спокойна, а тонькины духи я и за километр учую. Так что придержи дверцы своего красноречия на петлях благоразумного молчания... Особенно по поводу того, что я могу делать, а что нет.

- Тю-у-у-у-у, - протянула Антонина, проходя мимо. – Наш друг Пишичитай сегодня зовётся Рычиругай...

- У меня глюки! – голос Славки был растерян до прострации. – Народ, вы обратили внимание, как он одет?!

- Действительно, - почти шёпотом ответил Бекет.

- Похоже, малыш от социалки на тебя благотворно действует, - сказала Тоня. Сват поджал губы от нахлынувшего раздражения и сказал:

- По условиям договора, я оделся в дрянь, а он приготовил ужин. Всего-то, взаимная вежливость.

- Эй, что с тобой? – тёплая ладонь девушки взяла Свата под локоть. – Ну-ка пойдём в зал, парень. Славик, закрой дверь.

- Слушаю и повинуюсь, госпожа, - шаловливо ответил последний. Хлопнула дверь. А Бехтерева утащили из прихожей туда, где по-прежнему тихо играла музыка. Бекет недоумённо спросил:

- А где твой красивый мальчик?

- Ну, захлопнись, а? – огрызнулся Сват.

- Похоже, мы не вовремя, - протянул Славик.

- А по-моему, очень даже вовремя, - отрезала Тоня. – Вы поссорились?

- Поссориться могут близкие люди, - тихо ответил Сват, почему-то часто моргая. – Мы просто не нашли общий язык на почве разных наклонностей.

- Бедный мой, - Тоня участливо приобняла Свата за плечи, показывая, что всё поняла правильно. Бехтерев ощутил пустую усталость. Как же он всё-таки устал сдерживать свой интерес к этому мальчишке. Но и позволить себе проявить желание обнять Стёпку и нырнуть носом в волосы, пахнувшие вишнёвым шампунем, а уж тем более нечто большее, Бехтерев не мог. Он ни в коем случае не хотел, чтобы студент сбежал. Пусть он побудет рядом хотя бы оставшуюся неделю. Гремит посудой на кухне, дразнит Фишку, что-то протирает, хамит в ответ на язвительные реплики, что угодно делает... Но не уносит своё тепло из квартиры, вдруг забывшей, что такое одиночество.

Ребята притихли, а Сват в который раз пожалел, что вокруг темнота. И тут же пожалел, что пожалел. В груди развернулось мерзкое сочетание горечи, сожаления и злости на самого себя. Ему до боли захотелось увидеть этого несносного парня. Посмотреть ему в глаза и... Что «и», Сват побоялся сказать даже себе. Бехтерев тряхнул головой и нарушил повисшее молчание:

- Значит, так, турецкоподданные, вечеринка начинается... Ну-тес, отведаем фрути-с...

Он словно окунулся в настороженное недоумение друзей и рассмеялся:

- Шутка, черти полосатые! Давай, Бекет, трави, что там моя большая Любовь успела натворить. Должен же я знать, что врать адвокатам.

Впервые за последний год ему захотелось швырнуть что-нибудь в эту проклятую темноту, чтобы звон пошёл по всему космосу. Чтобы мальчишка услышал и выглянул...

11. Поиметь можно по-разному

Вот и прошла почти половина практики. Степан с непривычным сожалением уставился в окно, за которым разгоралось утро нового дня. Он и так провозился полночи на раскладушке, пытаясь понять, что это вчера было. Представив своё поведение со стороны, Стёпа даже немного покраснел. Повёл себя, как мама, когда она ссорится с отцом. Ушёл в комнату, хлопнув дверью. Парень вздохнул, недовольно поёжившись. Вот уж чего он от себя не ожидал... Хотя чего тут удивляться? Морзе усмехнулся, проводив взглядом голубя, мелькнувшего за окном, в щели штор. Когда к тебе выказывает интерес мужчина, это польстит только девчонке. Не парню же, в конце-концов. Тоже мне, если рядом, то можно лапы тянуть, что ли? Степан прекрасно понял, что произошло на кухне прошлым днём. Было такое ощущение, что ещё пара секунд, и Сват просто набросится. Порез на большом пальце левой руки ощутимо защипало при одном только воспоминании.

Морзе сердито скосил глаза в сторону дрыхнувшего на диване Свата. Какого чёрта эта зараза спит в зале? У него же тут ещё две комнаты, в каждой из которых есть или кровать, или раскладное кресло. Так нет же, именно в зале! Похоже, придётся самому перебраться в одну из этих камер, пусть комфортных, но размером намного уступающих залу. Степан потрепал за холку подошедшую лабрадоршу, которая уже начала намекать на прогулку. Но парень сделал вид, что намёков сегодня не понимает. И вообще, его собака, вот пусть сам и гуляет. А Степан Аркадьевич Мороз будет исполнять своё профессиональный долг – готовить завтрак слепому. Парень осторожно, чтобы не скрипнула, поднялся с раскладушки. Фишка тут же наострила уши в надежде на чудо, но почти сразу поняла, что мир пуст и вреден для одной страдающей от физиологии собаки. И степенно удалилась в прихожую, где пока ещё флегматично загремела своей сбруей.

Наскоро умывшись, Стёпа привычно облачился в шорты, но тут же одёрнул себя. Видит, не видит, какая разница. Хватит вести себя по-детски. На работе он, или где? Студент нехотя влез в джинсы и бесформенную футболку. После чего отправился на кухню. Прикрыв дверь, парень первым делом вымыл посуду, оставшуюся после вчерашнего визита друзей

Бехтерева. Сквозь шум воды он услышал, как Фишка с лаем встретила подъём хозяина. Через какое-то время в доме воцарилась тишина. Сват повёл себя и свою собаку-поводыря гулять. Степан раздражённо бухнул тарелку в мойку и почти с ненавистью глянул на дверь кухни. Даже не заглянул... И хрен с тобой, золотая рыбка. Студент порылся в шкафах, поставил на плиту сковороду и принялся жарить яичницу. И опять не смог удержаться от того, чтобы не намудрить. В итоге получилось нечто среднее между болтуньей и омлетом с помидорами, болгарским перцем и остатками колбасы.

Пока эти двое шлялись по улице, портя клумбы и протирая асфальт, студент успел позавтракать и заняться своим черновиком будущей курсовой. Конечно, до сего знаменательного документа был ещё целый курс, но Степан умел думать о будущем. И каждый день практики вёл записи, изучал кое-какие учебники, прикладывал к ним свой мизерный опыт, сравнивал... Когда в прихожей хлопнула дверь, и в зал ворвалась оптимистичная туша лабрадорши, Морзе как раз успел поставить точку после целой страницы, посвящённой социальной адаптации инвалидов в первые годы после получения приобретённого физического недостатка. Так что спрятать тетрадь было делом секунды. В зал степенно вплыл Сват, всем своим видом говоря о том, что надо бы пошуметь некоторым притихшим. Степан сказал:

- Завтрак готов.

- Я смотрю, по утрам у тебя наблюдается резкое уменьшение физической памяти, - отозвался Бехтерев, недовольно шевельнув уголками губ.

- Так, значит, сегодня вы будете системным администратором, - Морзе усмехнулся. – И с чего такой вывод?

- Словарный запас уменьшается. Надо проводить дефрагментацию и починку битых кластеров, - Сват явно был не в настроении. И Морзе решил, что не будет нагнетать обстановку. Не для того он здесь прописался на время практики. Степан кивнул сам себе и сказал:

- Тогда это надо делать нам обоим.

- Что, совсем всё видно? – хмуро спросил Бехтерев, прошёл мимо Степана на кухню и привычно обшарил хозяйство. Он сам достал себе тарелку из сушилки, наложил еды, брякнул всё это дело на стол, вооружился вилкой и уселся завтракать. Всё это время Степан молчал, наблюдая. Вид у фотографа был как у асфальтоукладчика, наехавшего на малолитражку... Вроде бы что-то такое попало на пути, но что это было? По трафарету не поймёшь. Степан хихикнул сравнению, родившемуся в голове. А Бехтерев раздражённо брякнул вилкой по тарелке:

- Чёрт, я чувствую себя, как провинившийся муж! Ты так и будешь там стоять, смотреть и ржать?

На лице Свата не было даже тени улыбки. Степан вдруг с удивлением понял, что фотограф всерьёз обижен... Что тому было причиной, вчерашний вечер или какая-нибудь гадость на прогулке, гадать было бесполезно. Но студент почувствовал какую-то вину и мгновенно ошетинился:

- Я могу ещё и не такое. Мне побегать с закрытыми глазами и покрывать? Любой каприз клиента для нас закон.

Бехтерева почти перекосило. На его лице ожили желваки, но тут же облик фотографа вернулся в исходное состояние. А студент ощутил раскаяние и сказал:

- Простите, пожалуйста. Я не хотел...

- Ну, почему же, - ответил Сват. – В кои-то веки вы искренны, Степан Аркадьевич. Приносить извинения за вчерашнее не буду. Не вижу смысла, раз всё так.

Он встал с табурета, спокойно прошёл мимо студента в зал и удалился в ту комнату, где стоял платяной шкаф. Спустя несколько минут фотограф появился уже в строгом чёрном костюме с бордовой рубашкой. Степан от досады прикусил губу. Ну вот, Бехтерев вернулся к своим привычкам. Студенту стало тоскливо от того, что он не смог удержаться и наболтал всякой хрени. Было такое ощущение, словно он, сам ещё мелкий шкет, покусился на яркую игрушку соседского пацана, у которого она была первой за много дней. Захотелось надавать самому себе по шее. Морзе вздохнул, а Сват ровным голосом сказал:

- Я по делам, на весь день, наверное. Съездите домой? Или найдёте себе занятие в моей скромной квартире?

- У вас тут дел ещё непочатый край, - ответил студент. – Хочу сегодня навести порядок в комнате с книжными полками.

- Кстати, о книгах, - голос Свата чуть дрогнул. – Мне понадобится ваша помощь. Хочу часть из них подарить местной библиотеке, а остаток отвезти в детский дом. Поможете мне рассортировать их, когда я вернусь?

- Конечно, - с некоторым недоумением ответил Стёпа. Просьба его озадачила. Два года фотограф хранил свою библиотеку, а тут вдруг решил избавиться... Наверное, ему действительно нужна была помощь, решил парень. Бехтерев свистнул Фишку, а ещё через десять минут они ушли. Студент растерянно осмотрелся. На душе было поганенько. Парень пробормотал:

- Трудотерапия ещё никому не вредила. Может, хотя бы так завяжу язык узлом. Какой же я придурок, ляпнуть такое слепому... Идиот.

Он вздохнул – вчера тоже повёл себя, как не пойми кто. Обиделся, мать его, на инвалида, который сам не знает, чего хочет. Может, если бы Сват всё-таки дал себе волю, стало легче? Дал бы в глаз, оба успокоились, и всё было бы замечательно. Хуже всего то, что они опять обращались друг к другу на «вы». Степан скривился, как от зубной боли, прошёл в ванную комнату, нашёл там кусок какой-то тряпки, увлажнил её и двинулся в комнату, когда-то явно бывшую кабинетом. Со злостью глянув на высокие стеллажи с книгами, занимавшие две стены, Стёпа ринулся «в бой».

Спустя два часа, когда последняя книга была аккуратно протёрта от пыли и возвращена на место, студент чувствовал себя выжатой ветошью. Зато нудная работа хорошо прочистила мозги, дав возможность забыть на время о собственных косяках и о недоумке с собакой, которая ни в чём не виновата, кстати. Степан улыбнулся, сходил умыться, а затем расположился на диване. Главный подвиг, запланированный на сегодня, он выполнил. Думал, даже дольше будет возиться, но раздрай, поселившийся внутри, придал ускорения. Взгляд студента остановился на персональном компьютере Бехтерева. Стёпа прищурился, момент был самый подходящий, чтобы просмотреть те самые фотографии. Студент подошёл к компу, включил системник и уселся в крутящееся кресло перед столом. Машина была довольно навороченная. Не в последней комплектации, конечно, но года два в апгрейде не нуждалась.

Степан прекрасно помнил, где Сват хранил свои фотографии. Антонина тогда показала обстоятельно. Но чёрт дёрнул открыть не папку с надписью «наугад», а соседнюю, обозначенную какими-то цифрами. Там тоже был список фотографий, и Степан машинально открыл первый файл, после чего замер с открытым ртом, запылав лицом, ушами, шеей и вообще всем, что могло покраснеть. Это была откровенная порнуха, причём – гейская. Студент зажмурился на мгновение, но любопытство взяло верх. Он сглотнул и пролистал на следующую фотку, а потом на ещё одну... Через минуту его охватил уже не жар. Это было что-то другое, тоже горячее, но наполненное мятым стыдом, дрожью по всему телу и внезапной тяжестью в паху. Степан окаменел, осознав, как его тело отреагировало на увиденное. Внутри всё сдавило, глаза словно припорошило тончайшим песком, сердце застучало как-то по-особенному мягко, бодро и до стука о рёбра. Парень щёлкнул курсором ещё раз по стрелочке перемотки. И выдохнул сквозь зубы. На новой фотографии

были какой-то чернявый парень и Сват. Девственно голые, они занимались тем, что всегда казалось Степану непонятным и странным. Взгляд парня упал на запечатлённое лицо Святослава. Оно было слегка запрокинуто и сосредоточено до полной расслабленности. Бехтерев закусил нижнюю губу, прикрыв наполовину глаза. И, судя по затопившей обоих на фотографии истоме, парочка витала вовсе не перед фотокамерой. Они были где-то в своём мире. Где Сват вёл странный танец, обхватив партнёра ладонями за талию со спины. Стёпа вдруг отчётливо увидел вместо того чернявого кого-то другого. Словно в зеркало посмотрел. И мгновенно закрыл папку, судорожно облизав пересохшие губы. Давить в груди не перестало. Как и внизу живота. Рука на мышке задрожала, студент резко встал с кресла и охнул от неприятных ощущений в джинсах. Он глянул вниз и протянул:

- Ой, ё-о-о-о-о-о...

Да, точно, его тело действительно отреагировало на фотографии, да ещё как. Студент втянул живот, запустил руку под ремень и поправил заклинивший орган. Стало немного легче, но совсем чуть-чуть. Морзе в растрёпанных чувствах уселся обратно перед компьютером, но теперь открыл уже нужную папку. И через несколько секунд погрузился в совершенно другие ощущения. Это были восторг и умиротворение. Почти сразу Морзе отбросил странные мысли о себе, роившиеся в голове. Об этом ему сейчас думать не хотелось.

Особо понравившихся фотографий, сделанных вслепую, набралось четыре десятка. Старательно скопировав их, Степан создал новую папку и поместил туда копии. Мгновения уличной жизни, пойманные слепым фотографом, были, с точки зрения студента, гениальны в своей случайности. Улицы, машины, люди, крыши домов, зимой, весной, летом и осенью... Словно снайперские выстрелы в привычную жизнь. На снимках была жизнь, привычная всем и каждому, но пойманная в такие моменты, когда начинает казаться, что стирается грань между сном, мечтой и бытом. Всё-таки Бехтерев – гениальный фотограф, понял окончательно Стёпа. Даже вслепую он делал снимки, какие другой не сможет сделать, даже имея десять глаз. Ещё раз отсмотрев материал, студент выключил компьютер и в полном восторге взъерошил себе волосы на голове. Ведь всё это достойно выставки! Степан даже подскочил от этой мысли. И в полной уверенности в своей правоте решил, что, когда Сват вернётся, обязательно поговорит с ним на эту тему. Студент представил, как озарится лицо фотографа. Он был готов на что угодно, чтобы вернуть улыбку на лицо этого гада и извращенца. И понимание этого совсем не смутило студента. Для друга можно сделать что угодно.

Остаток дня пролетел на волне приподнятого настроения. Приготовив на ужин какую-то чепуху из крабовых палочек, риса и морской капусты, впрочем, вполне съедобную, Степан встретил вернувшегося Бехтерева чуть ли у порога. Как ни странно, обрадовались этому оба гулёны. Фишка запрыгала с таким энтузиазмом, что чуть на голову не залезла, а Сват немного растерянно улыбнулся. Студент тут же увёл собаку мыть лапы. И уже позже, минут через пятнадцать, фотограф и практикант сидели за столом, поглощая ужин. Пару раз Степан ловил Свата на том, что тот с некоторым удивлением замирает на долю секунды. Было видно, что Бехтерев начал расслабляться. Когда еда была уничтожена, на кухне ещё какое-то время раздавалось чавканье Фишки, накинувшейся на свой корм оголодавшей пираньей. Сват с умильным видом послушал самый лучший концерт для любого собачника и сказал:

- Знаешь, Аркадьевич, боюсь, мне начинает нравиться, что меня встречают с улицы. И не кто-нибудь, а именно ты.

Стёпа смутился, но тут же ринулся в омут с головой:

- Нам надо поговорить.

- Что-то случилось? – Бехтерев мгновенно напрягся, застыв на табурете.

- Когда твои друзья приходили в первый раз... При мне, то есть, - уточнил студент. – Антонина мне кое-что показала. Да чего там, кое-что... Твои фотографии на компьютере.

С лица фотографа словно схлынула жизнь, но Степан не придал этому значения. Его распирало от желания поделиться своим восторгом. Он продолжил:

- Ты не представляешь, что ты делаешь с фотоаппаратом. Эти снимки прекрасны. Почему ты не устраиваешь выставки? Там у тебя такое! Просто закачаешься! Один кот рядом со снеговиком чего стоит. Это же настоящее искусство! Мне мама всегда говорила, что ты гений с фотоаппаратом, теперь и я так считаю.

По мере того, как Стёпа говорил, Бехтерев мрачнел всё больше, а студент не унимался:

- Я отобрал штук сорок фотографий в отдельную папку, которые можно выставить в любой галерее, как мне кажется.

- Кажется, значит? – в голосе Свата зазвенела такая холодная ярость, что студент осёкся. – Креститься не пробовал? И позволь спросить тебя, парень, вот о чём. Как ты посмел влезть в мой компьютер без разрешения?

- Но я... - начал Степан, и был остановлен тем, что Сват вскочил

на ноги, с грохотом опрокинув табурет. Сват был бледен и предельно напряжён. Он тихо продолжил:

- Тебе никто в детстве не объяснял, что читать чужие письма нельзя? Никто не рассказал, что лазить в чужих вещах – это плохо? И для начала вот что, Степан Аркадьевич. Больше ты не суёшь нос, куда не просят. Это понятно?

- Да, - тихо ответил Степан, чувствуя, как ноги становятся ватными. Это не был страх. Что-то намного хуже проникло в тело. И это что-то было сплетено из понимания, что он опять натворил полной хрени, и родившегося горького чувства, что не надо было забывать, кто есть кто. В своём восторге Морзе потерял разум, но ведь ему хотелось сделать для Свата хоть что-то по-настоящему хорошее. Губы парня дрогнули, глаза подёрнулись блестящей плёнкой, но он больше не издал ни звука. Бехтерев постоял в полной тишине с полминуты, а потом снова заговорил:

- Во-вторых, парень, ты забыл, что находишься здесь только потому, что я позволил. Пошёл навстречу Ирине Валерьевне. И завтра я ей позвоню и спрошу, знает ли она, что подселила ко мне практически вора?

Степан судорожно втянул в себя воздух. Его пальцы сжались, а в голове зазвенела струна слепящей обиды. Морзе, не веря своим ушам, посмотрел в лицо фотографу и сказал:

- Вот, значит, как.

- Помолчи, - отрезал Сват. – В-третьих, только я буду решать, что мне делать с моими фотографиями. И ни одна блядь не может мне тут говорить, что я должен делать. Заруби себе это на носу.

- Так я ещё и блядь, - теперь уже вскочил парень. – Может, ты и таксу мою вычислил?

- Сам скажешь, - презрительно сказал Бехтерев, обошёл стол и встал около Степана. – Тебя разложить и заплатить?

Морзе растерялся, глядя в такое близкое лицо. Глаза фотографа были практически безжизненны, как будто из них что-то только что вынули. Губы Бехтерева дрожали, а на висках бились тонкие жилки, с трепетом переживая срыв хозяина. Степан пробормотал:

- Прости... Я думал, что ты сам о таком мечтаешь. Наверное, ошибся. Я не хотел, чтобы всё вот так... Просто я идиот, решил почему-то, что мы не чужие.

Ему захотелось прикоснуться к белому лицу Свата, в уголках глаз которого проступили невесомые капли. Студент почувствовал горячий ком в горле, а потом молча развернулся и пошёл в зал, где взял свою

сумку и стал собирать вещи. В груди давило нещадно, жарко и свирепо. Что-то мешало сфокусировать взгляд, и Стёпа вскользь провёл ладонью по лицу, с отстранённым удивлением увидев на коже влагу. Горечь переполнила всё его существо. Студент сцепил зубы, кривясь от злости на собственную слабость. Всё было плохо, неожиданно, неправильно... Но это было. Он криво усмехнулся, а потом медленно разобрал содержимое сумки обратно. Ну, уж нет, чёртов придурок. Так легко не отделаешься.

Именно в этот момент стёпин сотовый завибрировал в требовательном экстазе вызова. Студент увидел, что звонит Зиганшина, и решил ответить, дабы не было чего:

- Алло.

- Вечер добрый, Степан Аркадьевич! – бодро сказала женщина. – Извините за неурочный звонок. Просто решила лишний раз убедиться, что у вас всё в порядке...

Вот уж точно, в полном. Стёпа криво улыбнулся и ровным голосом сказал:

- Всё идеально, Ирина Валерьевна. Никаких эксцессов.

- Свежо предание, - с сомнением в голосе ответила Зиганшина, - верится с трудом...

- Нет, на самом деле, всё в полном порядке.

Разговор закончился, почти не начавшись потому, что Ирина Валерьевна технично оборвала звонок, сказав на прощание что-то вроде «Пока-пока». Мимо Степана оглоблей прошёл Сват, бухнулся на диван и притих. До глубокого вечера они вдвоём делали вид, что всё в порядке. Настолько в норме, что мухи испарились из квартиры, опасаясь сдохнуть от напряжения, витавшего в воздухе. А потом улеглись спать, чтобы отгородиться от мира ворохом мыслей.

12. Рукой в руке читая мир

На этот раз темнота была мрачной, укоризненной и очень въедливой. Сват неподвижно лежал на диване, укрытый простынёй, и вот уже два часа размышлял – на этот раз о самих мыслях. Остаток сегодняшнего дня Степан был призраком, безмолвным и по-японски тихим. Бехтерев обиженно засопел. Какого чёрта мальчишка полез в его святая святых? Показали ему, видите ли... Когда всё так же молча улеглись спать, фотограф внутри кипел от воплей уязвлённого самолюбия. Так ему казалось тогда. Но время двигалось в ночь, а сон не приходил, презрительно отвернувшись. И настрой Бехтерева изменился. А точно ли всё дело в

том, что пацан сунул нос, куда не следовало? Сват мучительно скривился в темноте. Конечно, это обидно, когда делают что-то за твоей спиной, за тебя решают. Но Святослав в какой-то момент с горечью признался себе, что и сам не раз думал о выставке. Вот только что хорошего мог отнять слепой? И эти все лезут со своими идеями. То в феврале Бекет с Тоней завели песню о галерее, распевая в один голос о том, какие классные есть у Свата снимки. Теперь этот соцработник чёртов... Сват осторожно отодвинул от себя последнюю мысль. И вовсе не чёртов... Его Стёпа получил сегодня совершенно незаслуженную плюху. И как только не ушёл, снова подумалось Свату. А ведь мог, да ещё как. И ведь даже не врезал, как должен был. Бехтерев растерянно повернулся на бок, уставившись своей темнотой в ночное окно, под которым на раскладушке спал студент.

Сват прислушался к тишине. Заинтересовавшаяся тьма в его голове уловила ровное дыхание парня. А вот в прихожей тихонько пискнула Фишка, скребанув по полу лапами – опять гоняла во сне мяч. Тихонько урчал на кухне кот-холодильник. Кто-то из соседей открыл у себя воду, на что трубы отозвались едва уловимым гудением водяного поршня, толкаемого вперёд давлением в системе подачи воды. Следом с разухабистым клёкотом пронеслась волна дурного слива по толстой трубе канализации. Где-то на улице заворковал движок автомобиля. По звуку Сват определил, что опять куда-то собралась Ленка со второго этажа. На ночь глядя, себе не изменяет. Всё ищет бодрого заботливого олигарха... Впрочем, чудеса случаются, глядишь – найдёт. Дыхание парня у окна вдруг сбилось, жалобно сипнуло и, чуть не плача, успокоилось. Бехтереву стало неуютно и тоскливо. Он действительно обидел парня до слёз. Это только зрячим кажется, что они умеют молча глотать слёзы. А вот Сват знал, что так не бывает. Он буквально услышал тогда, как разревелся парень, собирая сумку. Расплакался молча, зло, даже не сопротивляясь горячей влаге. Он, похоже, не умеет плакать – только глотать обиду, умываться горечью и идти дальше. Губы Бехтерева поджались. Он вспомнил, как в ту минуту едва удержался от того, чтобы подойти и обнять этого человечка, обиженного в лучших чувствах. Но он справился с этой глупостью. Степан в тот момент мог и приложить по-полной. Сват вдруг улыбнулся немного озадаченно. А может, стоило всё-таки подойти? Хоть на звёзды бы посмотрел, воображаемые.

Чувство вины росло в фотографе весь вечер. Под конец Сват уже и не знал, как быть. Какая там ещё Зиганшина, какие звонки, когда тут мальчишка превратился в каменную статую, умеющую ходить по

недосмотру высших сил. Равнодушные пустые ответы на все реплики Свата больше не наполняли дом странным ощущением тепла и покоя. Бехтерев зарылся носом в подушку. Кого теперь винить, что Стёпа отдалился настолько сильно? Только себя, такого неповторимого и охренеть как обиженного на невинный порыв мальчишки помочь, сделать что-то хорошее для друга. Сват уже несколько минут как осознал простую, но не очевидную, вещь – студент стал ему по-своему дорог. Только дорогой человек мог так вот обидеть. Влез бы в компьютер кто другой, Сват его просто высмеял бы и забыл об инциденте. А на Стёпку накинулся, сгорая от стыда и злости, что тот увидел его беспомощные попытки вернуть себе хотя бы кусочек прежней жизни.

Уже успев понять характер своего необычного сожителя, Бехтерев потрясённо сообразил, что и Стёпа так плакать не стал бы от слов кого другого. А это могло означать только одно – слепой фотограф стал для парня кем-то большим, чем просто объект практики. Родившееся в груди смятение подорвало Свата с постели. Бехтерев сел, положив подбородок на согнутые колени, обхватив руками ноги. Всё-таки парень не ушёл, хотя имел полное на то основание. Почему? Какая-то надежда тлеющим огоньком проклюнулась в глубине души. Смутная, дрожащая, готовая в любой момент погаснуть... И такая странная, непривычная, тёплая. Сват вновь прислушался к дыханию обитателя раскладушки. Ночная прохлада тут же подкралась к голой спине и принялась поглаживать мурашками кожу, отчего фотограф только сильнее сжал руки. Бехтерев вздохнул, коря себя за срыв на кухне. Завтра обязательно надо будет поговорить с парнем, попросить прощения, постараться как-то объяснить Стёпе, что он, Сват, взорвался не потому, что кое-кто влез не в своё дело, а потому, что испугался вновь коснуться той жизни, о которой мечтал два последних года. А грезил он о шуме подиума, о фотовспышке, о полноценной работе... О синеве неба, шелесте зелёных листьев на деревьях, чёрном бархате лабрадорской шкуры, под которой бьётся самое преданное сердце. О глазах этого невероятного мальчишки, ворвавшегося в жизнь Свата так нагло и естественно, что практически сразу стал неотъемлемой частью той темноты, что окружала фотографа. Бехтерев улыбнулся – он ведь так и не спросил, какого цвета глаза у студента. Завтра же и спросит, решил Сват. Ему вдруг вспомнился то ли четвёртый, то ли пятый день знакомства с парнем.

Когда Стёпа попросил показать ему, как читают книги Брайля, Сват слегка выпал из реальности. А потом он с полчаса водил пальцами студента по страницам фолианта, чувствуя в руке тепло чужой ладони. И

что-то объяснял, понимая с каждой минутой, что выпустить парнишкину лапу из своей будет подвигом. Они в те минуты были настолько рядом, что Сват физически ощущал присутствие близко крепкого молодого тела. Что самое странное, обладать этим телом ему тогда не хотелось. Мечталось о другом: обнять, прижаться к этому теплу, притихнуть и просидеть так вечность... И читать окружающий мир рука в руке.

Сват сглотнул и пошевелился. А ведь прошла всего неделя, как парень появился в его жизни. Однако же сегодня при одной мысли, что он уйдёт, захотелось вцепиться в него и не отпускать. Нет, завтра он обязательно попросит прощения за свои слова. Бехтерев нахмурился, а темнота вокруг отозвалась новым скрёбом из прихожей. Собака заново проживала странный день. Фотограф твёрдо пообещал себе, что тему выставки надо замять на корню. Ну, чего хорошего может быть среди нащёлканных кадров? Сделанных в никуда слепым парнем. Решено – ни слова об этой бредовой идее. Как бы там Стёпа ни думал, но уже автору снимков лучше знать. Так он и скажет парню завтра. Бехтерев вернулся в горизонтальное положение. Смилоствившийся сон крадучись замаячил где-то рядом, послав на разведку лёгкую дремоту. Никакой выставки, и на этом – точка. Сват уже сквозь сон услышал цокающие шаги собаки. Фишка решила-таки перебраться в зал.

Собака привычно подошла к дивану, явно собираясь забраться в ноги к Свату, но затем процокала к раскладушке и блаженной тушей рухнула на ноги Степана. Тот проворчал что-то во сне, и в квартире воцарилась тишина. Бехтерев усмехнулся и, чувствуя странное удовольствие, отключился.

13. В чём разница между светлостью и сиятельностью?

Проснулся Степан от запаха жареного хлеба и какого-то зверского чая с примесью ароматических трав. С трудом разлепив глаза, студент слегка ошарашено посмотрел на циферблат настенных часов – было уже почти десять часов утра. Он умудрился проспять! Стёпа с недоверием прислушался – на кухне гремела посуда, а голос Свата мурлыкал какую-то песенку. Парень быстро вскочил и уже хотел ломануться на звуки, но тут же одёрнул себя. Его лицо мгновенно застыло. Студент спокойно оделся и пошёл умываться, поздоровавшись по пути с нарисовавшейся Фишкой.

Минут через пятнадцать парень вошёл в кухню и замер, наблюдая за действием, устроенным хозяином квартиры. Бехтерев знал свою квартиру,

как паук – сеть, и ни одно движение не пропадало даром. Похоже, он уже заканчивал приготовление завтрака – домывал какую-то чашку. Хлеб, пожаренный в тостере, золотистой горкой высился на блюде посреди стола. Чайные чашки дымились паром. Не обошлось и без баночки джема. Степан несколько неуверенно сказал:

- Доброе утро, Святослав Львович.

- Я бы сказал, более чем, Степан, особенно после тяжелой ночи, - отозвался Сват. – Фишка не расплющила тебе ноги?

Морзе моргнул, озадаченный «ты»-напором Бехтерева. Но решил держать марку до конца:

- Разбудили бы меня... Я бы завтрак приготовил.

- Ну, зачем же прерывать такой сладкий молодой сон? – в голосе фотографа мелькнула ирония. Бехтерев поставил чашку на сушилку и уверенно прошёл к столу, где и угнездился на табурете:

- Да ты садись, давай чаю попьём. Справлялся же я как-то раньше.

Стёпа мрачно потупился и пристроил своё седалище по другую сторону стола. Конечно, слепой фотограф обходился своими силами до того, как в его квартире появился студент. Это было понятно. Но слова почему-то задели Стёпу за живое. Словно отобрали нечто очень важное. Степан тяжело вздохнул, уже в процессе спохватившись и замаскировав вздох деланной зевотой. Сват невозмутимо намазал кусок жареного хлеба джемом и принялся завтракать. Практикант последовал его примеру, блуждая мыслями где-то рядом. Он напомнил себе, что осталась всего неделя. Семь дней, включая наступивший. Не так уж и много. Можно потерпеть, главное – держаться на расстоянии от хозяина квартиры и не лезть, куда не просят. Когда в зубах Стёпы хрустнул хлеб, Сват вдруг ровным голосом сказал:

- Прости меня, пожалуйста, за вчерашнее. Просто это было так неожиданно. Только я тебя очень прошу, больше ни слова про выставку. Договорились?

Бехтерев замолчал, явно не ожидая ответа. Степан онемел от такого подхода к жизни. А потом пробормотал:

- Это вы меня простите. Больше такого не повторится.

Сват поморщился:

- Ты так сильно обиделся? Не стоит, Аркадьевич. Все мы люди и совершаем ошибки.

Морзе аж выпрямился на табурете. У него возникло ощущение, что его снова макнули с головой в дерьмо. На такую снисходительность парень никак не рассчитывал. Он отхлебнул чай, скривился от его температуры и сказал:

- Спасибо, что понимаете. Я всего лишь практикант социальной службы. И мне надо напоминать об этом.

Как говорится, наше дело предложить, ваше – матом обложить. Стёпа догрыз хлеб, не обращая особого внимания на то, что Сват почему-то заметно рассердился. Фотограф явно хотел сказать что-то ещё, но героически сдерживал себя. За это студент был ему даже благодарен. Он сказал:

- Мне надо съездить домой. Так что сегодня вы будете предоставлены сами себе.

- Повторюсь, Аркадьевич, - криво усмехнулся Бехтерев. – Как-то же я обходился своими силами до твоего появления на горизонте. Так что, думаю, кастрюли меня не загрызут, и у дивана не вырастут шупальца.

Стёпа снова выдохнул. Снова ему напомнили о временности происходящего. А чего он ждал? Сунулся со своими восторгами, вот и получил. Действительно, кому какое дело до этих фотографий? Морзе скривился. Кого он обманывал? Снимки на самом деле у Свата чудо как хороши. Вот же чёрт непробиваемый. Словно замёрзший изнутри. Студент спросил:

- Так я поеду? Вернусь вечером.

- Да, конечно, поезжай! – покивал Бехтерев, не трогаясь с места. – Передавай привет родителям.

- Всенепременно, - не удержался от порции яда парень. – Привет большой, как розовый слон? И горячий, как яичница в Сахаре? Обязательно передам.

- Слава протухшим яйцам динозавра! – выдал Бехтерев. – Ты заговорил нормальным языком! Аллилуйя!

Степан вымученно улыбнулся и пошёл собираться. Облачившись в уличную одежду, он уже через десять минут шагал по улице в сторону автобусной остановки. Родной микрорайон встретил его прохладой, показавшейся раем после душного «буратиновоза». Поздоровавшись со слесарем возле котельной, Степан двинулся дальше к дому. Но на полпути его окликнули:

- Хай, Морзик!

Степан оглянулся и внутренне поморщился. На той стороне улицы тёрся Его Придурчество Валерий сотоварищи. Два неизменных нукера сопровождали «грозу» района хилыми теньями. А вот сам Валище был вполне крупным существом, но это Морзе не смутило. Он ответил:

- Чего?

- Курить не начал? – отозвался Валерка. Троица гопников быстро

пересекла дорогу и остановилась возле Морзе. Студент настороженно смерил взглядом нукера справа и сказал:

- Даже за деньги не начну.

Его взгляд скакнул на нукера слева, оценивая опасность. Валерка, видимо, понял эти переглядки по-своему и сказал:

- Может, тогда денег подкинешь? Твои всё так же за гроши горбатятся?

- Не твоё собачье дело, - ответил Степан и мгновенно вспомнил собаку в корзине, прикрученной к трубе котельной. – Ах да, у меня к тебе дельце осталось, личное.

- Чего такое? – озадачился Валище. Морзе с усмешкой сказал:

- Снова за собак взялся, шкурка ты банановая? – почти ласково спросил Стёпа, напряжиниваясь. – И как, яйца ещё не отгрызли?

- Да ты, блядь, охуел! – в глазах Валерки плеснуло изумление носорога, заметившего на своём пути пигмея. Правый нукер тут же махнул лапкой и взвизгнул, покотившись по тротуару от грамотного тычка под рёбра. Степан не в первый раз сталкивался с такими существами, так что знал, что к чему. На одного противника стало меньше. А вот от подачи левого нукера пришлось уворачиваться.

Ничего красивого в уличной драке нет. Надо просто бить и не давать бить себя. Чем Степан и занялся. В итоге досталось ему всё-таки изрядно. Под левым глазом степенно набухал бланш, да и по всему телу саднили следы гостеприимства родной улицы. Валерка, тоже награждённый фингалом, а заодно и разбитой губой, мрачно поугрожал в спину довольного Стёпы, потопавшего домой, но преследовать не стал. Оба уже привыкли к таким вот пересечениям за годы совместного проживания в одном районе. Так что даже дрались теперь больше для самоуважения. Но всё-таки дрались.

Дверь родной квартиры открыла мама. И тут же запричитала над побитым лицом сына. Степан, морщась больше от этих стенаний, чем от боли, рассказал родителям историю встречи с Валеркой, одновременно разуваясь и проходя на кухню. Отец, уже полноватый и лысеющий мужчина в самом расцвете сил, лишь поухмылялся, слушая сына. А потом ушёл в зал, где уселся за компьютер, работать над срочным заказом завода. В родных стенах время пролетело быстро. Не успел Стёпа отдышаться, насладиться покоем и тем, что суетятся с ним, а не он с кем-нибудь, как наступило время обеда. Налив сыну в тарелку крошки, мама уселась напротив и спросила:

- Как там поживает Бехтерев? Так жалко, такой парень, а фотограф от бога был...

- Нормально поживает, - пожал плечами Степан, вооружился ложкой и принялся хлебать холодный летний суп. Уговорив две тарелки оливье, залитого квасом, парень выдохнул, отдуваясь, словно после тяжёлого трудового дня. Матери всегда нравилось это, словно говорило о её качествах хозяйки. Вот и на этот раз она сразу заулыбалась. В кухню заглянул отец, глянул на идилию и спросил:

- Ну, что, Стёпка? Как там твоя старушенция поживает? Не пристаёт?

Стёпа недоумённо посмотрел на отца и перевёл взгляд на мать. Та улыбнулась:

- Да, я отцу не говорила ничего подробно.

- У меня, пап, не старушка на обслуживании, - сказал Стёпа, чувствуя, что его лицо помимо воли растягивается в улыбке. - Там такой бодрый тип, что за ним не всякий угонится.

- Мужик, что ли? - удивился отец.

- Инвалид, слепой, ему двадцать восемь лет, фотограф бывший, - пояснил парень.

- Это тот самый Сват, - влезла мама. - Вон, у нас в зале его работы висят.

- Этот, который из журнала, что ли? - нахмурился Аркадий Иванович, задумчиво глянув на сына.

- Ну, да, - кивнул Степан. - Он самый. Бехтерев Святослав Львович. Прикольный, между прочим, парень. Язва та ещё.

- Это ты с ним по улице гуляешь, да? - спросил отец. - Надеюсь, хоть не за руку?

- Он с тростью ходит, а ещё у него собака-поводырь есть, - сказал Стёпа. - Ты не поверишь, он всё сам делает...

Студент принялся рассказывать о своём подопечном, о первых днях. Не забыл и про поход в магазин одежды. Он словно заново переживал те часы, чувствуя тепло в груди и непривычный подъём. Это было здорово, рассказывать о Бехтерева самым близким людям...

По мере рассказа лицо отца всё больше каменело. Наконец, студент обратил на это внимание, осёкся и спросил, недоумённо глядя на бату:

- Эй, пап? Ты чего такой хмурый стал?

- Хороший, говоришь? - тихо спросил Аркадий Иванович. В его глазах загорелся злой огонёк:

- Гуляете, значит? Ты только посмотри, мать, как у нашего сына глаза горят!

Степан ошарашено уставился на отца, открыв рот. А тот продолжил:
- А ведь ты спишь с ним, гомик. Не ожидал от тебя, сын.

Морзе побледнел, вскочил со стула и застыл, хватая ртом воздух. Мама с безмерным удивлением спросила:

- Ты чего несёшь, Аркаша?

- Да ты сама видела, с каким видом он рассказывает о том парне... Неужели не понятно? – отец повысил голос. – И какие у Свата руки, и как этот фотограф говорит, и как выглядит... Совсем глухая, что ли? Вырастили, мать твою, наследника!

Степана бросило в жар. Обвинение было совершенно дикое и несправедливое. Он сказал:

- Ты спятил. Я никогда...

- Значит так, - отрезал отец. – Больше ты туда ни ногой. Ясно?

И вот тут Стёпу закусало, как никогда в жизни. Он почти прошипел:

- Сплю я с ним или нет, не твоё дело. Ты никогда меня не слушал и не понимал. А теперь вдруг вспомнил, что являешься отцом? Не тебе решать, куда я могу идти, а куда не могу. Мне уже больше восемнадцати лет, или ты забыл?

- Степан! – громко вмешалась мать. – Ну-ка, замолчи!

- Нет уж, пусть выскажется, - презрительно отрезал отец. – Как заговорил, словно прорвало. Ну, ведь спишь же со своим клиентом, а?

- Да пошёл ты, - меланхолично ответил Степан, поняв, что в этом мире что-то перевернулось с ног на голову. У него не было ни сил, ни желания доказывать что-то главе семейства. Аркадий Иванович мрачно сказал:

- Я? Пошёл? Сейчас ты пойдёшь. Из дома.

- Аркадий, ты что говоришь! – вскинулась мама.

- Да пожалуйста, - пожал плечами Морзе, чувствуя, как пол уходит из-под ног. Вот так сходил домой, проведал родителей.

- Вон из моего дома, - холодно сказал Аркадий. – Немедленно. Даю тебе десять минут, гомик.

Он развернулся и ушёл в зал, оставив жену и сына в полной прострации. Степан жёстко сцепил зубы и спокойно прошёл в прихожую. Мать выскочила следом, сунула ему в руку пару тысячных бумажек и сказала:

- Ты пока, действительно, возвращайся к Сватику, а мы тут сейчас поговорим за жизнь с папой.

У неё был такой решительный вид, что Стёпа улыбнулся, хоть у него и дрожали губы. Обида чёрным комом росла в груди, забирая дыхание и

сжимая сердце. Они с отцом действительно всегда плохо понимали друг друга, то ли потому, что тот всегда работал, то ли ещё почему, но чтобы вот так, за здорово живёшь, не выслушав, гнать из дома... Морзе упрямо сжал губы. Вот уж не на того напал! Он на последок чмокнул мать в щёку, а Жанна Михайловна грозно сверкнула серыми глазами, тряхнула крашеными каштановыми волосами и с видом боевой куропатки сказала:

- Ты иди, сынок. Я сейчас кое-кому тут мозги прочищу. Потом позвоню, хорошо?

Степан поразился её спокойствию и уверенности. А потом внимательно посмотрел матери в глаза. Оттуда на него глянула добрая насмешливая улыбка всё понимающей женщины. Стёпа машинально шагнул за порог, и дверь захлопнулась. «Она то же... Она то же считает...» - родилось в голове понимание. Степан в полной прострации спустился к выходу из подъезда и вышел на улицу, где и уселся на лавочку. Именно это поразило его больше всего – что мать, как и отец, решила, что сын спит с мужчиной.

- Но я же не... - начал парень и замолк.

- Опа! – раздалось рядом. – Ты ещё здесь? Помочь свалить с района? Дикими глазами Степан уставился на Валерку, на что тот вдруг с неподдельным интересом спросил:

- Эй, ты чего? Что случилось? Да я шас порву того, кто...

Степан ошалел окончательно и прервал старого недруга:

- И ты, Брут.

- Чего это я пружу? – обиделся Валище. – К нему тут со всей душой, а он ещё и кобенится!

- Валер, - позвал Стёпа.

- Чего? – подозрительно спросил тот.

- А помнишь ту машинку в садике? – задумчиво спросил Степан.

- Конечно, помню, - удивился рыжий парень, с которым Стёпа когда-то ходил в одну садиковскую группу. – До сих пор мечтаю найти того, кто её спёр, не поверишь.

Шикарная машина, на которой можно было кататься, сидя в импровизированном сиденье, появилась у них в группе за месяц до окончания подготовительной группы. Все мальчишки передрались за право насладиться ездой. Не избежали этой участи и два пацанёнка из соседних домов. Это была их первая драка. Вскоре машина пропала, а мальчишки больше не играли вместе, и не болтали о всяком разном. Они стали врагами. Стёпа задумчиво сказал:

- Я видел её недавно.

- Кого? – не сразу понял Валерка. – Машину ту, что ли? Где?!

Его глаза стали большими и круглыми.

- Она в садике так и стоит, - сказал Степан, улыбаясь. – В кладовке за первой группой. Представляешь?

- Господи, золотое детство, - пробормотал его недруг. – Есть что вспомнить...

- Пойду я, - студент встал со скамьи. Они с Валеркой переглянулись, оценили бланши и улыбнулись одновременно. После чего Валище вдруг добродушно сказал:

- Не топчи себе душу. Всё будет тип-топ, Степаха. Вот увидишь.

Его загорелое лицо растянулось в ещё большей улыбке, а затем он развернулся и бодро пошагал прочь, оставив Стёпу стоять на месте и хлопать глазами. Это был полный конец привычного мира, который почему-то резко поменял полярность. Именно слова старого недруга выбили последнюю почву из-под ног студента. Ему захотелось что-нибудь ударить, разнести в пух и прах, сломать... Но ещё больше захотелось забиться куда-нибудь в закуток, сжаться и замереть. И чтобы никто его не трогал, не теребил, не ломал остатки привычной жизни. А безумный день вокруг был в самом разгаре.

Степан глянул на уже не свои окна не своего дома и пошёл обратно на автобус. Лето вокруг больше не было добрым. Рабица забора котельной стала похожа на решётку, кованая ограда детского сада превратилась в нечто пустое, серое и мимолётное. На душе было пусто и тоскливо... Степан дождался своего маршрута, забрался в салон и замер у поручня, пребывая пустыми мыслями где-то не здесь. Дорога до дома Свата пролетела невесомо и равнодушно. Дурной разговор дома, потом слова гопника... Стёпа потерялся в окружающем мире. Лишь ноги знали, что делать и куда идти. Подъезд, лестничные пролёты, дверь, звонок – последовательность, уже ставшая привычной. Хмурое лицо Свата, и голос:

- Проходи. Ты долго...

- Я вообще вечером хотел приехать, а сейчас ещё день, - не понял Стёпа наезда.

- Всё равно долго, - буркнул слепой. Морзе почувствовал укол где-то под рёбрами, поник и пробормотал, ощущая равнодушную слабость во всём теле:

- Могу уйти, если всё так плохо. Чего ты от меня хочешь?

- Стоп, - насторожился фотограф, в два движения нащупал руку

студента и заволок того в прихожую. Щёлкнул дверной замок, отрезая путь к немедленному бегству. Степан равнодушно привалился к стене. Бехтерев настойчиво спросил:

- Что случилось? Что с тобой?

В этом голосе было что-то неподдельное, что-то такое, что заставило Степана поверить – Свату действительно есть дело до того, что с ним произошло. Захотелось прижаться к этому высокому человеку, спрятать лицо на груди и просто постоять, а может и рассказать всё, как на исповеди. Степан моргнул, отгоняя непрошенные мысли о руках, за которыми можно было найти укрытие от безумного мира. Он вяло разулся, чувствуя, как его начинает мелко трясти. Сват положил руку на плечо Морзе и сказал:

- А сейчас мы пойдём в зал, сядем, и ты мне всё расскажешь, парень. Даже не думай молчать.

Степану захотелось разреветься, но ведь парни не плачут, да ещё и в девятнадцать лет. Ну, вот совершенно не плачут... Через пару минут студент уселся на свою раскладушку и застыл немим истуканом. Сват встал рядом, возвышаясь останкинской башней, и спросил:

- Тебя кто-то обидел?

Стёпа вспомнил лицо Валерки и невольно хмыкнул, борясь с комком в горле. И тут его словно прорвало:

- Оказывается, мы с тобой спим...

- Каждому человеку нужен сон, знаешь ли, - проворчал Бехтерев.

- Ты не понял, - скривился Стёпа. – Мои родители решили, что мы с тобой спим вместе... Ну, это... Трахаемся, короче.

Это было сродни прыжку с самолёта без парашюта. И совсем не вызвало удивления то, что Сват практически рухнул на раскладушку рядом с ним. С кухни тут же прибежала Фишка – она там блаженствовала под столом в размышлениях: пить или не пить? Но такое событие пропустить не смогла – два её любимых человека сидели рядом и не ругались.

Бехтерев беззастенчиво положил руку на плечи студента и сказал:

- А вот с этого места поподробнее.

И Степан стал рассказывать. Сват слушал молча, не вставляя комментариев, не ёрничая, не напрягаясь. Студент чувствовал тепло его руки и прижатого бока, и говорил, говорил... Ни капли влаги не скатилось по его лицу. Рассказав всё, Морзе устало посетовал сам себе. Он ведь так и не выполнил обещание. Не превратил Валерку в Его Сиятельство. Лишь Светлостью сделал. Один фингал – не два, на Сиятельство не тянет. Студент окунулся в странный тёплый покой и ещё теснее прижался к

Свату, даже не заметив этого. Он был готов просидеть так всю оставшуюся жизнь. Степан почему-то знал, что сейчас его фотограф хочет того же.

14. Фишка начинает и выигрывает

Среда не задалась с самого утра. Шёл уже десятый день практики. И всё бы ничего, да вот только Стёпа всё сильнее переживал, что из дома так и не было ни единого звонка, хоть мама и обещала всё наладить. После понедельника, когда как-то само собой всё рассказало Бехтереву, был вторник, странный и пустой, но такой... Студент улыбнулся, отгоняя на секунду тревогу из сердца.

Вчера он как будто дома оказался. Всё было настолько «собственное» и «ежедневное»: пробуждение, приборка местами, болтовня ни о чём со Сватом, вездесущая Фишка под ногами, прогулки, поход в продуктовый. А вечером они вместе слушали аудиокнигу, какую-то мистическую фантастику в неплохом исполнении. Словно прожили под одной крышей не чуть больше недели, а годы. Это был уют, которого Степану так не хватало дома. И совсем не хотелось сбежать или там нагрубить, защищая себя от поползновений родителей влезть в мозг, чтобы опять навалить нотаций о том, как надо правильно жить. Правда, мама редко себе позволяла такое, и в основном – по делу, чего греха таить. А вот отец... Для него это, наверное, был своеобразный спорт. И каждый раз он старался перекрыть предыдущий рекорд, выясняя, как надолго хватит сына в этот раз. Но всё равно Стёпа даже предположить не мог, что получится такой бред, как в понедельник.

Мрачность навалилась на него к вечеру вторника, когда он понял, что звонка не будет. Они со Сватом в итоге опять поцапались, не сильно, больше для уверенности, что оба живы и всё также где-то рядом. Степан вообще пребывал в некотором удивлении последние дни. То, что Бехтерев рядом, что-то ворчит, просто живёт, стало уже частью его существования. Как такое могло произойти за какие-то десять дней? Стёпа то поражался этому, то забывал, что могло быть и по-другому. Он уже не мог вообразить, что недавно не знал этого самоуверенного хама. Вот, не мог, и всё...

Но то, что мать так и не позвонила, удручало Морзе с каждым часом всё больше. Этим утром он первым делом проверил сотовый, но сообщений и пропущенных вызовов не было. И сейчас студент маялся на кухне, пытаясь оттереть пластик с кухонного стола. Когда над ухом раздался голос Свата, парень чуть не подпрыгнул:

- Это творение бытхимпрома весьма устойчиво к трению, ты знал?

- Тем лучше, - отозвался Стёпа, пытаясь унять бешено забившееся от стресса сердце. – А ты, будешь так подкрадываться, получишь тряпкой! И я даже не извинюсь, вот.

- Ты разбиваешь мне сердце, парень, - вздохнул Сват. – Так что придётся тебе его склеивать обратно.

- Хрен тебе не сладкий, - твёрдо сказал Степан. – Пусть вон Фишка залижет. Так и срастётся.

- Ты меня совсем не любишь, - грустно протянул Бехтерев. Степан чуть не выронил тряпку, которой протирал столешницу, прищурился и спросил:

- А должен?

- Ты никому ничего не должен, - наставительно ответил Сват. – Но, если вдруг решишь, что это не так, то я постараюсь оказаться рядом. И попасть под раздачу... Вдруг повезёт?

Стёпа хмуро вздохнул, на что Бехтерев тут же отреагировал серьёзней:

- Звонок обязательно будет, вот увидишь.

- Ты не знаешь моего отца, - буркнул Морзе.

- Не знаю, - согласился Сват. – И маму твою не знаю. Ничего не знаю, и никого. Зато, надеюсь, узнал тебя. Разве может у такого мальчишки быть плохая семья? Всё будет хорошо, вот увидишь.

Стёпа уставился на Бехтерева большими глазами. Фотограф возвышался рядом с самым невозмутимым видом, но было видно, что сидит в нём какая-то напряжённость. Студент бочком-бочком двинулся вдоль стола, а в его ушах снова прозвучало «у такого мальчишки...» Неожиданная оговорка Свата почему-то заставила студента напрячься, но вовсе не от негативных подозрений. Ему вдруг вспомнились посиделки на раскладушке, и захотелось опять почувствовать то тепло, прижаться к несносному мужику, забыть, хотя бы на время, о всяких гадостях, подбрасываемых жизнью. Но именно это и насторожило студента. Уловив собственное желание, Стёпа смутился. А Бехтерев, словно сознательно разряжая обстановку, сказал:

- Значит, так, вьюноша бледный со взором убитым. Заказываю. На обед хочу беф-строганов, а на гарнир к нему пшёнку. План понятен?

- Так точно! – отозвался Стёпа, немного расслабившись. Готовить он умел и любил, так что заняться чем-то таким сейчас было даже на пользу. Сват принялся деловито закатывать рукава бордовой рубашки. Увидев это, Степан занервничал, и было от чего. В последний раз, когда

Бехтерев брался помогать ему на кухне, пришлось генералить квартиру и проветривать всё, что можно. Зато всё было просто, когда каждый из них отдельно шебуршал на кухне. Стёпа поспешил направить энтузиазм Свата на что-нибудь другое:

- Святослав, ты не мог бы включить музыку? Пока суть да дело...

- Зови меня Сватом, малыш, - Бехтерев улыбнулся. – И будет тебе счастье. Ты просто не знаешь, какой я бываю послушный.

Фотограф исчез из кухни, и вскоре до Степана долетели гитарные рифы какой-то древней рок-группы. Студент удовлетворённо усмехнулся и скептически пробормотал себе под нос:

- Ну, вот, я уже и малыш...

Но настроение у него всё-таки немного выправилось. Так что до обеда они дожили без особых проблем. А потом всё-таки позвонила мама. Степан, увидев на экране мобильного долгожданный вызов, чуть не крикнул в трубку:

- Да! Аллё!

- Привет, сынок, - ответила мама. – В общем, всё в порядке. Папа успокоился. И признал свою вину... Меру, степень, глубину. И готов сбежать из дома на ближайшую войну. Прямо в нынешнем июле, и желательно в Крыму...

- Ой, мам, - обалдел Стёпа. – Ты филатовщиной заговорила! Значит, всё действительно хорошо?

- Конечно, милый, - в голосе матери тепло уже зашкаливало. – А у тебя как дела?

- Замечательно! Всё отлично, мам. Спасибо, что позвонила.

- В общем, Стёпа, дома тебе все будут рады. Ты меня понял? Все – это значит я, папа и наш фикус.

- Здорово, - выдохнул Степан, чувствуя, как от сердца отцепились колючки.

- Ну, вот и ладно, - заторопилась мама. – Не скучай, не болей. Пока, солнце.

В трубке раздались короткие гудки, а студент чуть не вприпрыжку выскочил из кухни в зал, подхватил обалдевшую Фишку за передние лапы и устроил небольшой тарарам. Стёпе стало настолько хорошо и спокойно, что хотелось затереть весь мир, делясь своим счастьем. Звонок надо было отметить, тем более, что накатила волна энергии. Степан глянул на Свата, снова читавшего свою свержкнигу и сказал:

- Всё просто замечательно! Сейчас будет глобальная помывка полов! Надо хоть что-нибудь сделать.

- Тогда я убираю свои ходули с поверхности санитарного воздействия, - с ленцой ответил Бехтерев и растянулся на диване, водрузив фолиант себе на грудь. Степан тут же развил бурную деятельность.

То, что Фишка ринулась помогать протирать полы, было ожидаемо. Другое дело, что в итоге начался форменный цирк. Степан уже в третий раз героически сцепился с псиной за право обладания тряпкой, когда наступил в некое подобие лужи и с громким «ай» начал заваливаться вбок. Лабрадорша в тот же миг рванула тряпку в сторону дивана, и Стёпа буквально налетел на Бехтерева, уткнувшись носом в грудь офигевшего фотографа, едва успевшего вскинуть над головой книгу.

Студента словно обожгло. Он тихонько выдохнул и шевельнулся, собираясь вскочить, но почему-то замер, чувствуя волну жара, потёкшую по телу. Лёгкой дрожью за теплом пришла слабость, обмирающая и странная. Парню захотелось вжаться в того, на ком он лежал, ещё сильнее. И рубашка Свата почему-то показалась грубой, лишней, откровенно мешающей ощутить тепло мужчины в полной мере. А в комнате царил тишина, прерываемая лишь громким стуком сердца под ухом студента. Оно билось неровно, сильно и напористо. И это тоже добавило головокружения. Степан вскинул голову и уставился в лицо фотографу. Его правая рука скользнула вперёд, пальцы замерли в миллиметрах от заораживающей кожи виска Свата. Парню стало душно, а потом до него дошло, что он делает. Степан в смятении скатился на прохладный пол, пытаясь сообразить, что только что чуть не произошло. Это был полный разрыв мозга. Странные желания метались в голове, отзываясь тягучим узлом внизу живота. Морзе ощутил, что вовсе не прочь вернуться назад и всё-таки прикоснуться к лицу Свата. Мучительно покраснев, Стёпа поднялся с пола, с какой-то остервенелой яростью отобрал у собаки тряпку и сосредоточенно принялся домыывать полы в зале. А тело и не думало успокаиваться. Что-то тянуло парня к фотографу, расплзаясь по жилам колючей вибрацией. Через несколько секунд студент замедлился и глянул в сторону дивана, полаяв ушами. Больше всего ему хотелось, чтобы кое-что осталось для Бехтерева незамеченным.

Сват так и лежал на своём месте слегка побледневшим извоянием. Его руки по-прежнему держали книгу над головой. А большие глаза смотрели в неведомое. Степан заметил, как Бехтерев скользнул кончиком языка по губам, и снова окунулся в знобящий жар. Он тут же отвернулся, ощущая почти болезненное давление в шортах... Которое началось практически сразу, как он приземлился на мужчину. Морзе отчётливо понял, что хозяин квартиры всё прекрасно почувствовал. И с удвоенной силой продолжил протирку ламината.

Фишке было откровенно плевать, кто тут какими чувствами и страхами мучился. Собака сделала единственно-верный с её точки зрения вывод – игра продолжается. Лабрадорша с энтузиазмом прискакала к Степану, вцепилась зубами в тряпку и потянула. Степан разжал пальцы, уставившись на Бехтерева. В полном недоумении, Фишка игриво зарычала сквозь кусок ветоши, потом бросила его и вопросительно гавкнула. Два человека в зале одновременно вздрогнули.

15. Лунные ножи

Всю дорогу до адвокатской конторы Сват вспоминал вчерашний день. Всё-таки Стёпка совсем ещё ребёнок, хоть и вымахал до второго курса института. Социальный работник, надо же, вот это выбор профессии для парня! Бехтерев улыбнулся своей постоянной спутнице – темноте. Та и не прекращала мурлыкать звуками работающего двигателя и шуршащих по асфальту колёс. А заодно тонкой стеной отделяла от Свата сидевшего рядом студента. Морзе по-прежнему хранил выросшую вчера дистанцию. И фотограф его понимал. Он прекрасно прочувствовал реакцию парнишки на тесный физический контакт. Сват хмыкнул собственной способности обходить кочки надуманными фразами. Чего греха таить – когда Стёпа лежал на нём, у парня реально встал. А уж дыхание студента вообще чуть не снесло крышу одному озабоченному типу незрячей породы. Бехтерева это с одной стороны грело и радовало, а с другой – сильно настораживало. Радовало тем, что и у него самого ощущение молодого тела сверху вызвало весьма бурную реакцию. Дыхание перехватило, кровь бросилась куда надо и не надо, тело неуловимо взмокло, растревоженное навалившимся возбуждением... Они друг другу не безразличны, и это населило темноту фотографа невидимыми образами, ещё контурами, но в будущем обещавшими стать чем-то большим, чем лёгкие мимолётные мечты. Но это же и напугало Бехтерева. Конечно, он всегда испытывал тёплые чувства к своим партнёрам, по-другому не умел. Оттого и страдал, когда очередной хахаль предавался скуке и бодро шагал налево или направо. Бывало и так, что сам Сват выставлял тушечку-душечку за дверь. И не испытывал особого пиетета, слушая крики, угрозы и причитания. Правда, пару раз всё обошлось, честь и хвала тем парням – они просто растаяли за горизонтом, здороваясь теперь при встрече вполне по-дружески. А вот то, что Бехтерев начал чувствовать к парнишке по имени Степан Мороз, было совсем не таким спокойным и легко рвущимся. При одной мысли, что скоро расставаться, фотографа

начинала грызть отчаянная злость, перемешанная с гордыней (ну и пусть уходит!) и почти откровенным ужасом (не хочу его отпускать!). От таких мыслей начинали дрожать руки. А ведь четырнадцать дней вместе – это так бесконечно мало. Сват подавленно уставился в темноту своего мира. Да, было время, когда мир имел цвет, и были в нём яркие пёстрые люди, и сам он не всматривался в тяжёлую ночь, надеясь на утро, призывая его опалённым скрученным нервом, спиралью вонзившимся во мрак... Бехтерев ухмыльнулся своим мыслям. Похоже, парень действительно его зацепил, да ещё как – в голове родились такие мысли и образы. Фотограф мысленно пожал плечами – пусть всё идёт мирно и чинно. Есть в его жизни кое-что, с чем он не собирался знакомить никого, тем более того, кто вдруг стал дорог.

Этим утром они поехали к адвокату Бехтерева. Звонок от него погрузил Свата в раздумья, а Стёпа сразу вызвался сопровождать. И сейчас они втроем ехали в такси, погружённый каждый в собственную тишину. Разве что лабрадорша в своей тишине цинично дремала в ногах хозяина. Сват медленно склонялся к самому правильному решению в своей жизни, от которого почему-то было тошно и хотелось рычать на каждый шорох.

Спустя несколько минут они со студентом вошли в знакомое по звукам и запахам офисное здание, прокатились на лифте, а потом в итоге оказались в кабинете, где привычно жужжал вентилятор, а в невидимом аквариуме умиротворённо журчал компрессор. Голос Ивана Романовича Алтуфьева, давнего друга и адвоката фотографа, проворчал со стороны окна, где, как помнил Сват, стоял обшарпанный офисный стол:

- Явился, маньяк блуда.

- И тебе привет, - отозвался Сват. – Что за спешка? Рассказывай.

- Ты сам-то помнишь контракт с Любашей своей? – желчно спросил адвокат.

- Ещё бы, - ухмыльнулся Бехтерев, уверенным шагом добрался до заветного угла и уселся в мягкое кресло, предназначенное для посетителей. – Я же его составлял.

- Так какого хрена ты позволил себе стаскаться на лево, идиот? – поинтересовался Ванька.

- То есть? – оторопел Сват. – Не помню такого.

- Есть у меня тут копия одной видеозаписи, - грозно сказал адвокат. – Я тебе промолчу, что будет на экране... Эй, парень, воткни-ка диск в плеер.

Последние слова относились к Степану. Тот послушно выполнил

распоряжение Алтуфьева, а вот Сват ощутил глухое раздражение. Чтобы ещё какой-то тип командовал его студентом... Бехтерев поморщился, ощутив, что это чувство и не думает уступать привычному усилию успокоиться. Это тоже навело на некие мысли, и фотограф сознательно отстранился от переживаний, наполняясь холодом предчувствия близкой гадости. В темноте зазвучал диковинный саундтрек, в котором знакомые голоса смешивались с плеском воды, звоном стекла и уже подзабытыми звуками. Сват узнал происходившее и со стоном погрузил лицо в ладони:

- Ой, ё-о-о-о... Твою ж мать!

Фишка тут же положила лапу ему на колено, на что Бехтерев разочарованно засмеялся. Адвокат насмешливо сказал:

- И занесло тебя в тот вечер, пьяненького в дым, в одну сауну, дружище. Да ещё и вместе с неким Толястиком, заслуженной цацей всех городских гей-баров. Я вот не могу понять, чего тебя потянуло на такое потрёпанное существо? И как ты мог не заметить, что он заснял ваши посиделки-полежалки на камеру мобильника. Дату сказать, когда это было?

- Не стоит, - вздохнул Сват. – За три дня до официальной даты развода.

- Так что в тот момент вы были в браке, придурок, - в голосе Ивана сквозили нотки беспомощной злости. – И теперь она вправе получить то, что требует. Любой суд будет на её стороне. Потому что ты ей изменил в браке. Дошло? Вот потому и спешка.

- И сколько она теперь требует? – голос Свата стал хриплым и неприлично ядовитым.

- Не бойсь, страдалец, - адвокат определённо усмехнулся. – Я донёс до твоей Любви одну простую истину – если захочет больше трети, то ей придётся содержать тебя до конца твоей дурной жизни.

- Что за бред? – вдруг подал голос Степан. – В законах всё не так прописано...

- Сватище! – хозяин кабинета опомнился. – А с кем это ты ко мне притащился? Знакомь давай с таким подкованным в российском законодательстве мальчиком.

- Я и сам могу представиться, - опередил Бехтерева студент. – Степан Аркадьевич Мороз, будущий специалист по социальной работе. Сейчас практикант. Сопровождаю господина Бехтерева на время практики.

Сват покивал в темноту, подтверждая сказанное. Алтуфьев протянул:

- Как всё серьёзно... Ну, раз вы, молодой человек, понимаете, о чём я говорю, то вы можете понять и другое. Бывшей жене нашего Святослава Львовича совсем не обязательно знать о некоторых настоящих тонкостях. Вы не согласны?

- Да пусть хоть глиной обмажется и в печь лезет, лишь бы верила, что закалится от обжига, - пробурчал Стёпа, задетый тем тоном, каким с ним разговаривал адвокат. Иван Романович озадаченно помолчал, а потом сказал:

- А может, в юристы пойдёте? Я бы вас даже в помощники взял, честное слово.

- Так сколько ей отойдёт? – вклинился Сват.

- Треть твоих денег со счетов, - ответил Алтуфьев. – Согласись, она не стала тебя грабить... Испугавшись, что я не вру. Все твои акции и всякие вложения остались в стороне. Так что цени меня, всё ещё состоятельный тип.

- Ценю, - искренне сказал Сват. – Она пошла на мировое соглашение?

- Да, охотно, - подтвердил адвокат. – И уже подписала бумаги. Ты не представляешь, сколько сил моих ушло на то, чтобы заболтать её поверенного. Тот ещё тип, ушлый и скользкий. Стоит своих гонораров. Но и я не палкой в тундре сделан.

- Тогда мы пойдём, - хмуро отозвался фотограф, поднялся с кресла и решительно двинулся к двери, ведомый внимательной собакой.

- Насчёт моих денег не переживай, - сказала в спину темнота голосом Ивана. – Я их уже взял. Ты мою ставку знаешь.

Сват махнул рукой в ответ. Он всецело доверял адвокату, так что даже не стал заморачиваться на вопросе гонорара. Они со Стёпой и Фишкой отправились в обратный путь.

Квартира Бехтерева встретила их прохладой. Едва переступив порог и прикрыв дверь, Сват привалился к стене и громко сказал:

- Хома, святая хома... Как я рад, что эта дура не вцепилась бульдогом в мой хребет, требуя алиментов или большей части состояния. А то осталось бы мне торжественно повесится в Эрмитаже, чтобы потомки запомнили на века.

Он говорил и слушал звуки, вязнущие в темноте. Фишка крутанулась возле ног, а потом, освобождённая Стёпой от сбруи, убежала на кухню, то ли напиться воды с горя, то ли пожрать корма с радости. Студент повозился рядом, разуваясь, и остановился, явно в раздумьях. Сват проворчал:

- Вот только не надо меня утешать, парень. Не стоит.

- Делать мне больше нечего, учить попугая боцманским матам, - отозвался Стёпа.

- Аркадьевич, ты меня поражаешь своим цинизмом! – Сват почувствовал злое возбуждение от близости к парню. – Моя старая Любовь грызёт мне бюджет, а ты лишь смотришь и радуешься?

- Да хрен с ней, с этой дуррой, - немного раздражённо отозвался Стёпа из темноты, шевельнув горячим дыханием рваные полосы мрака рядом со Сватом.

- Вот-вот, какой-нибудь хрен сейчас определённо рядом с ней, обеспечивает уютное будущее, - Сват поморщился. – Ну, там мамонта притащить потолще, или пещеру посуше срастить... Мечта всей жизни одной юной особы со шрамами от подтяжек лица.

Бехтерев почувствовал горячую злость на весь мир. Поддавшись невероятному неподконтрольному порыву, он подался к студенту, схватил его за плечи, и прошептал:

- И я ей завидую безумно, малыш... Ты не представляешь, как я ей завидую. Тому, что она не одна. А я вот один... Хотя ты и где-то рядом вот уже одиннадцать дней.

Томящая нутро волна ворвалась в голову, пройдясь обезволивающим катком по телу Бехтерева. Фотограф, словно в помутнении, притянул к себе оцепеневшего парня, нашёл ладонями его лицо и впился жадным злым поцелуем в мягкие сухие губы. Этот контакт тишины взорвался тиканьем часов в зале, сопением собаки где-то на кухне, поскрёбыванием ветерка в стекло панорамного окна в забытой дали. Словно острые лунные лучи нырнули под кожу, отдирая покровы от трепещущей истины. Вкус стёпкиных губ оказался именно тем, чего так не хватало фотографу последние дни, недели, месяцы, а может – и жизни... И тут Сват, мгновенно настроившийся на бурную реакцию со стороны студента, уловил дикое и неожиданное – ответ. Студент подался к нему и стал пробовать на крепость жёсткие губы Бехтерева. От удивления фотограф позволил неловким губам Стёпы napиться своей слабостью. И это снесло в сторону Парижа последний лист фанеры с и без того прохудившейся крыши слепого. Жадность, с которой оба приникли друг к другу, взорвала тьму переливами невидимых чёрных облаков в голове Свата. Бехтерев почти с ужасом оттолкнул от себя парня, резко выдохнул и застыл. А парень сдавленно охнул, словно спохватился, и быстро ушёл в зал, забрав с собой часть слепого бехтеревского сердца, разбив в осколки матёрую скорлупу покоя и отчуждения. Сват растерянно

вслушался в темноту, по-прежнему ощущая на губах забытое чувство диковатого обоюдного выпадения из реальности. Он всё так же ощущал тепло молодого гранитного тела... И страх тяжёлыми стенами обступил Бехтерева, загоняя в панику. Студент теперь наверняка не захочет даже разговаривать с ним! Сват тут же ответил сам себе, что вообще-то Стёпа отозвался на поцелуй, да не просто откликнулся, а пошёл в атаку. И, если бы не рассудок фотографа, неизвестно, чем бы всё это могло закончиться. Но ведь так отталкивать нельзя! Это Сват знал на собственном опыте. Когда-то и его вот так отбросили, вгоняя в душу паскудное чувство ненужности. Бехтерев осторожно позвал в темноте:

- Аркадьевич! Ты там живой?

Тишина была ответом, и это не понравилось Бехтереву. С другой стороны, динамо-порыв Свата был весьма к месту. Теперь парень точно не станет продолжать своё движение в сторону слепого инвалида. Зачем молодому Степану возиться с калекой? Зачем ему портить себе жизнь, отдавая силы на циника и козла со стажем, способного только делать больно? Как другим, так и себе... Сват уверенной походкой пошёл во мраке, нащупывая рукой стену. Лучше уж так, чем привыкнуть искать во мгле тёплую руку, которая однажды исчезнет. А он не сможет её найти и рухнет, теперь уже навсегда.

Губы Бехтерева скривились. Фотограф добрался до кухни, так и не услышав ни единого звука от неведомо где притаившегося студента. Да, это будет наилучшим выходом из тупика, в который они себя загнали. Сват замурылкал себе под нос назойливый мотивчик, услышанный в такси, сел за стол и уронил тяжёлую голову на сложенные руки. Спустя минуту, поймав краем слуха лёгкое движение в зале, Бехтерев встал, вышел из кухни, добрался до музыкального центра, сделав вид, что не слышал визга пружин раскладушки, и включил наугад музыку. Сейчас годилось что угодно. Лишь бы не звенела в темноте натянутая решимость стоять на своём. Струна жгучей пустой горечи могла лопнуть в любой момент. Бехтерев знал, что последние три дня будут невероятно сложными. Потому, что придётся отпустить мальчишку от своего жадного сердца, начавшего подвывать от тоски за пустое будущее в глубине холодной темноты.

16. Smile, mother fuck, smile!

Пятница – день разврата. Так всегда говорил отец Степана. Но эта пятница, а именно двенадцатый день практики, была странной и

потерянной в череде проснувшихся в студенте чувств. Вчера, когда Сват поцеловал его в коридоре квартиры, Стёпа сам не понял, как отозвался на этот жёсткий парализующий контакт. Но отозвался, и это заслонило собой весь мир. Вечер прошёл по какой-то натянутой инерции. Опять какая-то приборка на кухне, ужин, пустые разговоры, словно ничего не было. Они оба, как подземные карлы – гномы, с отсутствующим видом кружили вокруг единственной золотой монеты. И шагнуть боязно первым, и второго надо как-то отодвинуть... Подобная подвешенность выматывала не хуже тренажёрки. Сват что-то говорил о всякой чепухе в своей язвительной манере. Стёпа вяло отвечал. И думал много и серьёзно. Мысли крутились в голове и в это пятничное утро.

Смятение вызывало у студента то, что он с очевидной ясностью понял – Сват ему нравится, и вовсе не как друг. До сладкой дрожи хотелось прикоснуться к фотографу, почувствовать, изучать, впитать, словно воду в пустыне, или тёплое пламя на крайнем севере. Каких-то две недели назад парень и подумать не мог, что его жизнь нарисует перед ним перспективу влюбиться в какого-то странного циничного парня старше почти на десять лет. Именно влюбиться, по-другому Степан не мог назвать то, что чувствовал к Бехтереву. Именно это он осознал вчера в коридоре, когда жар хлынул по телу, прорвавшись сквозь все шлюзы, вспоротые неожиданным поцелуем. Этот фотограф всё сильнее выносил мозг парню своими метаниями. То тянется, то отталкивает, то окружает теплом, то окунает в февральскую прорубь на реке. Стёпа пытался понять, как на это реагировать. Он и с девушками-то особо не контактил пока, а тут...

Всё утро парень мучился рвущими внутренними противоречиями. В один момент хотелось сбежать, забыть, забиться в старую знакомую раковину привычной жизни, где всё ровно и стандартно. Там ждали прежние отношения... Стёпа усмехнулся, разглядывая часы на стене. Он сидел на раскладушке и ждал, когда Сват с Фишкой придут с прогулки. Какие на хрен прежние отношения. Дома считают, что он встречается с парнем, старый недруг оказался тем ещё чёртом в тихом омуте, эти чувства к несносному фотографу, от которых рвёт мироощущение, перестраивая его в нечто совершенно новое. Другой мир, другая жизнь. И с этим надо что-то делать. Потому как у метаний была другая сторона, даже две. Бегство – не выход, всю свою сознательную жизнь думал Стёпа. Зато можно на выбор сделать другое – или треснуть по упёртой башке Бехтерева и сказать ему всё, что думается про такого типа, или схватить, обнять, прижаться и раствориться в нём так, чтобы у того не осталось иного выхода, как принять, перестать играть. Больше всего пугало Стёпу

понимание, что всё это может быть именно игрой взрослого опытного мужчины. Вспомнился первый день, когда прозвучала угроза Свата. «Я помогу парню понять, что он принял неправильное решение,» - так он сказал тогда.

Полное непонимание происходящего было невыносимо. А тут ещё и практика вот-вот закончится. В воскресенье уже надо будет собрать манатки и исчезнуть из квартиры Бехтерева. При мысли об этом Стёпа похолодел. Он уже не мог себе представить, как это – жить без ворчания фотографа, без вездесущей лабрадорши под ногами, без этих постоянных пикировок и вечерней болтовни о всяком разном. Как это будет? Оставить Свата наедине с самим собой, в темноте? Это словно два разных человека. Степан иногда поражался, как меняется лицо Свата. Когда он думал, что оказался один – холод напал на глаза, виски белели, всё лицо превращалось в злую маску. Стоило же Степану пошевелиться, сказать что-то или просто пройти рядом – маска слетала со Свата тополиным пухом, расплываясь на лоскуты. На лице Бехтерева появлялась предвкушающая улыбка. И не важно, чего он ждал... Язвил ли, что-то доверительно рассказывал, просто молча сидел в полной тишине или читал – это был самый спокойный и счастливый человек на свете. И Степан не мог допустить, чтобы это лицо, магнитом тянущее к себе, испарилось, спряталось за маской насовсем.

Смятение отзывалось в студенте чехардой настроений. Его то кидало в тёплое пушистое ожидание чего-то безумно хорошего, то погружало в пьянящую злость, готовую ворваться в мирок фотографа и натворить там каких-нибудь безумств, чтобы расшевелить этого замёрзшего в себе человека... Иногда студент испуганно косился в сторону прихожей, с настоящим страхом ожидая железного хлопанья двери. Он и представить не мог, что способен выкинуть Сват в следующую минуту. Но во всём этом непреложно было одно – Бехтерев был рядом, он должен быть рядом. Без него жизни нет... все варианты будущего становились пустотой, если там не было Бехтерева. Стёпа решительно встал с раскладушки и повёл плечами. Он выдохнул и прошептал в тишину квартиры:

- Всё страньше и страньше... А я ведь не хочу уходить. Надо с ним поговорить.

Губы парня снова вспомнили поцелуй, забравший рассудок. Студент ощутил лёгкое головокружение и, напуганный собственной реакцией на воспоминание, поспешил в ванную комнату, где умылся холодной водой. Пылающее лицо немного остыло, а вот кое-где в другом месте ни на миллиметр не убыло. Стёпа дрожащими пальцами открыл кран

холодной воды на полную и подставил под струю голову. Немного помогло. Но потом пришлось старательно вытирать волосы, что помогло ещё больше – отвлекло, наконец, от сумбура в голове. И помогло понять ещё одну простую вещь – вчера вечером и сегодня утром Свата было в квартире МНОГО. До этого Стёпа как-то не обращал внимание на то, что сталкивался с Бехтеревым то на кухне, то на выходе из ванной, то ещё где. А вот теперь он стал ощущать присутствие фотографа кожей, чувствовать его спиной, замечать малейшее движение. Степан стал его видеть, иначе не скажешь. И хотеть, иногда до боли в животе и ниже. Хотеть до испугающей дрожи в теле. Хотеть касаться этого блондина, жаждать прикосновений его рук на своём теле. Степана аж повело, настолько ярко нарисовалось в голове видение этих прикосновений. Он постарался взять себя в руки. Нет, так дело не пойдёт... Студент вышел из ванной и отправился на кухню. Завтрак-то был готов, а вот присесть не мешало. А потом всё-таки хлопнула дверь, потянуло лёгким сквозняком, зашумела сбруя на довольной псятине, что-то пробурчал Сват. День вошёл в колею, чего нельзя было сказать о Степане.

Час, другой, третий, много разговоров, каких-то занятий чем попало, а он так и не мог решиться заговорить о том, что его так мучило. Стёпа несколько раз пытался набраться храбрости начать разговор, но тут же одёргивал себя. Это было неведомо и страшно – говорить о таком с мужчиной. Даже если Сват не оттолкнёт, не высмеет, что скажут друзья, родители, знакомые? Как на него будут смотреть в институте? Почему-то Степан знал, что скрываться и прятаться не будет. Это было не в его характере – шкериться по углам, прятать себя и свои интересы.

Часам к трём дня Стёпа заметил, что Сват ходит какой-то хмурый и нервный. Бехтерев постоянно прислушивался к звукам в квартире и о чём-то думал. В какой-то момент студент увидел, как фотограф подошёл к стене и потрогал пальцами рамку той самой фотографии, с подсолнухами и почти голым парнем. Сердце Стёпы сбилось с ритма, замерло и бешено ткнулось в рёбра. До бешенства захотелось схватить это окно в прошлую жизнь Свата и швырнуть в окно. Одной мысли о том, что у Бехтерева что-то было с этим типом на фото, хватило, чтобы нутро стянуло в злой узел. Степан отвернулся от увиденного и закусил губу. Вот уж лезть куда не надо он больше не будет. У него нет на это права. Ничего такого нет. Ну, вот совсем... В тот же миг Стёпа представил, как мог бы вмазать типу на снимке, чтобы только пятки сверкнули, указывая траекторию падения парня в подсолнухи. Стало немного легче. Студент улыбнулся своей кроважадности. И подумал, что всё-таки надо оставить всё, как есть. Кто

он такой, чтобы лезть со своими «чуйствами» к Свату, у которого своя взрослая жизнь, друзья и кто-то больше, чем друг. Правда, за эти дни так никто и не нарисовался на горизонте с чем-то более личным, чем посиделки. Степан уныло вздохнул и тут же заметил, как замер на миг Бехтерев.

В этот момент затрезвонил телефон на журнальном столике. Сват схватил трубку с такой силой, словно это была цепь, на которой сидит страшный зверь, которого ни в коем случае нельзя спустить на свободу. Бехтерев почти крикнул в трубку:

- Алло... Митька!

Лицо фотографа посветлело. Он плюхнулся на диван:

- Ты приехал, солнце! Чёрт тебя подери, наконец-то! Что? Конечно, можем увидеться, пургу не гони, рыжий... Как там твоё пэмэжэ поживает?

Вопросы сыпались один за другим, а Степан мрачнел всё сильнее. Какой-то рыжий Митька... Взгляд студента вернулся к фотографии, на которой рыжий парень позировал среди жёлтых подсолнухов. Наверное, это именно он позвонил, решил Степан. Тоска, замешанная на обиде и злости, зашевелилась в парне. И нельзя было понять, на кого больше – на Свата или на самого себя, что так и не решился на разговор. Сват продолжал болтать:

- Ну, ты гад! Хочешь сказать, что прилетел повидать именно меня? За что такая честь? Что? Говори внятнее, чудовище... Хорошо, договорились. Завтра, в девять вечера, в нашем клубе...

От этого слова Стёпе стало совсем тускло. «Наш» клуб... Значит, точно у Свата кто-то есть. Он был в отъезде, а теперь вернулся. И они договорились встретиться. Только вот странность – почему не сегодня? Озадаченный этим вопросом, студент пропустил момент окончания телефонного разговора. Когда трубка брякнулась на столешницу, Степан недоумённо глянул на Свата, на лице которого особого счастья не наблюдалось. Вроде бы и рад, а где-то глубже притаилась задумчивость и даже какая-то грусть. Стёпа спросил:

- И где там-тамы торжественной встречи?

- Что? – очнулся Сват от задумчивости.

- Это же твой парень позвонил, я прав? – Стёпа меланхолично покачал головой, уловив в голове старую мелодию. – А чего не сегодня решили встретиться? Религия не позволяет?

Он понимал, что несёт чушь, но остановиться не смог. Бехтерев моргнул раз, другой, а потом ответил:

- Ну, ты и Буратино! Всё тебе покажи, Расскажи, дай попробовать.

- А чего? – острая злость подкатила к горлу парня, но он её задавил на корню. – Подсолнухи – ваш фетиш?

- Кашпировский, бля! – выдал Сват. – Не твоё дело, Аркадьевич. Смотри, верну маме Карло до конца практики.

Степан сглотнул, поджал губы и ехидно спросил:

- Да, масса, конечно, масса... Верная негра пахать, солнце ещё не села, да, масса?

- Чего-то ты не в духе, парень, - насмешливо сказал Сват. – Критические дни настали?

Степан успокоился. Действительно, чего это он? Работнику не пристало лезть в дела хозяина положения. Конечно, это не его дело. И что с того, что в сердце заболела какая-то заноза, которую никак не вытащить? Студент усмехнулся и завалился на раскладушку. Он твёрдо решил, что теперь точно не будет лезть со своими дурацкими разговорами к Бехтереву. Кто он такой, чтобы перед ним расстилаться, что-то рассказывать, в чём-то признаваться... Всё равно Свату нет дела до какого-то соработника. А поцелуй... Это просто игра, и ничего больше, так ведь? Штырь сдавленных чувств так и остался в груди, но это можно пережить... А в голове всё так же крутилась фраза из песни:

«Smile, mother fuck, smile!»

День покатился дальше на костылях стёпкиного раздрая. И смысла не было, не было ни в чём. К ночи парень окончательно потерялся в паутине своих эмоций и желаний. Вот только сказать о них он так и не смог. Они со Сватом как будто две нахохленные галки бродили по квартире, ввергая в ступор единственное вмняемое существо в доме. Фишка поздним вечером глянула на хозяина и студента, вздохнула со всё понимающим видом и ушла в прихожую, чтобы не видеть этого душераздирающего зрелища. Она, как никто, знала, что утро вечера мудренее.

17.Вакуум для двоих

Вечером следующего дня темнота Свата стала шумной и в чём-то ностальгически беспечной. В клубе грохотала музыка, привычно топотали ноги танцующих, шныряли официанты возле столиков, брякая посудой и нашёптывая всякие гадости про клиентов. А ещё тут по-прежнему происходили разговоры, слушать которые Сват любил и до того, как ослеп. Митька ещё не пришёл, и Бехтерев мог позволить себе превратиться в одно большое ухо...

- Да, что-то не густо сегодня с контингентом. Одно старье. Никакого притока новой крови, - раздался голос, и кто-то уселся рядом за стойку. – Стасик, дюбонне с вишенкой. А ты что будешь?

- Манхэттен, - ответил второй голос, и тут же раздалось шуршание шейкера и легкие позвякивания за стойкой бармена. – Как-то он меня расслабляет.

- Кто? Малыш Гарри?

- Вот ты бестолочь. Коктейль расслабляет, - сдержанный смех. – От Гарри хрен расслабишься. Он так напрягает, что потом хоть неделю в киселе отмачивайся – не поможет.

- Не знаю, мне не нравится, он как дубина эбонитовая...

Вот он, простой трёп, в котором когда-то участвовал и фотограф, иногда наведываясь в бар. Сват поморгал своей тьме. Знакомых голосов вокруг не звучало. Так что оставалось слушать тех, кого никогда и в глаза не видел... И не увидит, что самое забавное. Бехтерев чуть ощутимо улыбнулся, внимая повисшей на миг тишине за барной стойкой, куда пристроился минут десять назад.

Звук шагов и щелчок пальцами и над самым ухом:

- Секс на пляже, - Сват замер, выровняв спину. – Привет, девочки. Дежуришь?

- Приветик, милый. Хорошо выглядишь, - раздалось приветствие, и новый голос оповестил, что первые коктейли готовы. – Спасибо, Стасик.

- Нет, я сегодня познакомился с одним зашибительским мэном. Сейчас отчаливаем к нему.

- Везет же тебе, Мон. Ты всегда умел произвести впечатление...

- Монро, твой «секс на пляже», - и на стойку с еле слышным глухим звоном поставили фужер.

- Все, сладкие, я пошел. А то мой сейчас в панику ударится.

А вот Монро Святослав знал в своей прежней жизни. Правда, уже два года, как не виделись и не болтали. Правильно его охарактеризовали. Это лохматое чудовище всегда умело преподнести себя. Надо же, проигнорировал. Бехтерев удивлён не был.

Десятисекундная тишина, и только негромкое посербывание напитков. И вновь всё те же голоса.

- Вот сука, - зло и с придыханием. – Вата матрасная.

- Когда вижу его, хочется зонт в его толстой заднице открыть.

- Ага. И повернуть, - смех и звон фужеров. – За нас красивых.

- За нас, доступных.

Сват весело улыбнулся, представив картину с зонтиком. Интересно, о ком это они? Неужели о Монро? Или кого увидели на просторах забегаловки?

Снова несколько секунд тишины, и сдавленное:

- Смотри-смотри, кто пришел. Сученок Витька.

- Хотя бы к нам не подошел, два весла ему в рот, - вздох. - Сейчас опять гундеть будет. Ну, что за мерзкий тип, - через несколько секунд тот же голос, но мягко и заигрывающее пропел:

- Витюша, лапа, как прекрасно выглядишь, - чмокание и шуршание.

- Ой, мальчики, вы не представляете, как я устал, - новый голос был полон липкого манерничанья. - Мой меня ухадохал совсем, подгузник на подтяжках, блин. Только из Ниццы прилетели, так сразу в Берлин лететь хочет, видели те, на завтрак баварских сосисок захотелось. С его-то капельницами и катетерами.

- Не мороси, Витюша. Главное, что кредитка у него работоспособная, да и сосисок хоть баварских попробуешь, небось, твой пузатик давно вегетарианец и сосисочкой своей не балует тебя, - смешок и хихиканье.

- Ой, куколки, раз в году и палка стреляет. А мой шарпей ушастый раз в неделю, как штык. При чем, довольно воинственный. Благо доктор Вадя вовремя таблеточки подносит моему пупсику.

- Ах, ты ж бидон дуста, - хохотнул один из парней. - Небось, в остальные дни наблюдаешься у доктора Вади?

- Голуба моя, - манерный голос. - Этому Ваде с его-то кожаным шприцом, да кредитку дедули, цены бы ему не было! А так - голь перекатная. На одних чувствах и вазелине долго не протянешь.

- Да, Витюша, по тебе хор калифорнийских геев плачет, - ухмылка в одном из голосов.

- Что, такой я хорошенький?

- Да нет, поешь складно, аж заливаешься, - явно с улыбкой.

- Злые вы и грубые. Ухожу я от вас, старые прошмандовки. Чмоки-чмоки.

- И ты береги себя, Витюша, - через несколько секунд: - В гроб тебе ведро помоев, старый кедик.

- Да, таким кедом только подрачки давать, - подхватил второй голос. - Вот же, едрён-армагедон, все настроение в жопу.

- Ну, хоть что-то в жопу, - секунда тишины и взрыв смеха. - Как страшно жить, вокруг одни ушлепки. Куда нам красивым и свободным деваться?

Звон фужеров и посербывание...

Сват словно побывал в родном доме. И понял, как ему не хватало вот таких вот костомочных разговоров ни о чём и обо всём. Снова прошёлкали чьи-то шаги. Один из сидевших рядом подал голос:

- А это ещё кто? Сюда идёт.

- Блин, новенький, что ли? – пробормотали в ответ.

Шаги затихли возле Свата, потянуло слегка приторным парфюмом, а следом раздался знакомый, когда-то даже родной голос:

- Ой, Сватик, прости меня, дуру грешную! Опоздалая я... Привет, Стасик, сделай мне Голубую лагуну.

Сухой чмок в щёку заставил Бехтерева слегка дёрнуться. И фотограф проворчал, даже не дёргаясь повертеть головой в своей внутренней тьме:

- Здравствуй, педалька.

- Всё язвишь, родной? Смотри, гастрит наживёшь, - парировал невидимый рыжий. – И не вертись... Хочу посмотреть на твою постную рожу.

- Как долетел?

- Прекрасно крыльями помахали, - почему-то испуганно развеселился Митька. – То вниз с пакетом, то вверх с пузырьриком коньячку. То в окно с зелёной мордой. Не поверишь, я так и не научился притворяться трупом в салоне самолёта.

- Всегда умел качественно бояться, педалька, - кивнул Бехтерев, с наслаждением втянув в себя глоток холодной воды из стакана со льдом, поставленного перед ним невозмутимым Стасом, который только сдержанно поздоровался, когда Сват вошёл в бар несколько минут назад.

- Как ты тут поживаешь, бака-чан*? – протянул митькин голос нить сквозь темноту.

- Ах так, - Бехтерев криво ухмыльнулся. – Ты ж мой неко-тян**... Я же тебе уши-то оборву, не посмотрю на то, что ни хрена не вижу.

Митька заржал, но и теперь в нём сидела натянутость, о которую спотыкались все эмоции Свата. Фотограф уже и не знал, радоваться или кривиться от приезда бывшего любовника. Сват спросил:

- Какими ветрами всё-таки занесло на родину, педалька?

- Может, хватит уже? – в голосе Митьки скользнула злая нотка.

– Заладил свою педальку. Достал, честное слово. Не веришь, что

*бака-чан – дурачок (искаж. яп.)

**неко-тян – котёнок (искаж. яп.)... кто знает тонкости, поймёт игру слов и особенности такого обращения от парня к парню.

действительно мог прилететь повидать старого друга?

- Свежо преданье, Митенька, - Бехтерев снова приложился к стакану с водой, остужая пересохшую глотку. – А теперь говори правду.

- Но я действительно прилетел повидать тебя, солнце, - дыхание рыжего коснулось щеки Бехтерева, а следом за ним кожи коснулись подрагивающие губы. – Прости меня за то, что не приехал сразу, как случилась беда.

- Незачем было, вот и не прилетел, - спокойно ответил на это Сват. – А я ведь ждал.

- Я не мог, - виновато ответил рыжий и глотнул из поставленного рядом с ним коктейля. – Боялся, что ты меня выкинешь с порога.

- Это с порога больницы, что ли? – наигранно удивился Бехтерев. – Ну ты и ушлёпок, рыжий.

- А сейчас я прилетел, солнце, - заигрывая, сказал Митька. – И очень хочу вернуться к тебе. Я никогда не говорил тебе этого...

В темноте повисла ожидаемая пауза, в которую пудовыми гириями рухнули слова рыжего парня, так и не ответившего два года назад ни на один телефонный звонок перепуганного ослепшего фотографа:

- Я люблю тебя.

Бехтерев поперхнулся, поймав на сердце непомерный удар чугунных слов, на которые обязательно надо было ответить... А рядом плыл на границе внимания продолжавшийся разговор давешних балаболов за стойкой бара.

- А кто у нас здесь яйца высиживает, - новый голос зычно разносится и попадает глубоко в уши. - А, курочки?

- Энжи, ты как мать Тереза, вечно печешься о наших бездомных яйцах, - смешок и чмоканье. – Или хочешь предложить нам уютные гнезда?

- Фи, мальчики, я сводничеством не занимаюсь.

- Энжи, как всегда? – голос того самого Стасика-бармена.

- Да, только льда поменьше, а водки побольше, - громогласный Энжи кашлянул и продолжил: – Вы же меня знаете, если человек гандон, то и отношения с ним будут натянутые, а я этого не люблю.

Стук по стойке, явно не фужер, скорее – стакан.

От митькиных слов Свату стало смешно. Сначала это было мимолётное содрогание где-то внутри живота, эдакое фырканье муравья, но вот оно уже поползло в разные стороны толпой щекочущих лапок, заставив слегка поморщиться. А закончилось всё тем, что Сват фыркнул прямо в стакан с водой, откровенно расхохотавшись. Это наглое существо сидело где-то рядом, наивно полагая, что фотограф тут же бросится на шею, горько

рыдая за свою погубленную жизнь и за то, как ему не хватает крепкого плеча, с которым можно идти дальше по слепой жизни?! Митька сердито спросил:

- Я сказал что-то смешное?

- Знаешь, рыжий, - вяло сказал Сват. – Два года назад, когда я в истерике звонил тебе в твои грёбаные США, убиваясь из-за слепоты, чего-то ты не спешил нарисоваться на горизонте со своей любовью. А ведь тогда ты действительно получил бы, что хочешь.

- Ты хочешь сказать, что из-за моей глупости теперь готов послать меня на хуй? – голос Митьки стал плотным, глухим, злющим и растерянным одновременно. – Ты стал очень злым, Сват.

- Нет, родной, я просто избавился от розовых очков. Я вообще избавился от очков. Они ведь не нужны слепому, правда?

- Слава, - выдавил из себя рыжий, - не надо так... Я же на самом деле...

- Что на самом деле? – поинтересовался Бехтерев. – Забудь, Матвей, пляши и пой. Ты мне теперь бесконечно далёк. Звучит пафосно, да? Но это так и есть. Не нужен ты мне, понимаешь? Я научился жить со своей слепотой. И при этом – без тебя. Ты для меня теперь просто человек, каких много вокруг. Оглянись и ты их увидишь. Этих самых многих. Я же их слышу. Но больше не хочу слышать тебя. Даже шагов. Тебе всё понятно? Если бы ты остался в своих пэмэжэ, иногда звонил там, всё было бы ровно. А ты прилетел... Бака***!

Голос Стасика тут же поинтересовался:

- Может, чего покрепче, Сват?

- Точно, покрепче, - кивнул Бехтерев. – А дай-ка мне виски со льдом, двойной. Как ты умеешь, Стас.

- Сей момент, - бармен отошёл, судя по движению воздуха. Бехтерев же прислушался к повисшей тишине, уловил сдавленное дыхание рыжего и сказал:

- И больше никакой Японии, парень.

Словно маленькая сфера вакуума образовалась вокруг Бехтерева и его собеседника. Но это был вакуум только для них двоих. А вокруг кипели страсти.

Звон кубиков льда о стекло.

- Видели мою новую го-гошу? Хоть и кулек самолетный, но на него ведутся, - смешок и опять позвякивание льда.

***бака – идиот (искаж. яп.)

- Что за го-гоша? – уливление.

- Милый, ну ты тугой, - вздох, явно надменный. – Это новенький Энжи с гоу-гоу платформы. Ты как мальчик-колокольчик. Будто первый раз – не водолаз, - общий смех.

- Все, я пошел отдаваться релаксу, - последний сербок и стук стакана по стойке.

- Ну, ты пятиярусная попа, Энжи! Уже нового нашел?

- Вротмнеоги! Ты что городишь, детка? – громкий хохот. – Релакс, это не имя, а процесс. Ты хоть иногда труси изо рта доставай и тренируйся говорить умные вещи. Иначе, так и сдохнешь, думая, что консенсус, это мужской орган. Хотя, самая худшая часть некоторых мужских членов – ее обладатель. Все, ушел.

Дыхание Митьки стало рваным, беспокойным и чрезвычайно обиженным. Но это Свата не побеспокоило. Рыжий прошипел:

- Научился, говоришь? Или научили? С мальчиком живёшь, так теперь я уже в обноски списан?

- Ну, почему же сразу в обноски... - ответил Сват. – Возвращайся к своей американской мечте. Ты заслужил сытую жизнь.

- Этот супинатор себе другого нашёл, подешевле... Сука, - пробормотал Митька. Перед Бехтеревым дзенькнул стакан с «чем-то покрепче», и Сват тут же нашарил широкую ёмкость и глотнул терпкую дрянь, напоенную охлаждающим льдом.

- Кстати, - ровным голосом сказал Сват, вернув стакан на стойку, - это ты про какого мальчика ляпнул тут?

- Думаешь, я не знаю?! – рыжий бросился в другую крайность, чем ещё раз насмешил Бехтерева, окунувшегося в уже подзабытое ощущение митькиной истерики. – Думаешь, не шепчутся тут о том, что ты потрахиваешь детку?

- Детке уже девятнадцать есть, если что, - Сват почувствовал, как в нём разгорелась хриплая ярость, пока сказавшаяся только на интонациях. – И я его не потрахиваю, Митенька. Тебя неправильно информировали.

- Охренеть! – почти радостно крутанулся на месте рыжий. – Так это он тебя?! Сват, да ты совсем уже опустился! Это что, подстилка так хороша, что ты позволил ему трахать тебя? И как тебе, а? Как тебе оказаться на моём месте, скотина?! Он лучше, чем я? Моложе?! Чем он лучше меня?!

- Не ори, не дома, - сморщился Бехтерев, ярость которого весело пискнула и убралась в закрома, подёргиваясь от икающего хохота, - и дома не ори.

- Проблядище! Я тут к нему со всех ног из Америки примчался, а он! – продолжал причитать Митька уже больше для себя, чем для фотографа и публики.

- Хорош истерить, - усмехнулся Бехтерев. – Прилетел, говоришь? Ко мне? Только после того, как твой кожаный наполнитель выставил за дверь, так ведь, родной ты мой? Чего притих?

Рыжий молча заскрежетал зубами, встал с табурета и пропал с горизонта. Сват иронично скривил губы. Опять свалил в самый напряжённый момент. Как всегда. Интересно, вернётся? Бехтерев мысленно смахнул образ рыжего во тьму, зацепившись за митькин вопрос. Чем Степан лучше рыжего? А действительно, чем? И лучше ли? Фотограф нахмурился. Этот коврик посмел оскалить зубы на парнишку. Хорошо, что свалил. Сват понял, что на самом деле был готов вмазать рыжему, отправив от стойки в свободный полёт. А где-то рядом говорили о своём, о девичьем. И это немного успокаивало.

Через несколько секунд озадаченно:

- Вот же, сто центнеров простипомы тебе в сюрло... Ой, как он тебя, вот же педрило.

- Он и так уже съел мой мозг! Теперь и ты стучишь ложкой по черепу и просишь добавки? Заткнись и не напоминай про этого засранца, - злое шипение.

- А я что? Просто за тебя обидно, что какой-то транс в боа и с накладными буферами, оттрахал тебе мозг.

- Он конечно жоподрот, но шоу у него классное. Такие бабульки гребет, что ой! Как говорится, не сосите на морозе! Я иногда и сам думаю, не обрядиться ли и самому чувихой, вдруг дела как по смазке заскользят? Как думаешь?

- У каждого свое отверстие и шире забора не пролезешь, - философская размеренность в голосе. – Хотя, можно вбухать банку вазелина, и протиснуться, - смешок.

- Да еще руками помочь, - явно повеселевший голос. – Как говорят, нет предела совершенству и анусу гея, - дикий хохот и звон фужеров.

Чем он лучше? Это же очевидно... Сват с алмазной яркостью понял здесь и сейчас, что Стёпка Мороз действительно стал для него намного большим, чем ворчание по утрам, чем тычки в дверях ванной, заботливые руки, всегда вовремя подхватывавшие, если случалось неудачно запнуться, чем безумно дурмящие запахи с кухни и шлепки полотенцем по хребту, когда руки сами тянулись цапнуть очередную вкусняшку из-под рук повара... Этот парень стал частью тех запахов,

что пропитали квартиру Бехтерева, стал дыханием, носящимся по странной чёрной жизни фотографа. Практикант стал всем, что можно было вообразить. Бехтерев замер с поднятым ко рту стаканом виски, ощущая, как волна жара расцветила лицо сполохами пробуждения. Сват зажмурился, а потом отчётливо сказал сам себе, своим привычкам, своей слепоте, давно уставшей нести на себе ношу его обид на окружающий мир... «Я люблю его. Вот чем он лучше». И сказанное было правдой, мгновенно запустившей свои иглы в каждую клеточку ознобевшего тела. Бехтерев залпом опрокинул в себя остатки виски. Митька не вернулся. А компания где-то рядом и не думала унывать по этому поводу. Как и по всем вокруг. Им было хорошо.

Зуммер телефона и тут же шиканье и затихший смех.

- Мой обмылок звонит, - тут же любезность в голосе: - Аллёо? Да, пусечка! Конечно! Прямо сейчас? И как еще? Что иметь? Ты не один? Как скажешь. Бегу, милый. Захвачу. Хорошо, одену. Да, пристегну. Конечно! Уже лечу! Чмоки! – зло и с негодованием: - кабысдох долбанный. Достал в усмерть.

- Так оставь его, - удивление.

- Иди пустыню пылесось! Соображаешь, что мелешь? От такого куска счастья не отказываются! За его щедрость и хороший инструмент, многое простить можно. Подумаешь небольшой фетиш с кожаной амуницией и редкие тройнички. У каждого свои слабости.

- Ой, везунчик ты. Удачки тебе, милый.

- Спасибо, дорогой. И тебе урожайного вечера. Цёмки, - звуки поцелуев и тишина.

- Вот же паскуда везучая, - еле слышно со злостью в голосе. – Такой дешевке и такой упругий фарт. Что б у тебя рот порвался, напиться мне в Новодворскую. Не жизнь, а ассенизаторская машина...

«И не говори,» - согласился молча Сват с невидимым автором афоризма, сполз с табурета, положил на стойку купюру наугад, нашарил трость и двинулся к выходу из бара. Фишку он сегодня благоразумно оставил дома, на попечении Стёпы. На улице Бехтерев уселся в вызванное Стасом такси, назвал свой адрес и сказал водителю:

- Если доедем быстро, плачу двойной счётчик.

Интересно, мелькнуло в голове, а сколько он заплатил за стакан воды, а потом виски? Надо будет в следующий раз спросить... И вообще, не важно. Сват улыбнулся, купаясь в пробудившемся где-то в теле солнечном тепле. Он всеми силами хотел оказаться дома, услышать топот собачьих лап, голос своего практиканта, схватить мальчишку в охапку и зацеловать

до потери пульса, а потом... Что потом, Сват даже не представлял, хватило мысли о тёплом крепком теле в объятиях.

Путь от такси до двери своей квартиры занял у Бехтерева намного меньше времени, чем обычно. Словно и не был он слепым. Сват не сразу попал ключом в скважину потому, что руки начали трястись мелкой непривычной дрожью, словно он – совсем молодой парнишка, а впереди у него – первое в жизни свидание. Давно потерянное состояние дополняло хаос, царивший в голове. И сумятица эта тоже грела.

Когда они со сверж обрадованной Фишкой буквально ввалились в зал, Бехтерев на миг замер, прислушиваясь. Степан был тут, похоже, валялся на раскладушке, читая какую-то макулатуру. Бехтерев счастливо улыбнулся и сказал:

- Привет, Стёпка!

- Сват, что случилось? – подал голос парнишка, давая фотографию возможность определить, где именно дислоцировался практикант. Сват и не думал распускать руки, но было что-то в голосе Стёпы такое неожиданно томное, с хрипотцой, поманившее, что Бехтерев в две секунды добрался до раскладушки, опустился перед ней на колени и положил руку на живот парню, на миг порадовавшись своей меткости. Практикант вздрогнул, а фотограф уловил тот неровный звук втягиваемого воздуха, о котором старался не мечтать. Степан почему-то пробормотал, зашуршав страницами то ли журнала, то ли книги:

- Я Фишку выгулял...

- Это хорошо, - выдохнул Сват и уверенно провёл ладонью от его живота к шее, бесцеремонно собирая в складки тонкую футболку. Степан вдохнул ещё глубже, но не ринулся прочь, не свалился с раскладушки, не замахал руками. Чтиво студента брякнулось на пол. А Бехтерев почувствовал, как тело под его рукой задрожало. Морзе испуганно и напряжённо спросил:

- Что ты делаешь?

- Это я хотел спросить у тебя, - ответил Бехтерев, перебираясь ближе к изголовью раскладушки, поближе к стёпкиной голове. – Что ты делаешь... Что ты делаешь со мной, парень? Почему я так хочу тебя поцеловать?

Сват наклонился к лицу практиканта, провёл пальцами по его щеке и спросил:

- Ты позволишь?

Тишина в ответ продержалась недолго. Намного дольше падает осенью лист с дерева, безмерно дольше горят в атмосфере падающие

звёзды... Тёмная тишина ответила Свату сдавленным словом:

- Да.

И на ожидание, заключённое в этих звуках, Бехтерев мог ответить только одним способом. Его губы принялись изучать лицо, расцвеченное оттенками темноты в воображении фотографа. И каждое прикосновение словно вливало краску в образ парня, поселившийся в его сердце. Сват читал лицо Стёпы и жадно, и кротко, боясь, что чудесные мгновения вдруг оборвутся по мановению мысли в голове парнишки. Но с каждой секундой вероятность такого исхода таяла в неведомой пустоте вакуума, окружившего мирок, в котором фотограф неожиданно для себя оказался с парнем, занявшим за две недели все свободные уголки его души загребушими частями своего существования. Сват уже смелее подался к Степану, давая волю рукам и губам, и втягивая в происходящее студента. В какой-то момент он ощутил на своей шее руки парня, который ответил с неожиданным порывом. И ответ ворвался в тёмное сознание фотографа яркими спиралями невидимых красок.

Дальше всё произошло вне обыденного вечера, в стороне от каких-либо мыслей и прочих бредней, способных разрушить что угодно. Одежда медленно растворилась, оказавшись на полу, горячая кожа смешалась с дыханием сплавом ощущений и прикосновений... Четыре ладони прикосновений оказались тлеющей истомой, пытающейся заполнить бездонный колодец жадной мўки. Пылающие вселенные тел медленно растворились друг в друге, укачиваемые размеренными движениями, и всё было лишь частью этого. Горячее дыхание неопытного парнишки, нервы Свата, тёплый бархат, охвативший естество, и волны, раскачавшие ковчег, на котором нашли исступлённое забвение их сердца.

Крики выростали в рычание, жар выпадал каплями пота, мокрые волосы не хотели убираться куда-то в сторону, возвращаясь, чтобы помешать ВИДЕТЬ Свату любимое лицо, на котором каждая черта обрела свой оттенок тьмы. И плевать было двоим на ночь за окном, которая уже знала: эти двое нашли заветную тропу друг к другу. И в этот момент им не было важно, что принесёт новое утро. Утро последнего дня степановой практики.

18.Тусклые рассветы

Степан лежал на диване и смотрел на утреннее небо за огромным окном зала сватовской квартиры. Тело, которое, казалось бы, должно болеть и стонать после случившегося вчера, просто переполняла энергия.

Ну, разве что кое-где слегка саднило. Но это вызывало прежде всего тёплую счастливую улыбку на его лице, а не всякие там переживания. Две недели назад, увидев Бехтерева, студент и подумать не мог, что всё закончится вот так, жарким и взрывоподобным вечерним выносом всех ограничителей и предохранителей. Степан и представить не мог, что ему может настолько понравиться то, что он пережил в безумно нежных, требовательных и опытных лапах слепого фотографа. А ещё он никак не мог понять, что же подтолкнуло его вчера сказать это странное короткое слово, вырвавшееся в предночный сумрак. Да, всего лишь два звука, соединённые в маленькое слово, которое является одним из самых огромных и важных в жизни любого человека.

Стёпа вспомнил свои метания и улыбнулся. Всё ведь так просто, скажи – и будет тебе счастье. Не придумывай себе всяких глупостей. Просто выдохни, как будто ныряешь с высокой скалы в море... Или делаешь шаг в бездну с каменистым дном, от которого тебя отделяет только хлипкая на вид тарзанка. Своим вчерашним «да» студент ответил не только Свату. Он сказал этим главное слово и себе. Признался в том, что это чудовище по фамилии Бехтерев стало ему самой уютной частью жизни, стало светом, от которого разбегаются тени придуманных бед. Морзе с некоторым испугом даже потихонечку признался себе, что, похоже, влюбился. В дядьку, парня на много лет старше, в чудовище, готовое то покусать, то поластиться. И попалося оно на его жизненном пути совершенно неожиданно, как чёрный кот в тёмной комнате, куда зашёл за чем-то другим.

Студент не спал уже с полчаса, прислушиваясь к тёплому дыханию рядом с собой, ощущая бархат кожи уже не чужого тела, а мужская рука, перекинутаая через грудь, воспринималась как щит от невзгод и всякой дряни. Стёпа ждал пробуждения Свата с нетерпением. Ему хотелось сказать этому блондину о своих чувствах, поведать о переживаниях, чтобы они вместе посмеялись над наивностью девятнадцатилетнего мальчишки. И то, что на дворе последний день практики, смущало Стёпу довольно сильно. Он не знал, чем всё закончится, и очень надеялся, что уходить не придётся. Даже не надеялся, а почему-то верил в глубине души, что Сват сам предложит ему остаться.

Практикант бережно шевельнулся и посмотрел на лицо Свата, лежавшего рядом. Тот не спал. Он смотрел куда-то в пространство с таким выражением на лице, что Стёпа едва не отшатнулся. Даже тысячелетний лёд Антарктики, наверное, был теплее. Сват встал с дивана и напряжённой походкой быстро скрылся в стороне прихожей и ванной. А

Степан в полном недоумении проводил взглядом его обнажённую спину, ощущая нарастающее чувство беды. Что-то было очень не правильно. И совершенно не понятно. Пока Бехтерев плескался в душе, студент поторопился одеться, борясь с нахлынувшей скованностью. Помыться, конечно, тоже хотелось, но очень уж ему не понравилось выражение лица фотографа. Когда тот вернулся в зал и остановился, облачённый только в плавки, Морзе осторожно спросил:

- Что-то случилось?

- Ничего нового, я так полагаю, - отозвался глухим голосом Сват и сложил руки на груди. – Новый день, старая песня, парень.

- Ты о чём? – растерялся Степан.

- Ты, конечно, милый мальчик, но вот что я тебе скажу, - губы Бехтерева зазмеились злой улыбкой. – Совсем не фонтан. Особенно, если учесть, чего ты добиваешься.

Стёпа замер с открытым ртом, происходило что-то дикое и глупое. Через пару секунд студент выдал из себя:

- Что случилось? Ты о чём?

- Ну, вот ты уже и в попугая превратился... - Сват дёрнул плечами, словно пытаясь поймать солнечные лучи. – Потерял дар речи?

- Да что происходит? – совсем тихо спросил Стёпа. Он совершенно не понял, что произошло. Нечему было происходить такому, чтобы вот так вот, резко, всё поменялось. Добродушная Фишка сунулась было в ноги хозяину, но тут же отошла, настороженно глядя на него. Бехтерев сказал:

- И чего вам всем так неймётся? Прямо спите и видите, как бы приложить руку к моим деньгам...

Ошарашенного парня словно ткнули лицом в ободранную кирпичную стену. Степан резко вздохнул и сказал:

- Что? Что за бред...

- Думал, если заставишь меня переспать с тобой, то я тут же растаю, и всё будет маслом кверху? – улыбка фотографа превратилась в оскал на бледном лице. – Ты, конечно, молодой, сладкий, такие пользуются популярностью у папиков и старпёров, но в моём случае ты облажался, парень.

Степан слушал чушь, которую нёс Бехтерев и бледнел с каждой фразой всё больше и больше. Словно на его лицо мазок за мазком наносили побелку. И при этом жадная когтистая лапа шарилась в груди, отрывая кусочки от чего-то внутри, совсем недавно ставшего дорогим и единым. Морзе сцепил зубы так, что хрустнуло что-то под глазом,

отдавшись шилом боли по всей голове. Студент не поверил своим ушам. Заставил переспать? Кто кого? Он заставил фотографа себя отыметь? За какие-то бабки? Которых и в глаза не видел.... Какие-то папики? О чём он вообще? А Бехтерев продолжил:

- Мне понравилось тебя трахать, детка. Я живой человек. И долгое воздержание сказалось, к тому же. Не смог удержаться от того, чтобы потискать такое тельце. Так что своё проживание в моём доме ты оплатил... Так сказать, натурой.

Студент словно окунулся в пустоту, сосредоточенную возле этих застывших глаз, около сжатых губ, напряжённых скул. Этого просто не могло быть. Но слова звучали и звучали в голове. Отзываясь эхом новых фраз Свата.

- Обиделся, что ли? Не стоит, мальчик, не стоит. Потрапушки были знатные, не спорю, но это не означает, что я прямо тут расплывусь лужицей и весь такой отдамся неземному кайфу. Тем более сегодня последний день твоего присутствия в моём доме. Так что потихоньку собирай манатки. Днём за тобой заедет Зиганшина. Она вчера звонила, спрашивала, что да как. И приготовь мне свой отчёт на подпись. Я же не злодей, всё подпишу. Зачем ломать карьеру такому хорошему пассику?

Морзе словно включился. А затем шагнул к Бехтереву, выдавив из себя бессвязные слова:

- Я же... Ты... Хотел сказать... За что...

Сват надменно скривился:

- Много вас таких, вечных супер-девственников. На мой век ещё хватит. И хватит мямлить.

- Вот, значит, как? – тихо спросил Степан, подошёл к застывшему Бехтереву и с горькой усмешкой прикоснулся к его щеке пальцами. – Трахнул, а потом иди нах?

В груди клубилась и клокотала пустота, обретая всё более звериный облик. Хотелось биться в истерике, рвать в клочья и бить... Но также хотелось забиться в тёмную яму, чтобы никто не нашёл. Степан засмеялся резко, хрипло:

- Надо же, как всё просто.

А он ещё хотел признаться ему в любви. Этому скоту белобрисому, который, как оказалось, просто попользовался, а теперь выдумал причину вышвырнуть обузу из своей жизни. Радикально и быстро, чтобы наверняка. Морзе едва не заскулил от боли в сердце. Это было страшно и дико. Нахлынуло ощущение того, что кто-то вогнал вилы в распахнутую душу. А потом смачно провернул. И оставил торчать на погляд всем

вокруг.

Стёпа убрал руку от лица фотографа. Что ж, пусть будет так, как он хочет. Парня словно потянуло в леденящую яму из стылого крошева. Он судорожно вдохнул, выдохнул и расправил плечи:

- Как у тебя всё просто. Хорошо, пусть всё будет так. Мне плевать.

Незрячие глаза Бехтерева на миг расширились, а затем фотограф ещё сильнее поджал губы. Сват медленно ушёл в комнату, одеваться на прогулку. Фишка поняла, что про её нужду наконец-то вспомнили, и радостно заметалась по квартире, но уже через пару секунд чинно уселась на пороге прихожей, ожидая гулянки. Степан посмотрел на лабрадоршу и отчаянно позавидовал ей. Беззаветное доверие светилось в умных глазах псины. И ничто на свете не смогло бы поколебать эту преданность Бехтереву.

Студент медленно достал из сумки свою тетрадь практических записей, раскрыл в нужном месте и уставился на последнюю запись. Это писал не он, а кто-то другой, ещё открытый и наивный. Стёпа снял с обложки тетради ручку, зацепленную скобой, и спокойно написал ниже: «День 14. Конец практики. Беседа по результатам сотрудничества». В глазах всё поплыло, но студент тут же огромным напряжением загнал слёзы в никуда. Его губы скривились при мысли о том, что мужчины не плачут. Ревут, да ещё как, даже в припадке бьются, оглашая воем окрестности. Но только вдали от всех, чтобы никто не мог его потом попрекнуть этим... Или пожалеть. Треснувший зуб снова выдал молнию острой боли, на миг. Этого хватило, чтобы взять себя в руки и переключиться на спасительную пульсацию острого пламени в челюсти. Степан не оглянулся, когда услышал шаги Бехтерева. Вскоре началась возня в коридоре, потом хлопнула дверь. Студент на «автомате», хоть и медленно, но уверенно, собрал свои вещи, расплзшиися по всей квартире. А потом позвонил Зиганшиной. Та взяла трубку сразу, не взирая на то, что на дворе было воскресное утро:

- Да, Степан Аркадьевич, у вас что-то случилось?

- Случилось, - ответил Стёпа. - Дома проблемы. Хочу попросить вас об одолжении...

Они говорили не долго, но за время беседы за окном окончательно разгорелось утро первого июльского дня. И это совершенно не тронуло парня. Через пять минут он вышел из подъезда и осмотрелся, выискивая взглядом слепого фотографа и его поводыря. Фишка встретила его радостными скачками. Бехтерев, расположившийся на скамье, даже не пошевелился. Степан спокойно сел рядом и равнодушно положил на

колени Свату свою тетрадь, раскрытую на нужной странице:

- Мне нужна ваша подпись и вердикт.

- Без проблем, - пошевелился Сват и нащупал на обложке прицепленную ручку. Несколько секунд, и на странице появилась размашистая подпись, подкреплённая корявой фразой о том, что клиент всем остался доволен и даёт практиканту самую высокую оценку. Вернув ручку на место, Бехтерев захлопнул тетрадь и поднял её перед собой. Степан взял исписанный фолиант и потянул, но пальцы фотографа не разжались. Сват с усмешкой спросил:

- Бежишь, сладкий?

- Позвольте, - студент уверенно выдернул из его пальцев тетрадь и спрятал в сумку. После чего наклонился, потрепал Фишку между ушей и ровным пустым голосом сказал:

- И позвольте вам пожелать всего доброго.

- Ну, ну, какие мы вежливые молодые люди, - проворчал Бехтерев, как-то спадая с лица. – Правильно, милый. Утёрся и забыл, лапочка. Так и надо.

Студент наклонился к его уху и прошептал:

- Пошёл ты на хуй.

- Я, милый мой, только беру на этот орган, а никак не хожу на него, - парировал фотограф с тяжёлой усмешкой. – Чего и тебе желаю.

Лабрадорша заскулила, словно чувствуя стёпкину боль, вернувшуюся от этих слов. Морзе всё ещё так до конца и не поверил, что происходящее – правда, а не дурной сон. Он выпрямился и сказал:

- Всего доброго.

И пошёл прочь от площадки для выгула собак. Ждать микроавтобус ОСОНД-а долго не пришлось. Когда из него выбралась на асфальт всё такая же импозантная Зиганшина, Стёпа понял, что не готов рассказывать ей о чём-то. Ирина Валерьевна пристально посмотрела на бледного студента и спросила:

- Надеюсь, всё обошлось без эксцессов?

- Разумеется, - ответил Морзе, достал на свет тетрадь уже в третий раз за утро и протянул её заведующей. – Клиент вполне доволен.

Зиганшина посмотрела на подпись Бехтерева, ещё раз смерила взглядом Степана и покачала головой:

- Если он тебе что-то сделал, Стёпа, только скажи.

- Всё нормально, - безжизненным голосом ответил практикант, отчего во взгляде женщины затлели нехорошие огоньки. Степану же было всё равно. Он достал из кармана джинсов мобильник, нашёл в списке

контактов знакомый номер и замер на миг. Душа словно заплакала навзрыд, а затем остервенело зашипела, заставив палец коснуться строчки удаления. Студент больше не собирался встречать на своём пути того, чей номер растворился в небытии. Но его взгляд помимо воли метнулся в сторону давешней площадки.

Сват сидел на далёкой скамейке сгорбленной фигурой, а возле его ног лежала Фишка. Степан почему-то решил, что не так должен сидеть человек, решивший свои проблемы, совсем не так. Это утро вообще было неправильным. Разве летом бывают такие холодные рассветы? Холодные и тусклые... Студент мысленно повторил свои слова, сказанные фотографу на ухо. И захлопнул бортовую дверь микроавтобуса, чем вызвал ещё один выстрел боли в челюсти. Он даже не поморщился. Не хотелось, зачем? Автомобиль дрогнул и покатил прочь от дома Бехтерева. А женщина, сидевшая рядом с водителем, хмуро смотрела в зеркало заднего вида на парня, застывшего истуканом в салоне, и думала о чём-то своём.

19.Гулкая тьма

Свата скрутило посреди ночи, когда Стёпка мирно сопел ему в плечо, разметавшись под боком тёплой драгоценностью. Бехтерев чуть не взвыл, осознав, что не может, не имеет права обречь молодого парня на существование под одной крышей с инвалидом. Да и не будет он долго нянчиться с калеккой. Быстро заскучает, найдёт себе кого-нибудь и свалит за горизонт. От всех этих мыслей стало тоскливо и холодно. Сват крепче прижал к себе парня и чуть ли не умоляюще уставился в свою темноту, словно надеялся, что она даст ответ. Но темнота молчала, не обращая внимания на смятение в душе фотографа. Решение пришло само и отозвалось в мужчине тупой болью. Парня надо отпугнуть. Отвадить так, чтобы и думать забыл об инвалиде, с которым может только испортить себе жизнь. Когда-нибудь он встретит девушку или парня, нормальных, здоровых, зрячих, способных отвечать за себя в полной мере. Способных самостоятельно идти по жизни.

Бехтерев всегда был твёрд в своих решениях и поступках, даже если это приносило невыносимую муку. Во время утренней отповеди, грубой, мерзкой, грязной и почти убийственной, Сват не раз задавливал в себе желание броситься к Стёпке, обнять, крепко сжать и целовать, нашептать всякие глупости... поломать ему жизнь. А потом они с Фишкой ушли гулять. Но и там студент нашёл его. Где-то в глубине сердца Сват надеялся, что мальчишка всё-таки задержится в его доме ещё хотя бы на час, два,

или даже три, но всё было закономерно. Никакой нормальный человек не станет терпеть унижение. Наоборот, постарается уйти, исчезнуть. И правильно. Когда звук мотора стих, возвестив уход из его жизни Степана, Бехтерев устало поднялся со скамьи, и они с лабрадоршей двинулись обратно, домой. И это стало самой сильной пыткой. Квартира буквально пропахла парнишкой, его стряпнёй на кухне, едким запахом зубной пасты в ванной, неуловимым ароматом мыла и шампуня везде... Бехтерев каменной походкой добрался до дивана и грузно опустился на кожаное чудовище. И по его лицу потекли слёзы, которые больше не было сил удерживать. Сват с силой провёл ладонью по щекам, собирая непрощенную влагу, выругался и ударил кулаком по обивке, вызвав испуганный гавк собаки.

Цокот лап по ламинату стал для него громом посреди ясного неба. Язык лабрадорши прошёлся по щекам. Фишка словно понимала, что хозяин сам себя загнал в большую беду. И это ещё больше подкосило фотографа. Он упал на диван ничком и тут же вообще свернулся калачиком, сотрясаясь. Спасало только то, что Сват знал – он правильно сделал. По-другому было никак нельзя. Он не мог испортить жизнь любимому человеку. Сколько прошло времени, было непонятно, но в какой-то момент зазвонил телефон. Бехтерев рывком сел, нашарил трубку на журнальном столике и хрипло спросил:

- Алло... Кто там ещё?

- Добрый день, Святослав Львович, - раздался в ухе голос Зиганшиной.

– У меня к вам несколько вопросов. По поводу практиканта.

В сердце Свата что-то кольнуло. Он сглотнул и постарался ответить как можно ровнее:

- Я вас слушаю.

- Вас устроила работа Степана Аркадьевича? Если есть какие-то замечания, то хотелось бы их услышать. Могу завтра приехать и мы всё обсудим.

- Всё более чем в порядке, - сказал Сват. – Просто замечательно.

- Что ж, это радует, - Зиганшина на том конце связи что-то записала.

– Дальше... Слушай, ты, олух царя небесного, ты что натворил?

- Чего? – не понял Сват, растерянно заморгал и снова сглотнул.

- Ты что сделал с парнем? Он сам не свой. Словно погас... Сват, ты что... переспал с ним?

- Не ваше дело, - разозлился Бехтерев.

- Нет, это моё дело, парень, - резко сказала Ирина. – Имей в виду, я уже насмотрелась на таких вот опустошённых. Сам знаешь, у нас тут

ещё и Служба Детства рядом. Так вот, придурок. Если Стёпка что-то натворит с собой, я тебе яйца оторву, ты понял?

Сват похолодел. А вот такая мысль ему и в голову не пришла. Он чуть не застонал, но взял себя в руки и ответил:

- Вы в таком тоне со мной, пожалуйста, не разговаривайте.

- Я ещё и не в таком могу, уважаемый Святослав Львович, - в голосе Зиганшиной словно мёд заструился. – Если ты сломал мальчишку, тебе ещё аукнется. Сам знаешь. Я ведь тебя предупредила, Сват. Нельзя же так!

- Да что ты понимаешь! – сорвался Бехтерев с дрожью в голосе. –
Разговор окончен.

Он оборвал звонок и ссутулился на диване, словно в него влили тонну свинца. А ведь она права... Что он наделал? Надо немедленно позвонить и попросить прощения. Бехтерев снова схватил трубку телефона и замер в полной прострации. Он не помнил стёпкиного номера! А из сотового ещё на прогулке удалил... Бехтерев застонал от огорчения. Но тут же сообразил. У Ирины должен быть и номер телефона, и адрес. Сват тут же набрал номер Зиганшиной. Женщина ответила не сразу, а узнав, кто звонит и по какому делу, отрезала:

- Нет уж, родной. Если он захочет, сам позвонит. И знаешь, что... Он, конечно, мне ничего не рассказал, но я не слепая. Он сейчас просто не будет с тобой разговаривать. Так что поздравляю, Шарик, ты балбес.

В трубке пошли короткие гудки. Сват растерянно положил телефон на столик и задумался. Найти человека в городе можно, если постараться. А ведь Степан действительно может больше не захотеть с ним разговаривать. Бехтерев горько улыбнулся. Всё надо делать по-другому. Не хочешь быть обузой? Так перестань ею быть. Чего проще? Надо всего лишь вылезти из своей раковины и посмотреть в глаза этому чёрному миру. Что там Стёпка говорил про выставку? Сват поднялся с дивана, прошёл к окну и нашарил фотоаппарат, привычно висевший сбоку на раме. Повертев в руках дорогуший цифровик, Бехтерев сказал окружавшей его беспробудной тьме:

- Я докажу себе, что не буду обузой, парень. Придёт время, и я найду тебя, и не буду обузой. Это же так просто.

За спиной заинтересованно твякнула Фишка, и Сват обернулся, скидывая к лицу фотоаппарат. Привычку эту уже было не изжить. Да и на слух снимать так было удобнее. Сухо щёлкнул затвор, сообщая о том, что снимок сделан. Интересно, а Фишка попала в кадр или нет? Бехтерев тихонечко позвал:

- Фишка, голос.

Лабрадорша гавкнула в темноте, и Сват принялся щёлкать снимок за снимком, поражаясь своей дурасти. Он впервые за эти месяцы взялся фотографировать собственную собаку. Почему он не делал этого раньше?

20. Спустя четыре тысячи часов

Ночью выпал обильный и пушистый снег. Его было настолько много, что, глянув с утра в окно, Стёпа даже не поверил собственным глазам. Детскую площадку во дворе пятиэтажки занесло сугробами так, что она казалась просто белым покрывалом с небольшими кочками, среди которых самозабвенно барахталась ребячница со всех окрестных дворов. Последний день уходящего года преподнёс самый замечательный подарок, какой только могла дать зима. На сердце парня немного потеплело, даже несмотря на то, что ночью опять снился чёрт.

В этот понедельник, 31 декабря, студенту надо было лишь сделать два звонка по работе и два по учёбе, после чего можно было предаться банальному ничегонеделанию. Но именно последнее совсем не привлекало Степана. Отзвонившись декану и своей методистке по институту, а потом Зиганшиной, в службе которой он теперь подрабатывал после учёбы, студент задумчиво посмотрел на свой мобильник. В его однушке, снятой на заработанные деньги, было тепло и пусто. И Степан собирался встретить этот новый год самым правильным образом – подарить праздник одному из новых знакомых. Ещё месяц назад, когда его занесло в Службу по защите Детства (Зиганшина отправила занести пару бумажек), он увидел там колоритную парочку. Пацан лет шестнадцати, одетый в невообразимо яркие шмотки, с воплями цеплялся за ноги второго парня, лет так двадцати на вид. Второй, одетый в чёрную куртку-аляску и пятнистые камуфлированные штаны с берцами, громко выговаривал валявшемуся на полу:

- Ничего! Поживёшь с недельку в реабилитационке, может, даже поумнеешь!

- Саша, не надо! – со всхлипом крикнул пацан. – Я больше не буду! Саша, не надо!

- Вы что себе позволяете, молодые люди? – раздражённо сказала какая-то женщина, выглянув из кабинета психолога. Увидев Степана, уставившегося на происходящее, она требовательно спросила:

- Вы принесли бумаги от Ирины Валерьевны?

- Что? – очнулся Стёпа, вручил ей файл с документами и снова уставился на странную парочку. Старший заметил его интерес и обратился к младшему:

- Заканчивай цирк, клоун. Уже зрители появились.

- А я что, - тут же успокоился тот, бодро поднялся на ноги, отряхнул красные штаны, одёрнул салатного цвета куртку и поправил русую лохматость на голове. – Нормально же получилось. Са-а-аш, ну, прости... Я действительно больше не буду. Не оставляй меня здесь.

Стёпа между тем рассмотрел обоих подробнее. Определённо это были братья, и очень похожие к тому же. Оба белобрысые, курносые, с хитрыми серо-зелёными глазами. Вот только попугаистый младший обладал бешеным пирсингом в ушах, носу, бровях, а может и ещё где. Старший, Александр, судя по всему, покосился на Степана и проворчал:

- Ну, вот что, Никитос, двигаем отсюда.

Братья чуть ли не бегом выскочили из конторы. Когда Стёпа вышел следом, их уже и след простыл. Так они встретились в первый раз...

Уже позже Стёпа узнал, что братья Логаревы жили одни, их родители давно срисовались с горизонта, оставив младшего сына на старшего, а в квартире у них чуть ли не настоящий притон. Так говорили бабки во дворе дома, где жили парни. Морзе заносило туда к одной из клиенток ОСОНД, вредной старушке из рядов строителей города, способной сжевать мозг в считанные минуты всевозможными претензиями и требованиями в духе «вы обязаны бесплатно». И ведь не объяснишь такой вот ветеранше, что зарплата у соцработника в два раза меньше, чем у неё пенсия. А вот поди ж ты, все ей вокруг обязаны. Хорошо, хоть родители у Степана оказались всё-таки адекватные, и периодически подкидывали финансовую помощь, иначе Стёпа просто не выжил бы долго на заварной лапше и сосисках с майонезом.

Потом была вторая встреча, третья, в итоге они познакомились. Выяснилось, что Сашка учился на «собаку не резанную», как он сам говорил. Парень жаждал стать юристом по гражданскому праву. По его словам, его уже ждали в какой-то адвокатской конторе по знакомству. Никита учился в 10 классе, переваливаясь с троек на четвёрки. И шлындаль по ночам в компании таких же неформалов, как и он сам. Из-за чего иногда и оказывался в Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. Туда же вызывали старшего брата. На памяти Степана тот раз был единственным. Никита как-то раз грустно поделился, что тогда он получил последнее китайское предупреждение – ещё раз, и в детдом.

Общение с братьями внесло хоть какое-то разнообразие в тусклую жизнь студента, за что он был им очень благодарен. И старался держаться от них на дистанции, несмотря на попытки Логаревых втянуть его в «бодрую здоровую жизнь». Степан вздрогнул и отлип от окна, когда его мысли вернулись в лето. В груди снова глухо защемило. Конечно, горечь и терзающая обида давно остыли, но даже спустя шесть месяцев он не мог не думать о Свате, об их последнем разговоре, о той ночи, обо всём... И его тянуло с бешеной силой, иногда нарастающей до боли в груди, тянуло вновь увидеть проклятого фотографа, пусть даже издалека. Но Стёпа не позволял себе этой слабости. Знал, что это добром не кончится. Ведь Бехтерев так ни разу и не позвонил, не сказал ни слова. Два летних месяца Морзе горел от нервного истощения, прокручивая в душе события практики. С бешеной надеждой ждал, что Сват позвонит, попросит прощения за те грязные слова. Из какого-то дурного принципа не узнавал ни у Зиганшиной, ни в деканате заново номер телефона Бехтерева. Но с каждым днём надежда таяла, превращаясь в стылый кусок льда на сердце. И в какой-то момент Степан решил, что уже и не стоит этого делать, не стоит выпрашивать номер телефона, не стоит ходить к Свату домой, околачиваться во дворе, на что-то рассчитывать... Раз не звонит, значит – всё решил окончательно и бесповоротно. И Степан ему действительно не нужен ни в каком виде.

За полгода было всякое. Но ничто не смогло развеять серую хмарь на душе у студента. Он засыпал с образом Свата в голове, просыпался с его именем на губах, проживал день на фоне обрывочных туманных воспоминаний, стараясь отодвинуть от себя слёзы и нервную дрожь. Это было действительно больно. Что задевало парня ещё больше – безумное чувство, загоревшееся в нём теми июньскими днями, и не думало угасать. Оно пряталось, да, но всегда было рядом, только руку протяни, глаза закрой или отвлекись от мыслей о работе и учёбе. Словно какое-то навязчивое сумасшествие. И Степан стал убегать от себя с каждым днём наступившего семестра, прятаться на парах, где усиленно впитывал знания, скрываться в работе, окружая заботой своих трёх подопечных, выделенных Зиганшиной. Всё это было нелегко, но помогало сохранять хотя бы поверхностно то ощущение утраченного равновесия, которое помогало держать себя в руках.

Сейчас, под самый Новый Год, глядя на детские игрища в снегу во дворе, Стёпа с глухой тоской закусил губы, ещё раз посмотрев на сотовый. Один звонок Логаревым, и праздник станет праздником, пусть и не для него. Но хотя бы посмотреть на чужое счастье он имеет право?

Стёпа боялся остаться на эту ночь в одиночестве. Боялся, что всё-таки не выдержит и напьётся в полный веник, а затем натворит глупостей, навеянных пустотой. А ведь как было бы здорово сейчас наряжать ёлку с одним придурком! Студент ещё в начале осени понял, почему же Сват так себя повёл. Да и разговор с Тоней помог, состоявшийся через неделю после начала нового учебного года. Она тогда встретила его на ступенях института, удивив и по-настоящему напугав. Первое, о чём он спросил у девушки, было «не случилось ли чего со Сватом?» На что Тоня лишь усмехнулась грустно и сказала:

- Он спятил. Загорелся выставкой, нанял агента, думает в декабре, к Новому Году, отпраздновать открытие.

Они зашли в ближайшее кафе, где и просидели почти три часа за разговором. Из всего, сказанного девушкой, Стёпа понял всё, не глупый всё-таки шкет из подворотни, но именно главное его и закусило до ножовочного скрежета в голове. Значит, этот придурок заботился о нём? О молодом парне, у которого ещё вся жизнь впереди? А вот после выставки всё будет? Что будет? Этот вопрос Степан и задал подруге Свата:

- Он действительно думает, что после тех слов я кинусь ему на шею, стоит только нарисоваться на горизонте?

Степан не рыдал, не трясся в злобе, не причитал в истерике. Он просто спросил это таким тоном, что Тоня почти со страхом посмотрела на него и сменила тему разговора.

Двойственность собственной природы душила Стёпу. Ему хотелось нестись к Бехтереву, надавать по морде, сказать всё, что в башке наварилось за прошедшие месяцы... А с другой стороны, студент отстранённо, даже холодно, отвергал подобный исход. Его гордость не позволяла пойти на такое. И чем сильнее хотелось обнять и отогреть завравшегося самому себе фотографа, тем сильнее студент вымораживал себя в горькой обиде. Почему Бехтерев вообще позволил себе решать что-то за другого? До хрена ответственный, взрослый и наполненный глупой наглостью? Ну, так и пусть давится своим величием и благородством, пусть тащит свой нарисованный крест великой жертвы. Кто Степан такой, чтобы мешать человеку сходить с ума, как ему вздумается? Всего лишь тот, кто так же сходил с ума где-то рядом, на улицах этого же города.

Чтобы хоть как-то развеяться и ещё раз подумать о планах на новогоднюю ночь, Степан решил прогуляться по улице. Тем более в такую кучу снега грех было не сунуться. Следующие два часа он просто шарахался по главным и не очень улицам, пару раз поучаствовал в снежных войнах (даже пришлось потом вытряхивать снег из-за

шиворот), а в какой-то момент пустого блуждания он понял, что оказался возле картинной арт-галереи, небольшой и частной, но самой известной не только в городе, но и в регионе. Потемневшими глазами студент уставился на рекламный плакат в человеческий рост, закреплённый на одном из окон выставочного зала.

Он увидел его ещё две недели назад. Блондин, образ которого каждое утро сжигал Стёпе кусочек души, смотрел на мир с плаката ясными глазами. И только знающий мог сказать, что этот человек слеп. Выставка фотографий Свата шла в городе уже больше недели. И вызвала настоящий ажиотаж в прессе и на телевидениях, вплоть до столичных. Критики расхваливали, мусоля «невероятное чутьё слепого автора», бомонд восторгался, а люди шли посмотреть на творчество странного фотографа, даже не появившегося на открытии, что тоже обсасывалось прессой. Святослав Бехтерев – то, сё... Триумфальное возвращение, открытие года, бла-бла-бла... Стёпа скривился и отвёл глаза от лица Свата, на которое успел уставиться, ощущая неимоверное давление в груди. Ему было больно смотреть на фотографию Бехтерева. Человека, который так и не позвонил.

Уставившись на городской проспект, по которому медленно двигались вереницы машин, Степан пробормотал сам себе:

- Я только посмотрю и сразу позвоню Сашке. Так и надо сделать. Я ведь только просто посмотрю. Его же там не будет. И обязательно потом позвоню Сашке. Надо будет узнать, что прикупить к столу на праздник.

Снег под ногами закрипел, когда студент развернулся и чуть ли не бегом влетел в большие двери арт-галереи. Стёпа знал, что обязательно должен ещё раз посмотреть на мир Свата, должен впитать, ощутить, попробовать на вкус. И проститься, раз и навсегда.

21. Такси вокруг собаки

Пустая жизнь, пустые хлопоты... Так определил свою жизнь Святослав Бехтерев, слепой фотограф двадцати восьми лет от роду ближе к полудню 31 декабря. Правда, о выставке его фотографий никто другой так бы не сказал. Работы Свата приняли на ура. Первая неделя работы экспозиции закончилась восторженным звонком Лолиты Симоновой, директора арт-галереи. Он тогда слушал её восторженный лепет про успех, большие сборы, интерес маститых критиков и прочая-прочая-прочая... В субботу он и сам уже понял, что бесконечно ошибался, считая себя потерянными человеком. Но для чёрной пустоты, поселившейся внутри с полгода назад, это не имело уже никакого значения. Потому, что

Сват не мог разделить радость своего открытия с человеком, которого сам втоптал в грязь.

И в понедельник он стоял у окна, впитывая мягкое тепло зимнего солнца на лице, размышляя о пустоте собственного существования. Сколько раз он уговаривал себя приложить те крохи усилий, найти Стёпку, позвонить или даже прийти к нему домой. И попросить прощения. Но липкий царапающий страх всегда останавливал фотографа. Он банально боялся услышать от студента совсем другое, не менее злое и чуждое, чем то, что сказал когда-то сам. И страх этот вырос на жгучем ощущении огромной вины перед парнишкой. Сват скрипнул зубами, отвернулся от окна и позвал Фишку. Пятина тут же примчалась из коридора, протарабанив когтистыми лапами по полу. Как всё-таки здорово, что собаки не умеют говорить. Иначе, подозревал Сват, он и от лабрадорши наслушался бы выволочек, нотаций и откровенной ругани, как всё то, что обрушили на него друзья, выковыряв из фотографа причину вялой опустошённости.

В конце августа Сват встретился с Лолитой, заручившись присутствием Антонины. Был подписан договор, началась работа. А потом, в какой-то совсем чёрный день Тоня наведалась к нему домой, почему-то в полной тишине обняла, постояла, прижавшись, и на ухо прошептала:

- Я его видела.

Сват тогда замер, едва не рухнув на ослабевших ногах. Девушка оттолкнула фотографа от себя и уже громко продолжила:

- Как же мне хочется врезать тебе, скотина ты белобрысая.

Они помолчали, а потом Тоня сказала:

- Лучше тебе не искать его, если не намерен всё вернуть.

И ушла, хлопнув дверью. В следующий раз Сват услышал её голос, когда включил местные новости по телевизору, где должен был пройти сюжет об открытии выставки, на котором он решил не появляться, хоть это и противоречило всем правилам «бомонда». Антонина была среди гостей и попала в лапы съёмочной группы. Она что-то говорила, а Сват ощущал во тьме нехорошую пустоту, какой ещё ни разу не было рядом с ним. Почему он вспомнил именно этот момент? Бехтерев наклонился и погладил собаку по шее. Фишка насторожилась. Она всегда прекрасно чувствовала настроение хозяина. И уже просчитала своим прагматичным умом, что её ждёт улица, если не что получше.

Фотограф снарядился быстро, нацепил на лабрадоршу сбрую, пристегнул поводок, привычно нашарил возле двери трость, повёл плечами и сказал в темноту:

- Мы с тобой сейчас поедem слушать сахар и говорить булавки, лохматость. Ты довольна? Я уже вызвал такси.

Услышав заветное слово, Фишка раза в три весомее зашагала по подъездной лестнице, когда они вышли из квартиры. Поводырь любила кататься на машинах, а больше всего – на такси. Чем её привлекали эти автомобили, Сват имел подозрение, но предпочитал думать, что его собака – существо романтическое и с этакой лёгкой странностью. Или её всё-таки привлекало именно обилие разных запахов? Тогда его собака – та ещё нюхоманка. Сват вскользь усмехнулся и снова закаменел лицом. Лязгнула железная дверь подъезда и в лицо ударила волна морозного воздуха. Бехтерев уже хотел шагнуть вперёд, когда Фишка уверенно остановила его, сообщая, что впереди препятствие. Сват недоумённо нахмурился, собака знала подъезд как шерстинки на своём хвосте. Фотограф осторожно начал прощупывать пространство перед собой тростью и уже через пару секунд понял, что собака обеспокоилась не зря. Ночью определённо выпал снег, а местные дворники не удосужились даже тропинку расчистить к обеду. И теперь ступеньки парадной представляли из себя плотно утопанную снежную горку.

Благополучно спустившись с крыльца, Бехтерев медленно побрёл за успокоившейся собакой по тропе, проложенной в снегу соседями. И уже через минуту они оказались возле машины, о чём Свату рассказали запахи нагретого металла, машинного масла и привычного шоколадного ароматизатора для салона. Мишкин голос бодро поприветствовал:

- Утро доброе, Святослав Львович.

- И вам не хворать, Михаил, - ответил Бехтерев, нащупал рычаг и распахнул дверцу. Фишка пробралась в салон первой, а Сват последовал за ней. Он всегда заказывал одну и ту же машину в одной и той же конторе автоперевозок. Ему пошли навстречу даже в том, чтобы водитель всегда был один и тот же, что хоть как-то грело Свата – мир не без добрых людей.

Назвав пункт назначения, Бехтерев задумался. Почему ему вдруг так захотелось попасть на эту выставку? Ведь уже вторая неделя пошла, как экспозиция заработала, а его только сейчас дёрнуло поехать в галерею. При одной мысли о выставке Свата начало мучить неизбежное чувство неотвратимости. Это ведь именно Стёпа сделал первый шаг на пути Свата к странным изменениям в жизни фотографа. Это была его идея, студента, его напор, его руками отобранные первые фотографии... Не слова, а действие, пусть маленькое, в тот момент глупое, но запустившее в итоге механизм в душе Бехтерева.

Свата вновь скрутило ощущение вины, вспомнились собственные слова, звучавшие в его голове каждый день, с того самого летнего воскресенья. Бехтерев на миг отвлекся на Фишку, устроившую в салоне лёгкое родео своими попытками перебраться на переднее пассажирское сиденье. Водитель Миша беззлобно ругался на лабрадоршу, привычно отпихивая любопытный нос из-под локтя. Это почему-то напомнило Свату, как с собакой воевал Степан. Перетягивание половой тряпки было у них своего рода спортом на интерес... Бехтерев зажмурился, сглатывая комок в горле. Нет, это всё выше его сил. Сват подался вперёд, собираясь развернуть такси обратно, но в тот же миг машина остановилась и Мишкин голос доложил:

- Прибыли, Святослав Львович.

- Что? – Сват вздрогнул, обмирая всем телом. Но мгновенно взял себя в руки, вздохнул, расплатился с водителем, и они с Фишкой выбрались на мороз, где замерли на несколько секунд. Поняв замешательство пассажира, Миша дал наводку:

- Ворота зала на два часа!

Такси укаило, оставив Свата в некотором оцепенении. На два часа? О чём это он... Наконец, Бехтерев сообразил, что это могло означать, повернулся немного вправо и пошёл вперёд, зондируя тростью пространство. Фишка двинулась рядом, вселяя некоторую уверенность. Спустя недолгое время Сват окунулся в тепло арт-галереи, наполненной запахами багета, краски и отогревающихся людей. Бехтерев остановился и судорожно вздохнул. С августа не был тут, а запах не изменился, разве что вплелась нотка растаявшего холода. Кто-то подошёл к фотографу и недовольно спросил:

- Вы куда с собакой?

Фотограф с облегчением пожал плечами и уже хотел развернуться и выйти на улицу, когда к ним подошёл ещё кто-то. Женский голос с елейным ехидством поинтересовался:

- Вы бы, Николай Андреевич, хоть иногда смотрели на наши афиши. Свободны.

Мужчина поспешно удалился, даже не пробурчав ничего в ответ. А Лолита обратилась уже к Свату:

- Как здорово, что ты всё-таки приехал, зараза! Нельзя же так подставлять своих друзей... Из меня журналисты всю душу вынули, Сват, я даже задумалась о том, чтобы нанять бодигарда, представляешь?

- Ты и бодигард? – нарочито удивился Бехтерев с улыбкой. – Как-то не вяжется. Никогда не поверю, что ты не способна отбиться от журналист.

- Давай сюда пальто, - хозяйка галереи бесцеремонно содрала с гостя верхнюю одежду и передала кому-то из спящих по фойе работников выставочного зала. После чего уделила толику внимания спутнице Свата:

- Ух ты ж какая! Фишище-лохматище! Вытащила-таки хозяина в люди! Какая умница!

Фишка поздоровалась с женщиной стуком хвоста о паркет. Лолита подхватила фотографа под локоть и потащила в зал, где уже через пару минут бросила посреди гомона и некоторой толкотни, сославшись на занятость. Сват растерянно замер в шумной темноте. Только лабрадорша осталась неким якорем, ещё как-то привязывавшим его к месту. Сват понятия не имел, что же дальше. И зачем он сюда приехал? Бехтерев отстранённо застыл, но долго пробыть истуканом ему не дали. Какой-то молодой парень возбуждённо спросил, подлетев со сбитым дыханием:

- Господин Бехтерев, это ваша первая авторская выставка, как вы оцениваете тот невероятный успех, с каким открылась экспозиция?

- А вы, простите, кто будете, такой скоростной? – недовольно поинтересовался Сват у темноты. Та виновато ойкнула и отозвалась:

- Максим Вяхирев, журнал «Арт-Лог».

- Надо же, - буркнул Сват. – Да никак не оцениваю, на самом деле. О том, что всё будет именно так, мне когда-то сказал очень важный для меня человек. Я просто последовал его совету.

- То есть вы были уверены, что вас ждёт успех? Не слишком ли это самоуверенно? – жадно спросил корреспондент. – Вы можете назвать имя вашего пророка?

- Пусть об этом будем знать только мы с ним, - сказал Сват, мрачно подумав, что он всё-таки зря сюда пришёл. Фишка вдруг дёрнулась со сдавленным визгом, нетерпеливо перебрала лапами, а потом с топотом умчалась в шум толпы, заставив Свата замереть в полном недоумении. Лабрадорша вернулась, как-то встревожено скуля, ткнулась носом в колено хозяина и снова убежала. Сердце Свата сжалось в болезненном толчке. Фишка так реагировала только на двух людей: соседского мальчишку во дворе и... Степана. Бехтерев едва не застонал от тяжести в груди. Стало невыносимо больно и горько. Стёпка, мальчишка, которого он так грубо изгнал... Сват порывисто развернулся и шагнул в сторону выхода из зала. В ту же секунду к его ногам прижалась собака, мешая идти дальше. Сват раздражённо сказал:

- Фишка, прекрати! С ног собьёшь!

Он наклонился и пристегнул к сбруе на собаке поводок, после чего решительно дёрнул лабрадоршу к выходу. И Фишка тяжело уселась на

паркет, ясно давая понять, что не сделает и шага. Сват замер, пытаясь переварить случившееся. Его Фишка, послушная, добрая, верная спутница, с какого-то перепуга объявила настоящий бунт. Фотограф растерянно пробормотал, обращаясь к собаке:

- Ну, красавица, пойдём, моя хорошая! Я хочу домой...

Ему стало душно, нестерпимо муторно и тоскливо. А потом чья-то тёплая ладонь требовательно сжалась на его руке.

22. Сказочные грани

Степан стоял у стены выставочного зала, возле одной из больших фотографий, и смотрел на Свата, ощущая себя где угодно, но только не в реальности. Получилось именно так, как он и боялся. Но, увидев напряжённого осунувшегося Святослава, студент понял, что больше так не может. Сил сохранять отстранённость больше не было. Когда их тропки не пересекались, ещё как-то можно было бороться с собственными чувствами, даже делать вид, что жизнь продолжается. Теперь же... Разговор состоится, что бы там ни было. Степан сглотнул, чувствуя уплывающий из-под ног пол. Его словно бросило в угли пылающего костра, а потом окунули в ледяной горный ручей. Все переживания прошедших месяцев разом взорвались в каждой клеточке тела, вызвав крупную дрожь. Степан понял, что ещё немного, и побежит вперёд, повиснет на этом холодном придурке, наплевав на всё. Он несколько раз глубоко вздохнул, унимая истерику тела, а затем перевёл взгляд на собаку, торчавшую у ног фотографа. Фишка словно почувствовала его, уставилась в глаза, а потом сорвалась с места. Крутанувшись с радостным визгом у ног Степана, собака бодро вернулась к хозяину. Но, похоже, собачье сердце так и не свыклось с мыслью, что два дорогих ей человека почему-то разошлись на жизненном пути. Фишка снова бросилась к Степану, встревожено схватила зубами за штанину и дёрнула в сторону фотографа. Студент растерянно облизал пересохшие губы, всё ещё сомневаясь в себе. Но тут Сват двинулся к выходу, и Фишка кинулась к нему, прижалась боком к ногам, заставив остановиться. Стёпа резко выдохнул и двинулся следом за собакой, медленно, словно к каждой его ноге кто-то привязал по бетонной плите.

Сват тем временем пристегнул поводок к сбруе на собаке и попытался продолжить путь к выходу. Фишка упрямо бухнулась на пол, совершенно уверенная, что всё происходящее – не правильно. Стёпа был уже в шаге от фотографа, когда услышал глухие растерянные слова Бехтерева:

- Ну, красавица, пойдём, моя хорошая! Я хочу домой...

Словно хватаясь за спасательный круг, ладонь Степана накрыла руку Свата. Тот вздрогнул и повернул голову к студенту, напряжённо распахнув глаза. Губы Бехтерева шевельнулись, не издав ни звука. Но уже через секунду Сват выдавил из себя:

- Стёпа... Ты?

- Я, - просто ответил студент.

- Я так много тебе наговорил... - начал фотограф.

- Плевать, - отрезал Степан. – У меня только один вопрос. И ответь на него честно.

Лицо Свата исказилось гримасой боли. Степан же безжалостно выдохнул:

- Ты всё ещё хочешь, чтобы я ушёл?

В зале снова люди, топтались у стен с фотографиями зрители, кто-то кому-то что-то рассказывал... А эти двое очутились в полной тишине. Степан с болезненным удушьем увидел в уголках глаз слепого капельки слёз, словно выжатые бездной, поселившейся в этих невидящих омуты. Он протянул вздрагивавшую руку и неловко растёр эти хрусталики. В то же мгновение сильные руки обхватили его за плечи и притянули к жизни. Это был ответ. Безмолвно треснули и рассыпались все тёмные пустые переживания. Степан почувствовал, что летит. Без крыльев, без всяких условностей, без тяжёлого груза дурных мыслей.

Их губы встретились сильно, дерзко, жадно и солоно, на глазах у всех посетителей галереи. Это было безумие, на которое отныне будет плевать, понял Степан, растворяясь в долгожданных ощущениях, по которым стосковался до чёртиков в душе. Его любовь, поникшая, почти застывшая за последние недели, как птица феникс вспыхнула, стряхнув с себя коросту наносных обид и возрождаясь с новой силой. Мир словно разделился на две части по горизонту отчётливой острой кромки, вспоровшей кокон одиночества. Часть пространства стала туманным размытым образом, где застыли ничего не значащие лица, большие глаза, шёпот и страхи. Другой кусок вселенной полыхнул радугой многочисленных звёзд, словно парень врезался в поезд, и теперь всё кружилось хороводом искр.

Смятение ярких кусков мозаики дня отхлынуло, напуганное громким «гавком» лабрадорши, всё так же сидевшей в ногах фотографа. Стёпа оторвался от Свата и сообразил, наконец, что они только что поцеловались на глазах у десятков людей, обалдевших от увиденного. И среди галереи разных выражений глаз, у кого-то обалдевших, у кого-то прищуренных, а у кого-то даже весёлых, прорезался наглый молодой голос:

- И тут педики! Ну, куда от них не скроешься! Уроды...

Степан дёрнулся в объятиях Свата, но тот рук не разжал, лишь повернул голову в сторону говорившего, затесавшегося в группу каких-то молодых людей. И в это мгновение откуда-то с другой стороны раздался другой голос, до ужаса знакомый Степану:

- Вы бы хайло завалили, молодой человек.

В зале галереи повисла звенящая тишина. Стёпа ужом выскользнул из рук Свата и обернулся, холодея от страха. Этого просто не могло быть. Таких совпадений не бывает! Но глаза его не обманывали. Среди посетителей галереи он увидел своих родителей. Принаряженная мама с гордым видом висела на руке отца, который с лёгким презрением смотрел... не на Стёпу! Его холодный взгляд был направлен на тех самых молодых людей, среди которых маячил острослов. Бритый на лысо неформал в пальто нервно дёрнулся, наклонил голову и сделал вид, что он тут вообще не стоял. Кто-то в толпе посетителей галереи свистнул, засмеялся, и это словно прорвало ледяную плотину. В мгновение ока всё изменилось. На секунду Стёпу посетила ужасная мысль, что всё это вообще сон, но наглые руки Свата тут же вернули его в реальность, заграбастав обратно в свой хомут.

Отец перевёл взгляд на Стёпу, красноречиво вскинул брови и пожал плечами. Мама жизнерадостно подмигнула и потащила отца вглубь зала. Уже на прощание отец вдруг вскинул руку с двумя растопыренными пальцами победного символа. Студент моргнул раз, другой, а потом посмотрел на лицо Свата. Тот хмуро крутил головой, ещё не понимая, что всё уже кончилось. Стёпа обнял фотографа за торс и прошептал:

- Это словно сказка какая-то... Новогодняя сказка. Я ведь тебя больше не отпущу, придурок.

- Как и я тебя, солнце, - Сват улыбнулся самой счастливой улыбкой.

- Не смей больше быть таким холодным, - почти умоляюще попросил Степан. - Я обязательно тебя отопрею, слышишь? Обязательно отопрею...

- Конечно, отопреешь, ты же моё солнце, - прошептал Сват, утыкаясь носом в макушку студента. Сборы и убегание из галереи заняли считанные минуты. Уже на улице Степан схватил Свата за руку и с силой сжал, глядя в нахмурившееся небо:

- Сейчас снег пойдёт.

- Новогодний снег всегда к добру, - ответил фотограф. Фишка сунулась носом в сугроб накиданного с тротуара под стену галереи снега, чихнула и, довольная, гавкнула.

Они гуляли по улицам города несколько часов, пока не стемнело. Начавшийся ещё днём снегопад, словно какое-то волшебство прикрыл улицы полупрозрачной пеленой, расцвеченной светом фонарей. Белые хлопья невесомо падали вниз, наполняя воздух озоном и морозом. А они всё шли и говорили, говорили, говорили, и никак не могли остановиться. Каждому хотелось рассказать так много. Ведь они прожили целых шесть пустых месяцев, события которых не имели никакого значения, но почему-то рвались наружу.

В какой-то момент Стёпа глянул на часы и почти испуганно вскрикнул:

- Уже девять! Скоро Новый Год!

- Без паники, - строго сказал Сват, извлёк из кармана пальто мобильник и набрал всё тот же номер такси. Минутный разговор, и Бехтерев довольно известил:

- Минут через десять приедет машина.

- Да ты волшебник! - всерьёз удивился Стёпа. - В такой день вот так легко вызвать такси! Ты уверен, что она приедет?

- Я не волшебник, я подмастерье, - прошептал Сват ему на ухо, крепко обнимая. - У тебя учусь. Самое главное волшебство, это ты. Понимаешь? Откуда ты взялся в галерее? Почему я решил туда приехать сегодня? Ты веришь в совпадения?

- Не верю, - ответил Стёпа, глядя в глаза фотографа. - И никогда не поверю, Сват. Только не после сегодняшнего дня.

- Мы словно дошли до границы странной сказки, - горячо толкнулись слова в висок студенту. - Я всё ещё не верю, что ты настоящий. Прости меня за всё.

- И ты меня прости за то, что я так и не пришёл, - Стёпа снова ощутил тёплый комочек в горле. Фишка, которая вообще не думала уставать от прогулки, гавкнула, отвлекая двоих от разговора. К дому, возле которого они стояли, как раз подкатила знакомая ей машина. Водитель помахал рукой над крышей автомобиля и громко сказал:

- Это вы такси вызывали?!

За рулём оказалась женщина. Когда Сват спросил про Михаила, она весело рассмеялась:

- Да он уже дома, с семьёй. Я вот сейчас вас отвезу и тоже поеду до хаты. Ну, что, едем?

Двое парней и собака забрались в нагретый салон такси. Женщина, похоже, знала, куда надо ехать, и без вопросов повела автомобиль вперёд по дороге. Сват порывисто обернулся к Степану, снова обнял и проникновенно впился поцелуем в губы студента. Морзе горячо

откликнулся на этот порыв. А спустя пару секунд они услышали задорный голос женщины-водителя:

- Вашу ж мать! Парни! Вы чего там делаете, а? Бывают же подарки на Новый Год кому-то! Мне б хоть одного из вас на эту ночь... Оторвалась бы по-полной!

Сват со Степаном рассмеялись. А ещё минут через десять такси въехало в заснеженный двор бехтеревского дома. Они выбрались из машины, Сват тут же спустил Фишку с поводка, чтобы та действительно вволю поносила по снегу. Вскоре такси укатило прочь, а двое парней так и стояли во дворе многоэтажки, держась за руки. Сват прошептал:

- Расскажи мне, что ты видишь.

Стёпа словно очнулся от каких-то мыслей, неясных и тёплых, осмотрелся и сказал:

- Все уже по домам сидят, Новый Год через два с половиной часа. Пустой двор.

- Посмотри на окна. Много гирлянд?

Морзе уже с интересом посмотрел на дом. И действительно, практически все окна сияли, моргали, подмигивали где-то яркими, где-то тусклыми, но такими же радостными огоньками разного цвета. Синие, жёлтые, красные, зелёные, белые... Кто сказал, что Новый Год ещё не пришёл? Стёпа улыбнулся и сказал:

- Дом как ёлка, весь сияет.

Сват схватил его за плечи и потянул к себе. Лобрадоршата тут же кинулась поучаствовать в происходящем, отчего парни благополучно грохнулись в сугроб. И принялись жадно и жарко целоваться, навёрстывая упущенные дни, недели и месяцы. Степан, лёжа сверху на разгорячённом фотографе, целовал своё наваждение и шептал:

- Не отпущу, скотина... Больше не дам сбежать... За руку буду водить. Все дурные мысли выбью из головы. Вот так выбью...

Они целовались исступлённо, неистово и горячо. Сват шептал в ответ, почти не отрываясь от дорогих губ:

- Не смей... больше... пропадать... прибью... зацелую... насмерть...

А с неба сыпал снег, лёгкой вуалью опускаясь на двух человек в сугробе и на жизнерадостную собаку, которая с чувством выполненного долга носилась вокруг парней. Она сделала всё, что могла.

КОНЕЦ

Игорь Грант

ТУКИ-ТА, МОЕ СЕРДЦЕ

(Найду тебя во тьме)

Компьютерная верстка книги - ice-linx
Дизайн обложки - Зуб@стик

Все изображения, использованные в книге,
взяты с просторов интернета
и принадлежат их авторам.

Библиотека
СОО «Беспределье»